ИСПОВЕДЬ ПОРОКА

...ченко
...ЕКЛЯННОЙ СТЕНОЙ»

Венедикт Ерофеев
«МОСКВА — ПЕТУШКИ»

ИСПОВЕДЬ ПОРОКА

Ставропольское
книжное издательство
1991

ББК 56.14(2Р37)
Е78

Ставропольский краевой комитет Общества Красного Креста предлагает вашему вниманию книгу, целью которой является распространение знаний о физическом и нравственном здоровье человека. На ее страницах с вами говорят люди, деградирующие в обществе — алкоголик, наркоман, проститутка, которым очень нелегко жить среди нас.

Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР мобилизует общественные и индивидуальные усилия людей на предотвращение и облегчение человеческих страданий, защиту жизни, здоровья и достоинства людей, поддержание постоянной готовности к оказанию помощи всем, кто в ней нуждается.

Средства, вырученные от продажи данной книги, будут использованы Ставропольским краевым Обществом Красного Креста для оказания материальной помощи одиноким, престарелым людям, инвалидам труда и с детства, а также для других благотворительных целей.

Составитель **Луценко Светлана Георгиевна**

Е $\frac{4108110000-15}{М159(03)-91}$ 15-91

ISBN 5-7644-0361-8

МОСКВА —
ПЕТУШКИ
ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ

Вадиму Тихонову
Моему любимому первенцу посвящает автор эти трагические листы

МОСКВА. НА ПУТИ К КУРСКОМУ ВОКЗАЛУ

Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышу про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало — и ни разу не видел Кремля.

Вот и вчера опять не увидел,— а ведь целый вечер крутился вокруг тех мест, и не так чтобы очень пьян был: я, как только вышел на Савеловском, выпил для начала стакан зубровки, потому что по опыту знаю, что в качестве утреннего декохта люди ничего лучше еще не придумали.

Так. Стакан зубровки. А потом — на Каляевской — другой стакан, только уже не зубровки, а кориандровой. Один мой знакомый говорил, что кориандровая действует на человека антигуманно, то есть, укрепляя все члены, ослабляет душу. Со мной почему-то случилось наоборот, то есть душа в высшей степени окрепла, а члены ослабели, но я согласен, что и это антигуманно. Поэтому там же, на Каляевской, я добавил еще две кружки жигулевского пива и из горлышка альб-де-дессерт.

Вы, конечно, спросите: а дальше, Веничка, а дальше — что ты пил? Да я и сам путем не знаю, что я пил. Помню — на улице Чехова я выпил два стакана охотничьей. Но ведь не мог я пересечь Садовое кольцо, ничего не выпив? Не мог. Значит, я еще чего-то пил.

А потом я пошел в центр, потому что это у меня всегда так, когда я ищу Кремль, я неизменно попадаю на Курский вокзал. Мне ведь, собственно, и надо было идти на Курский вокзал, а не в центр, а я все-таки пошел в центр, чтобы на Кремль хоть раз посмотреть: все равно ведь, думаю, никакого Кремля я не увижу, а попаду прямо на Курский вокзал.

Обидно мне теперь почти до слез. Не потому, конечно, обидно, что к Курскому вокзалу я так вчера и не вышел. (Это чепуха: не вышел вчера — выйду сегодня.) И уж, конечно, не потому, что проснулся утром в чьем-то неведомом подъезде (оказывается, сел я вчера на

ступеньку в подъезде, по счету снизу сороковую, прижал к сердцу чемоданчик — и так и уснул). Нет, не потому мне обидно. Обидно вот почему: я только что подсчитал, что с улицы Чехова и до этого подъезда я выпил еще на шесть рублей — а что и где я пил? и в какой последовательности? во благо ли себе я пил или во зло? Никто этого не знает, и никогда теперь не узнает. Не знаем же мы вот до сих пор: царь Борис убил царевича Димитрия или наоборот?

Что это за подъезд, я до сих пор не имею понятия, но так и надо. Все так. Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян.

Я вышел на воздух, когда уже рассвело. Все знают — все, кто в беспамятстве попадал в подъезд, а на рассвете выходил из него,— все знают, какую тяжесть в сердце пронес я по этим сорока ступенькам чужого подъезда и какую тяжесть вынес на воздух.

— Ничего, ничего,— сказал я сам себе,— ничего. Вот — аптека, видишь? А вон — этот пидор в коричневой куртке скребет тротуар. Это ты тоже видишь. Ну вот и успокойся. Все идет как следует. Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо — иди направо.

Я пошел направо, чуть покачиваясь от холода и от горя, да, от холода и от горя. О, эта утренняя ноша в сердце! О, иллюзорность бедствия. О, непоправимость! Чего в ней больше, в этой ноше, которую еще никто не назвал по имени? Чего в ней больше: паралича или тошноты? Истощения нервов или смертной тоски где-то неподалеку от сердца? А если всего поровну, то в этом во всем чего же все-таки больше: столбняка или лихорадки?

— Ничего, ничего,— сказал я сам себе,— закройся от ветра и потихоньку иди. И дыши так редко, редко. Так дыши, чтобы ноги за коленки не задевали. И куда-нибудь да иди. Все равно куда. Если даже ты пойдешь налево — попадешь на Курский вокзал; если прямо — все равно на Курский вокзал. Поэтому иди направо, чтобы уже наверняка туда попасть. О, тщета!

О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа — время от рассвета до открытия магазинов! Сколько лишних седин оно вплело во всех нас, в бездомных и тоскующих шатенов! Иди, Веничка, иди.

МОСКВА. ПЛОЩАДЬ КУРСКОГО ВОКЗАЛА

Ну вот, я же знал, что говорил: пойдешь направо — обязательно попадешь на Курский вокзал. Скучно тебе было в этих проулках, Веничка, захотел ты суеты — вот и получай свою суету...

— Да брось ты,— отмахнулся я от себя,— разве суета мне твоя нужна? Люди разве твои нужны? Вот ведь Искупитель даже, и даже Маме своей родной, и то говорил: «Что мне до тебя?» А уж тем более мне — что мне до этих суетящихся и постылых?

Я лучше прислонюсь к колонне и зажмурюсь, чтобы не так тошнило...

— Конечно, Веничка, конечно,— кто-то запел в высоте так тихо, так ласково-ласково,— зажмурься, чтобы не так тошнило.

О! Узнаю! Это опять они! Ангелы Господни! Это вы опять?

— Ну конечно, мы,— и опять так ласково!..

— А знаете что, ангелы? — спросил я тихо-тихо.

— Что? — ответили ангелы.

— Тяжело мне...

— Да, мы знаем, что тяжело,— пропели ангелы.— А ты походи, легче будет, а через полчаса магазин откроется: водка там с девяти, правда, а красненького сразу дадут...

— Красненького?

— Красненького,— нараспев повторили ангелы Господни.

— Холодненького?

— Холодненького, конечно...

О, как я стал взволнован!..

— Вы говорите: походи, походи, легче будет. Да ведь и ходить-то не хочется... Вы же сами знаете, каково в моем состоянии — ходить!..

Помолчали на это ангелы. А потом опять запели:

— А ты вот чего: ты зайди в ресторан вокзальный. Может, там чего и есть. Там вчера вечером херес был. Не могли же выпить за вечер весь херес!..

— Да, да, да. Я пойду. Я сейчас пойду, узнаю. Спасибо вам, ангелы.

И они так тихо-тихо пропели:

— На здоровье, Веня...

А потом так ласково-ласково:

— Не стоит...

Какие они милые!.. Ну что ж... Идти так идти. И как хорошо, что я вчера гостинцев купил,— не ехать же в Петушки без гостинцев. В Петушки без гостинцев никак нельзя. Это ангелы мне напомнили о гостинцах, потому что те, для кого они куплены, сами напоминают ангелов. Хорошо, что купил... А когда ты их вчера купил? вспомни... иди и вспоминай...

Я пошел через площадь — вернее, не пошел, а поплелся. Два или три раза я останавливался и застывал на месте — чтобы унять в себе дурноту. Ведь в человеке не одна только физическая сторона; в нем и духовная сторона есть, и есть — больше того — есть сторона мистическая, сверхдуховная сторона. Так вот, я каждую минуту ждал, что меня посреди площади начнет тошнить со всех трех сторон. И опять останавливался, и опять застывал.

— Так когда же вчера ты купил свои гостинцы? После охотничьей? Нет, после охотничьей мне было не до гостинцев. Между первым и вторым стаканом охотничьей? Тоже нет. Между ними была пауза в тридцать секунд, а я не сверхчеловек, чтобы в тридцать секунд что-нибудь успеть. Да сверхчеловек и свалился бы после первого стакана охотничьей, так и не выпив второго... Так когда же? Боже милостивый, сколько в мире тайн! Непроницаемая завеса тайн! До кориандровой или между пивом и альб-де-дессертом?

МОСКВА. РЕСТОРАН КУРСКОГО ВОКЗАЛА

Нет, только не между пивом и альб-де-дессертом, там уж решительно не было никакой паузы. А вот до кориандровой — это очень может быть. Скорее даже так: орехи я купил до кориандровой, а уж конфеты — после. А может быть, и наоборот: выпив кориандровой, я...

— Спиртного ничего нет,— сказал вышибала. И оглядел меня всего, как дохлую птичку или грязный лютик.

Нет ничего спиртного!

Я, хоть и сжался от отчаяния, но все-таки сумел промямлить, что пришел вовсе не за этим. Мало ли зачем я пришел? Может быть, экспресс на Пермь по какой-то причине не хочет идти на Пермь, и вот я сюда пришел: съесть бефстроганов и послушать Ивана Козловского или что-нибудь из «Цирюльника».

Чемоданчик я все-таки взял с собой и, как давеча в подъезде, прижал его к сердцу в ожидании заказа.

Нет ничего спиртного! Царица небесная! Ведь если верить ангелам, здесь не переводится херес. А теперь — только музыка, да и музыка-то с какими-то песьими модуляциями. Это ведь и в самом деле Иван Козловский поет, я сразу узнал, мерзее этого голоса нет. Все голоса у всех певцов одинаково мерзкие, но мерзкие у каждого по-своему. Я потому их легко на слух различаю... Ну, конечно, Иван Козловский... «О-о-о, чаша моих прэ-э-эдков... О-о-о, дай мне наглядеться на тебя при свете зве-о-о-озд ночных»... Ну, конечно, Иван Козловский... «О-о-о, для чего тобой я околдо-о-ован... Не отвергай-ай»...

— Будете что-нибудь заказывать?

— А у вас чего — только музыка?

— Почему «только музыка»? Бефстроганов есть, пирожное, вымя...

Опять подступила тошнота.

— А херес?

— А хересу нет.

— Интересно. Вымя есть, а хересу нет!

— Оччень интересно. Да. Хересу нет. А вымя есть.

И меня оставили. Я, чтобы не очень тошнило, принялся рассматривать люстру над головой.

Хорошая люстра. Но уж слишком тяжелая. Если она сейчас сорвется и упадет кому-нибудь на голову — будет страшно больно... Да нет, наверно, даже и не больно: пока она срывается и летит, ты сидишь и, ничего не подозревая, пьешь, например, херес. А как она до тебя долетела — тебя уже нет в живых. Тяжелая это мысль: ... ты сидишь, а на тебя сверху — люстра. Очень тяжелая мысль...

Да нет, почему тяжелая?.. Если ты, положим, пьешь херес, если ты сидишь с перепою и еще не успел похмелиться, а хересу тебе не дают, и тут тебе на голову люстра — вот это уж тяжело... Очень гнетущая это мысль. Мысль, которая не всякому под силу. Особенно с перепою...

А ты бы согласился, если бы тебе предложили такое: мы тебе, мол, принесем сейчас 800 граммов хереса, а за это мы у тебя над головой отцепим люстру и...

— Ну как, надумали? Будете брать что-нибудь?

— Хересу, пожалуйста. 800 граммов.

— Да ты уж хорош, как видно! Сказано же тебе русским языком, нет у нас хереса!

— Ну... я подожду... когда будет...

— Жди-жди... Дождешься! Будет тебе сейчас херес!

И опять меня оставили. Я вслед этой женщине посмотрел с отвращением. В особенности на белые чулки безо всякого шва: шов бы меня смирил, может быть, разгрузил бы душу и совесть...

Отчего они так грубы? А? И грубы-то ведь, подчеркнуто грубы в те самые мгновения, когда нельзя быть грубым, когда у человека с похмелья все нервы навыпуск, когда он малодушен и тих! Почему так?! О, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как я сейчас, тих и боязлив, и был бы также ни в чем не уверен: ни в себе, ни в серьезности своего места под небом — как хорошо бы! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! — всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигу. «Всеобщее малодушие» — да ведь это спасение ото всех бед, это панацея, это предикат величайшего совершенства! А что касается деятельного склада натуры...

— Кому здесь херес?!

Надо мной — две женщины и один мужчина, все трое в белом. Я поднял глаза на них — о, сколько, должно быть, в моих глазах сейчас всякого безобразия и смутности, я это понял по ним, по их глазам, потому что и в их глазах отразилась эта смутность и это безобразие... Я сник и растерял душу.

— Да ведь я... почти и не прошу. Ну и пусть, что хересу нет, я подожду... я так...

— Это как, то есть, «так»!.. Чего это вы «подождете»?!

— Да почти ничего... Я ведь просто еду в Петушки, к любимой девушке (ха-ха! «к любимой девушке»!) — гостинцев вот купил...

Они, палачи, ждали, что я еще скажу.

— Я ведь... из Сибири, я сирота... А просто, чтобы не так тошнило... хересу хочу.

Зря я это опять про херес, зря! Он их сразу взорвал. Все трое подхватили меня под руки и через весь зал — о, боль такого позора! — через весь зал провели меня и вытолкнули на воздух. Следом за мной чемоданчик с гостинцами; тоже — вытолкнули.

Опять на воздух.

О, пустопорожность!

О, звериный оскал бытия!

МОСКВА. К ПОЕЗДУ ЧЕРЕЗ МАГАЗИН

Что было потом — от ресторана до магазина и от магазина до поезда — человеческий язык не повернется выразить. Я тоже не берусь. А если за это возьмутся ангелы — они просто расплачутся, а сказать от слез ничего не сумеют.

Давайте лучше так — давайте почтим минутой молчания два этих смертных часа. Помни, Веничка, об этих часах. В самые восторженные, в самые искрометные дни своей жизни — помни о них. В минуты блаженств и упоений — не забывай о них. Это не должно повториться. Я обращаюсь ко всем родным и близким, ко всем людям доброй воли, я обращаюсь ко всем, чье сердце открыто для поэзии и сострадания.

Оставьте ваши занятия. Остановитесь вместе со мной, и почтим минутой молчания то, что невыразимо. Если есть у вас под рукой какой-нибудь завалящий гудок — нажмите на этот гудок.

Так. Я тоже останавливаюсь... Ровно минуту, мутно глядя в вокзальные часы, я стою как столб посреди площади Курского вокзала. Волосы мои развеваются на ветру, то дыбом встают, то развеваются снова. Такси обтекают меня со всех четырех сторон. Люди — тоже, и смотрят так дико: думают, наверное,— изваять его вот так, в назидание народам древности, или не изваять?

И нарушает эту тишину лишь сиплый женский бас, льющийся из ниоткуда.

— Внимание! В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная. Далее — по всем пунктам, кроме Есино.

А я продолжаю стоять.

— Повторяю! В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная. Далее — по всем пунктам, кроме Есино.

Ну, вот и все. Минута истекла. Теперь вы все, конечно, набрасываетесь на меня с вопросами: «Ведь ты из магазина, Веничка?»

— Да, говорю я вам,— из магазина.— А сам продолжаю идти в направлении перрона, склонив голову влево.

— Твой чемоданчик теперь тяжелый? Да? А в сердце поет свирель? Ведь правда?

— Ну, это как сказать! — говорю я, склонив голову вправо.— Чемоданчик, точно, очень тяжелый. А насчет свирели говорить еще рано...

— Так что же, Веничка, что же ты все-таки купил? Нам страшно интересно!

— Да ведь я понимаю, что интересно. Сейчас, сейчас перечислю: во-первых, две бутылки кубанской по два шестьдесят две каждая, итого пять двадцать четыре. Дальше: две четвертинки российской, по рупь шестьдесят четыре, итого пять двадцать четыре плюс три двадцать восемь. Восемь рублей пятьдесят две копейки. И еще какое-то красное. Сейчас вспомню. Да — розовое крепкое за рупь тридцать семь.

— Так-так-так,— говорите вы,— а общий итог? Ведь все это страшно интересно...

— Сейчас я вам скажу общий итог...

— Общий итог девять рублей восемьдесят девять копеек,— говорю я, вступив на перрон.— Но ведь это не совсем общий итог. Я ведь купил еще два бутерброда, чтобы не сблевать.

— Ты хотел сказать, Веничка, «чтобы не стошнило»?

Нет, что я сказал, то сказал. Первую дозу я не могу без закуски, потому что могу сблевать. А вот уж вторую и третью могу пить всухую, потому что стошнить, может, и стошнит, но уже ни за что не сблюю. И так — вплоть до девятой. А там опять понадобится бутерброд.

— Зачем? Опять стошнит?

— Да нет, стошнить-то уж ни за что не стошнит, а вот сблевать — сблюю.

Вы все, конечно, на это качаете головами. Я даже вижу — отсюда, с мокрого перрона,— как вы все, рассеянные по моей земле, качаете головами и беретесь иронизировать:

— Как это сложно, Веничка, как это тонко!

— Еще бы!

— Какая четкость мышления! И это — все? И это — все, что тебе нужно, чтобы быть счастливым? И больше — ничего?

— Ну как, то есть,— ничего? — говорю я, входя в вагон.— Было бы у меня побольше денег, я взял бы еще пива и пару портвейнов, но ведь...

Тут уж вы совсем принимаетесь стонать.

— О-о-о, Веничка! О-о-о, примитив!

Ну так что же? Пусть примитив, говорю. И на этом перестаю с вами разговаривать. «Пусть примитив»! А на

вопросы ваши я больше не отвечаю. Я лучше сяду, к сердцу прижму чемоданчик и буду в окошко смотреть. Вот так. «Пусть примитив»!

А все пристаете:

— Ты чего? Обиделся?

— Да нет,— отвечаю.

— Ты не обижайся, мы тебе добра хотим. Только зачем ты, дурак, все к сердцу чемодан прижимаешь? Потому что водка там, что ли?

Тут уж я совсем обижаюсь: да при чем тут водка?

— Граждане пассажиры, наш поезд следует до станции Петушки. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная, далее по всем пунктам, кроме Есино.

В самом деле, причем тут водка? Я вижу, вы ни о чем не можете говорить, кроме водки. Далась вам эта водка! Да я и в ресторане, если хотите, прижимал его к сердцу, а водки еще там не было. И в подъезде, если помните,— тоже прижимал, а водкой там еще и не пахло!.. Если уж вы хотите все знать,— я вам все расскажу, погодите только. Вот похмелюсь на Серпе и Молоте, и

МОСКВА — СЕРП И МОЛОТ

и тогда все, все расскажу. Потерпите. Ведь я-то терплю!

Ну конечно, все они считают меня дурным человеком. По утрам и с перепою я сам о себе такого же мнения. Но ведь нельзя же доверять мнению человека, который еще не успел похмелиться! Зато по вечерам — какие во мне бездны! — если, конечно, хорошо набраться за день,— какие бездны во мне по вечерам!

Но — пусть. Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов и грез, и усилий — он очень дурной, этот человек. Утром плохо, вечером хорошо — верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот — если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение — это уж точно человек дрянь, деляга и посредственность. Гадок мне этот человек. Не знаю как вам, а мне гадок.

Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и закату тоже рады,— так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну уж, а если кому одинаково скверно и

утром, и вечером — тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченый подонок и м...звон. Потому что магазины у нас работают до девяти, а Елисеевский — тот даже до одиннадцати, и если ты не подонок, ты всегда сумеешь к вечеру подняться до чего-нибудь, до какой-нибудь пустяшной бездны...

Итак, что же я имею?

Я вынул из чемоданчика все, что имею, и все ощупал: от бутерброда до розового крепкого за рупь тридцать семь. Ощупал — и вдруг затомился и поблек. Господь, вот ты видишь, чем я обладаю? Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа? Вот что дали мне люди взамен того, по чему тоскует душа! А если б они мне дали того, разве нуждался бы я в этом? Смотри, Господь, вот: розовое крепкое за рупь тридцать семь...

И, весь в синих молниях, Господь мне ответил:

— А для чего нужны стигматы святой Терезе? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны.

— Вот-вот! — отвечал я в восторге.— Вот и мне, и мне тоже — желанно мне это, но ничуть не нужно!

— Ну, раз желанно, Веничка, так и пей,— тихо подумал я, но все медлил. Скажет мне Господь еще что-нибудь или не скажет?

Господь молчал.

Ну, хорошо. Я взял четвертинку и вышел в тамбур. Так. Мой дух томился в заточении четыре с половиной часа, теперь я выпущу его погулять. Есть стакан и есть бутерброд, чтобы не стошнило. И есть душа, пока еще чуть приоткрытая для впечатлений бытия. Раздели со мной трапезу, Господи!

СЕРП И МОЛОТ — КАРАЧАРОВО

И немедленно выпил.

КАРАЧАРОВО—ЧУХЛИНКА

А выпив — сами видите, как долго я морщился и сдерживал тошноту, сколько чертыхался и сквернословил. Не то пять минут, не то семь минут, не то целую вечность — так и метался в четырех стенах, ухватив себя за горло, и умолял Бога моего не обижать меня.

И до самого Карачарова, от Серпа и Молота до Ка-

рачарова, мой Бог не мог расслышать мою мольбу,— выпитый стакан то клубился где-то между чревом и пищеводом, то взметывался вверх, то снова опадал. Это было как Везувий, Геркуланум и Помпея, как первомайский салют в столице моей страны. И я страдал и молился.

И вот только у Карачарова мой Бог расслышал и внял. Все улеглось и притихло. А уж если у меня что-нибудь притихнет и уляжется, так это бесповоротно. Будьте уверены. Я уважаю природу, было бы некрасиво возвращать природе ее дары... Да.

Я кое-как пригладил волосы и вернулся в вагон. Публика посмотрела в меня почти безучастно, круглыми и как будто ничем не занятыми глазами...

Мне это нравится. Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости. Можно себе представить, какие глаза там. Где все продается и все покупается: ...глубоко спрятанные, притаившиеся, хищные и перепуганные глаза... Коррупция, девальвация, безработица, пауперизм... Смотрят исподлобья, с неутихающей заботой и мукой.

Вот какие глаза в мире Чистогана...

Зато у моего народа — какие глаза! Они постоянно навыкате, но — никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла — но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий — эти глаза не сморгнут. Им все божья роса...

Мне нравится мой народ. Я счастлив, что родился и возмужал под взглядами этих глаз. Плохо только вот что: вдруг да они заметили, что я сейчас там на площадке выделывал?.. Кувыркался из угла в угол, как великий трагик Федор Шаляпин, с рукою на горле, как будто меня что душило?

Ну да впрочем, пусть. Если кто и видел — пусть. Может, я там что репетировал? Да... В самом деле. Может, я играл в бессмертную драму «Отелло, мавр венецианский»? Играл в одиночку и сразу во всех ролях? Я, например, изменил себе, своим убеждениям: вернее, я стал подозревать себя в измене самому себе и своим убеждениям: я себе нашептал про себя,— о, такое нашептал! — и вот я, возлюбивший себя за муки, как самого

себя,— я принялся себя душить. Схватил себя за горло и душу. Да мало ли что я там делал?

Вон — справа, у окошка — сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто. И пожалуйста — никого не стыдятся, наливают и пьют. Не выбегают в тамбур и не заламывают рук. Тупой-тупой выпьет, крякнет и говорит: «А! Хорошо пошла, курва!» А умный-умный выпьет и говорит: «Транс-цен-ден-тально!» И таким праздничным голосом! Тупой-тупой закусывает и говорит «Заку-уска у нас сегодня — блеск! Закуска типа «я вас умоляю!». А умный-умный жует и говорит: «Да-а-а... Транс-цен-ден-тально!..»

Поразительно! Я вошел в вагон и сижу и страдаю от мысли, за кого меня приняли — мавра или не мавра? плохо обо мне подумали, хорошо ли? А эти — пьют горячо и открыто, как венцы творения, пьют с сознанием собственного превосходства над миром... «Закуска типа «я вас умоляю»! «...Я, похмеляясь утром, прячусь от неба и земли, потому что это интимнее всякой интимности!.. До работы пью — прячусь. Во время работы пью — прячусь... а эти!! «Транс-цен-ден-тально!»

Мне очень вредит моя деликатность, она исковеркала мне мою юность. Мое детство и отрочество... Скорее так: скорее это не деликатность, а просто я безгранично расширил сферу интимного — сколько раз это губило меня...

Вот сейчас я вам расскажу. Помню, лет десять тому назад я поселился в Орехово-Зуево. К тому времени, как я поселился, в моей комнате уже жило четверо, я стал у них пятым. Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить портвейн, он вставал и говорил: «Ребята, я хочу пить портвейн». А все говорили: «Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн». Если кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво.

Прекрасно. Но вдруг я стал замечать, что эти четверо как-то отстраняют меня от себя, как-то шепчутся, на меня глядя, как-то смотрят за мной, если я куда пойду. Странно мне было это и даже чуть тревожно... И на их физиономиях я читал ту же озабоченность и будто даже страх... «В чем дело? — терзался я.— Отчего это так?»

И вот наступил вечер, когда я понял, в чем дело и отчего это так. Я, помнится, в этот день даже и не вставал с постели: я выпил пива и затосковал. Лежал, тосковал.

И вижу: все четверо потихоньку меня обсаживают — двое сели на стулья у изголовья, а двое в ногах. И смотрят с ожесточением людей, не могущих постигнуть какую-то заключенную во мне тайну... Не иначе, как что-то случилось.

— Послушай-ка,— сказали они.— Ты это брось.

— Что «брось»?..— я изумился и чуть привстал.

— Брось считать, что ты выше других... что мы мелкая сошка, а ты Каин и Манфред!...

— Да с чего вы взяли!..

— А вот с того и взяли. Ты пиво сегодня пил?

ЧУХЛИНКА—КУСКОВО

— Пил.

— Много пил?

— Много.

— Ну так вставай и иди.

— Да куда «иди»?

— Будто не знаешь! Получается так — мы мелкие козявки и подлецы, а ты Каин и Манфред...

— Позвольте,— говорю,— я этого не утверждал...

— Нет, утверждал. Как ты поселился к нам — ты каждый день это утверждаешь. Не словом, но делом. Даже не делом, а отсутствием этого дела. Ты негативно это утверждаешь...

— Да какого «дела»? Каким «отсутствием»? — я уж от изумления совсем глаза распахнул...

— Да известно какого дела. До ветру ты не ходишь — вот что. Мы сразу почувствовали: что-то неладно. С тех пор как ты поселился, мы никто ни разу не видели, чтобы ты в туалет пошел. Ну ладно, по большой нужде еще ладно! Но ведь ни разу даже по малой... даже по малой!

И все это было сказано без улыбки, тоном до смерти оскорбленным.

— Нет, ребята, вы меня неправильно поняли...

— Нет, мы тебя правильно поняли...

— Да нет же, не поняли. Не могу же я, как вы, встать с постели, сказать во всеуслышание: «Ну, ребята, я ...ать пошел!» или «Ну, ребята, я ...ать пошел!» Не могу же я так...

— Да почему же ты не можешь! Мы — можем, а ты — не можешь! Выходит, ты лучше нас! Мы грязные животные, а ты, как лилея!..

— Да нет же... Как бы это вам объяснить...

— Нам нечего объяснять... нам все ясно.

— Да вы послушайте... поймите же... в этом мире есть вещи...

— Мы не хуже тебя знаем, какие есть вещи, а каких вещей нет...

И я никак не мог их ни в чем убедить. Они своими угрюмыми взглядами пронзали мне душу... Я начинал сдаваться...

— Ну, конечно, я тоже могу... я тоже мог бы...

— Вот-вот. Значит, ты — можешь, как мы. А мы, как ты,— не можем. Ты, конечно, все можешь, а мы ничего не можем. Ты Манфред, ты Каин, а мы как плевки у тебя под ногами...

— Да нет, нет,— тут уж я совсем запутался.— В этом мире есть вещи... есть такие сферы... нельзя же так просто: встать и пойти. Потому что самоограничение, что ли?.. есть такая заповеданность стыда, со времен Ивана Тургенева... и потом — клятва на Воробьевых горах... И после этого встать и сказать: «Ну, ребята...» Как-то оскорбительно... Ведь если у кого щепетильное сердце...

Они, все четверо, глядели на меня уничтожающе. Я пожал плечами и безнадежно затих.

— Ты это брось про Ивана Тургенева. Говори, да не заговаривайся, сами читали. А ты лучше вот что скажи: ты пиво сегодня пил?

— Пил.

— Сколько кружек?

— Две больших и одну маленькую.

— Ну так вставай и иди. Чтобы мы все видели, что ты пошел. Не унижай нас и не мучь. Вставай и иди.

Ну что ж, я встал и пошел. Не для того, чтобы облегчить себя. Для того, чтобы их облегчить. А когда вернулся, один из них мне сказал: «С такими позорными взглядами ты вечно будешь одиноким и несчастным».

Да. И он был совершенно прав. Я знаю многие замыслы Бога, но для чего он вложил в меня столько целомудрия, я до сих пор так и не знаю. А это целомудрие — самое смешное! — это целомудрие толковалось так навыворот, что мне отказывали даже в самой элементарной воспитанности.

Например, в Павлово-Посаде. Меня подводят к дамам и представляют так:

— А вот это тот самый, знаменитый Веничка Ерофеев. Он знаменит очень многим. Но больше всего, конеч-

но, тем знаменит, что за всю свою жизнь ни разу не пукнул...

— Как!!! Ни разу!! — удивляются дамы и во все глаза меня рассматривают.— Ни ра-зу!!!

Я, конечно, начинаю конфузиться. Я не могу при дамах не конфузиться. Я говорю:

— Ну, как, то есть, ни разу! Иногда... все-таки...

— Как! — еще больше удивляются дамы.— Ерофеев — и... странно подумать!.. «Иногда все-таки!»

Я от этого окончательно теряюсь, я говорю примерно так:

— Ну... а что в этом такого, я же... это ведь — пукнуть — это ведь так ноуменально... Ничего в этом феноменального нет — в том, чтобы пукнуть...

— Вы только подумайте! — обалдевают дамы.

А потом трезвонят по всей петушинской ветке: «Он все это делает вслух, и говорит, что это не плохо он делает! Что это он делает хорошо!»

Ну, вот видите. И так всю жизнь. Всю жизнь довлеет надо мной этот кошмар — кошмар, заключающийся в том, что понимают тебя не превратно, нет,—«превратно» бы еще ничего! — но именно строго наоборот, то есть совершенно по-свински, то есть антиномично.

Я много мог бы рассказать по этому предмету, но если я буду рассказывать все — я растяну до самых Петушков. А лучше я не буду рассказывать все, а только один-единственный случай, потому что он самый свежий: о том, как неделю тому назад меня сняли с бригадирского поста за «внедрение порочной системы индивидуальных графиков». Все наше московское управление сотрясается от ужаса, стоит им всем вспомнить об этих графиках. А чего же тут ужасного, казалось бы!

Да! Где это мы сейчас едем?..

Кусково! Мы чешем без остановки через Кусково! По такому случаю следовало бы мне еще раз выпить, но я лучше сначала вам расскажу,

КУСКОВО—НОВОГИРЕЕВО

а потом уж пойду и выпью.

Итак, неделю тому назад меня скинули с бригадирства, а пять недель тому назад — назначили. За четыре недели, сами понимаете, крутых перемен не введешь, да я и не вводил никаких крутых перемен, а если кому по-

казалось, что я вводил, так поперли меня все-таки не за крутые перемены.

Дело началось проще. До меня наш производственный процесс выглядел следующим образом: с утра мы садились и играли в сику, на деньги (вы умеете играть в сику?). Так, потом вставали, разматывали барабан с кабелем и кабель укладывали под землю. А потом — известное дело: садились, и каждый по-своему убивал свой досуг, ведь все-таки у каждого своя мечта и свой темперамент: один — вермут пил, другой, кто попроще — одеколон «Свежесть», а кто с претензией — пил коньяк в международном порту Шереметьево. И ложились спать.

А наутро так: сначала садились и пили вермут. Потом вставали и вчерашний кабель вытаскивали из-под земли и выбрасывали, потому что он уже весь мокрый был, конечно. А потом — что же? — потом садились играть в сику, на деньги. Так и ложились спать, не доиграв.

Рано утром уже будили друг друга: «Леха! Вставай в сику играть!» «Стасик, вставай доигрывать вчерашнюю сику!» Вставали, доигрывали в сику. А потом — ни свет ни заря, ни «Свежести» не попив, ни вермуту, хватали барабан с кабелем и начинали его разматывать, чтобы он до завтра отмок и пришел в негодность. А уж потом — каждый за свой досуг, потому что у каждого свои идеалы. И так все сначала.

Став бригадиром, я упростил этот процесс до мыслимого предела. Теперь мы делали вот как: один день играли в сику, другой — пили вермут, на третий день опять в сику, на четвертый — опять вермут. А тот, кто с интеллектом,— тот и вовсе пропал в аэропорту Шереметьево: сидел и коньяк пил. Барабана мы, конечно, и пальцем не трогали,— да если бы я и предложил барабан тронуть, они все рассмеялись бы, как боги, а потом били бы меня кулаками по лицу, ну а потом разошлись бы: кто в сику играть, на деньги, кто вермут пить, а кто «Свежесть».

И до времени все шло превосходно: мы им туда раз в месяц посылали соцобязательства, а они нам жалованье два раза в месяц. Мы, например, пишем: по случаю предстоящего столетия обязуемся покончить с производственным травматизмом. Или так: по случаю славного столетия добьемся того, чтобы каждый шестой обучался заочно в высшем учебном заведении. А уж какой там травматизм и заведения, если мы за сикой белого света не видим, и нас всего пятеро!

О, свобода и равенство! О, братство и иждивенчество! О, сладость неподотчетности! О, блаженнейшее время в жизни моего народа — время от открытия и до закрытия магазинов!

Отбросив стыд и дальние заботы, мы жили исключительно духовной жизнью. Я расширял им кругозор по мере сил, и им очень нравилось, когда я им его расширял: особенно во всем, что касается Израиля и арабов. Тут они были в совершенном восторге — в восторге от Израиля, в восторге от арабов, и от Голанских высот в особенности. А Абба Эбан и Моше Даян с языка у них не сходили. Приходят они утром с б...ок, например, и один у другого спрашивает: «Ну как? Нинка из 13-й комнаты даян эбан?» А тот отвечает с самодовольною усмешкою: «Куда же она, падла, денется? Конечно, даян!»

А потом (слушайте), а потом, когда они узнали, отчего умер Пушкин, я дал им почитать «Соловьиный сад», поэму Александра Блока. Там в центре поэмы, если, конечно, отбросить в сторону все эти благоуханные плечи и неозаренные туманы, и розовые башни в дымных ризах, там в центре поэмы лирический персонаж, уволенный с работы за пьянку, б...ки и прогулы. Я сказал им: «Очень своевременная книга,— сказал,— вы прочтете ее с большой пользой для себя». Что ж? они прочли. Но вопреки всему, она на них сказалась удручающе: во всех магазинах враз пропала вся «Свежесть». Непонятно почему, но сика была забыта, вермут был забыт, международный аэропорт Шереметьево был забыт,— и восторжествовала «Свежесть», все пили только «Свежесть».

О, беззаботность! О, птицы небесные, не собирающие в житницы! О, краше Соломона одетые полевые лилии! — Они выпили всю «Свежесть» от станции Долгопрудная до международного аэропорта Шереметьево!

И вот тут-то меня озарило: да ты просто бестолочь, Веничка, ты круглый дурак; вспомни, ты читал у какого-то мудреца, что Господь Бог заботится только о судьбе принцев, предоставляя о судьбе народов заботиться принцам. А ведь ты бригадир и, стало быть, «маленький принц». Где же твоя забота о судьбе твоих народов? Да смотрел ли ты в души этих паразитов, в потемки душ этих паразитов? Диалектика сердца этих четверых м...ков — известна ли тебе? Если б была известна, тебе было б понятнее, что общего у «Соловьиного сада» со «Свежестью» и почему «Соловьиный сад» не сумел ужиться ни с сикой, ни с вермутом, тогда как с ними

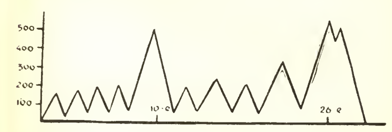
прекрасно уживались и Моше Даян и Абба Эбан!

И вот тогда-то я ввел свои пресловутые «индивидуальные графики», за которые меня наконец и поперли...

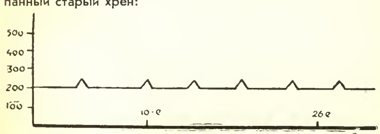
НОВОГИРЕЕВО—РЕУТОВО

Сказать ли вам, что это были за графики? Ну, это очень просто: на веленевой бумаге черной тушью рисуются две оси — одна ось горизонтальная, другая вертикальная. На горизонтальной откладываются последовательно все рабочие дни истекшего месяца, а на вертикальной — количество выпитых граммов, в пересчете на чистый алкоголь. Учитывалось, конечно, только выпитое на производстве и до него, поскольку выпитое вечером — величина для всех более или менее постоянная и для серьезного исследователя не может представить интереса.

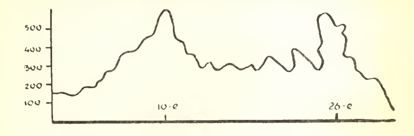
Итак, по истечении месяца рабочий подходит ко мне с отчетом: в такой-то день выпито того-то и столько-то, в другой — столько-то и того-то. А я, черной тушью и на веленевой бумаге, изображаю все это красивою диаграммою. Вот, полюбуйтесь, например, это линия комсомольца Виктора Тотошкина:

А это Алексей Блиндяев, член КПСС с 1936 г., потрепанный старый хрен:

А вот уж это — ваш покорный слуга, экс-бригадир монтажников ПТУСа, автор поэмы «Москва—Петушки»:

Ведь правда, интересные линии? Даже для самого поверхностного взгляда — интересные? У одного — Гималаи, Тироль, бакинские промыслы или даже верх Кремлевской стены, которую я, впрочем, никогда не видел.

У другого — предрассветный бриз на реке Каме, тихий всплеск и бисер фонарной ряби. У третьего — биение гордого сердца, песня о буревестнике и девятый вал. И все это — если видеть только внешнюю форму линий.

А тому, кто пытлив (ну вот мне, например), эти линии выбалтывали все, что только можно выболтать о человеке и о человеческом сердце: все его качества, от сексуальных до деловых, все его ущербы, деловые и сексуальные. И степень его уравновешенности, и способность к предательству, и все тайны подсознательного; если только были эти тайны.

Душу каждого м...ка я теперь рассматривал со вниманием, пристально и в упор. Но не очень долго рассматривал: в один злосчастный день у меня со стола исчезли все мои диаграммы. Оказалось: это старая шпала, Алексей Блиндяев, член КПСС с 1936 г., в тот день отсылал в управление наше новое соцобязательство, где все мы клялись по случаю предстоящего столетия быть в быту такими же, как на производстве,— и, сдуру ли или спьяну, он в тот же конверт вложил и мои индивидуальные графики.

Я, как заметил пропажу, выпил и схватился за голову. А там, в управлении, тоже — получили пакет, схватились за голову, выпили и в тот же день въехали на «москвиче» в расположение нашего участка. Что они обнаружили, вломившись к нам в контору? Они ничего не обнаружили, кроме Лехи и Стасика: Леха дремал на полу, свернувшись клубочком, а Стасик блевал. В четверть часа все

было решено — моя звезда, вспыхнувшая на четыре недели, закатилась. Распятие свершилось — ровно через тридцать дней после вознесения. Один только месяц от моего Тулона до моей Елены. Короче, они меня разжаловали, а на место мое назначили Алексея Блиндяева, этого дряхлого придурка, члена КПСС с 1936 г. А он, тут же после назначения, проснулся на своем полу, попросил у них рупь — они ему рупь не дали. Стасик перестал блевать и тоже попросил рупь — они и ему не дали. Попили красного вина, сели в свой «Москвич» и уехали обратно.

И вот — я торжественно объявляю: до конца моих дней я не предприму ничего, чтобы повторить мой печальный опыт возвышения. Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы — по плевку. Чтобы по ней подыматься, надо быть жидовской мордой без страха и упрека, пидором, выкованным из чистой стали с головы до пят. А я — не такой.

Как бы то ни было — меня поперли. Меня, вдумчивого принца-аналитика, любовно перебирающего души своих людей, меня — снизу — сочли штрейкбрехером и коллаборационистом, а сверху — лоботрясом с неуравновешенной психикой. Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить. «Верхи не могли, а низы не хотели». Что это предвещает, знатоки истинной философии истории? Совершенно верно: в ближайший же аванс меня будут физдить по законам добра и красоты, а ближайший аванс — послезавтра, а значит, послезавтра меня измудохают.

— Ффффу!

— Кто сказал «Фффу»? Это вы, ангелы, сказали «Фффу!»?

— Да, это мы сказали. Фффу, Веня, как ты ругаешься!!!

— Да как же, посудите сами, как не ругаться! Весь этот житейский вздор так надломил меня, что я с того самого дня не просыхаю. Я и до этого не сказать, чтобы очень просыхал, но, во всяком случае, я хоть запоминал, что я пью и в какой последовательности, а теперь и этого не могу упомнить... У меня все полосами, все в жизни как-то полосами: то не пью неделю, то пью потом 40 дней, потом опять четыре дня не пью, а потом опять шесть месяцев пью без единого роздыха... Вот и теперь...

— Мы понимаем, мы все понимаем. Тебя оскорбили, и твое прекрасное сердце...

Да, да, в тот день мое сердце целых полчаса боролось с рассудком. Как в трагедиях Пьера Корнеля, поэта-лауреата: долг борется с сердечным влечением. Только у меня наоборот: сердечное влечение боролось с рассудком и долгом. Сердце мне говорило: «Тебя обидели, тебя сравняли с говном. Поди, Веничка, и напейся. Встань и поди напейся, как сука». Так говорило мое прекрасное сердце. А мой рассудок? Он брюзжал и упорствовал: «Ты не встанешь, Ерофеев, ты никуда не пойдешь и ни капли не выпьешь». А сердце на это: «Ну ладно, Веничка, ладно. Много пить не надо, не надо напиваться как сука: а выпей четыреста грамм и завязывай». «Никаких грамм! — отчеканивал рассудок.— Если уж без этого нельзя, поди и выпей три кружки пива; а о граммах своих, Ерофеев, и помнить забудь». А сердце заныло: «Ну хоть двести грамм. Ну...

РЕУТОВО—НИКОЛЬСКОЕ

ну хоть сто пятьдесят...» И тогда рассудок: «Ну хорошо, Веня,— сказал,— хорошо, выпей сто пятьдесят, только никуда не ходи, сиди дома...»

Что же вы думаете! Я выпил сто пятьдесят и усидел дома? Ха-ха. Я с этого дня пил по тысяче пятьсот каждый день, чтобы усидеть дома, и все-таки не усидел. Потому что на шестой день размок уже настолько, что исчезла грань между рассудком и сердцем, и оба в голос мне затвердили: «Поезжай, поезжай в Петушки! В Петушках — твое спасение и радость твоя, поезжай».

«Петушки — это место, где не умолкают птицы ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. Первородный грех — может, он и был — там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен...»

«Там каждую пятницу, ровно в одиннадцать, на вокзальном перроне меня встречает эта девушка с глазами белого цвета, белого, переходящего в белесый,— эта любимейшая из потаскух, эта белобрысая дьяволица. А сегодня пятница, и меньше чем через два часа будет ровно одиннадцать, и будет она, и будет вокзальный перрон, и этот белесый взгляд, в котором нет ни совести, ни стыда. Поезжайте со мной — о, вы такое увидите!..»

«Да и что я оставил — там, откуда уехал и еду? Пару дохлых портянок и казенные брюки, плоскогубцы и раш-

пиль, аванс и накладные расходы,— вот что оставил! А что впереди? что в Петушках на перроне? — а на перроне рыжие ресницы, опущенные ниц, и колыхание форм, и коса от затылка до попы. А после перрона — зверобой и портвейн, блаженства и корчи, восторги и судороги. Царица небесная, как далеко еще до Петушков!»

«А там, за Петушками, где сливается небо и земля и волчица воет на звезды,— там совсем другое, но то же самое: там в дымных и вшивых хоромах, неизвестный этой белесой, распускается мой младенец, самый пухлый и самый кроткий из всех младенцев. Он знает букву «ю» и за это ждет от меня орехов. Кому из вас в три года была знакома буква «ю»? Никому; вы и теперь-то ее толком не знаете. А вот он — знает, и никакой за это награды не ждет, кроме стакана орехов».

— Помолитесь, ангелы, за меня. Да будет светел мой путь, да не преткнусь о камень, да увижу город, по которому столько томился. А пока — вы уж простите меня — пока присмотрите за моим чемоданчиком, я на десят минут отлучусь. Мне нужно выпить кубанской, чтобы не угасить порыва.

И вот — я снова встал и через половину вагона прошел на площадку.

И пил уже не так, как пил у Карачарова, нет, теперь я пил без тошноты и без бутерброда, из горлышка, запрокинув голову, как пианист, и с сознанием величия того, что еще только начинается и чему еще предстоит быть.

НИКОЛЬСКОЕ—САЛТЫКОВСКАЯ

— Не в радость обратятся тебе эти тринадцать глотков,— подумал я, делая тринадцатый глоток.

— Ты ведь знаешь и сам, что вторая по счету утренняя доза, если ее пить из горлышка,— омрачает душу, пусть не надолго, только до третей дозы, выпитой из стакана,— но все-таки омрачает. Тебе ли этого не знать?

— Ну пусть. Пусть светел твой завтрашний день. Пусть твое завтра будет еще светлее. Но почему же смущаются ангелы, чуть только ты заговоришь о радостях на петушинском перроне и после?

— Что ж они думают? Что меня там никто не встретит? или поезд повалится под откос? или в Купавне выса-

дят котролеры? или где-нибудь у 105-го километра я задремлю от вина, и меня, сонного, удавят, как мальчика? или зарежут, как девочку? Почему же ангелы смущаются и молчат? Мое завтра светло. Да. Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня. Но кто поручится, что наше послезавтра не будет хуже нашего позавчера?

— Вот-вот! Ты хорошо это, Веничка, сказал. Наше завтра и так далее. Очень складно и умно ты это сказал, ты редко говоришь так складно и умно.

— И вообще, мозгов в тебе не очень много. Тебе ли, опять же, этого не знать? Смирись, Веничка, хотя бы на том, что твоя душа вместительнее ума твоего. Да и зачем тебе ум, если у тебя есть совесть и сверх того еще вкус? Совесть и вкус — это уже так много, что мозги становятся прямо излишними.

— А когда ты в первый раз заметил, Веничка, что ты дурак?

— А вот когда. Когда я услышал одновременно сразу два полярных упрека: и в скучности, и в легкомыслии. Потому что если человек умен и скучен, не опустится до легкомыслия. А если он легкомыслен да умен — он скучным быть себе не позволит. А вот я, рохля, как-то сумел сочетать.

— И сказать почему? Потому что я болен душой, но не подаю и вида. Потому что с тех пор, как помню себя, я только и делаю, что симулирую душевное здоровье, каждый миг, и на это расходую все (все без остатка) и умственные, и физические, и какие угодно силы. Вот оттого и скушен... Все, о чем вы говорите, все, что повседневно вас занимает,— мне бесконечно посторонне. Да. А о том, что меня занимает,— об этом никогда и никому не скажу ни слова. Может, из боязни прослыть стебанутым, может еще отчего, но все-таки — ни слова.

— Помню, еще очень давно, когда при мне заводили речь или спор о каком-нибудь вздоре, я говорил: «Э! И хочется вам толковать об этом вздоре!» А мне удивлялись и говорили: «Какой же это вздор? Если и это вздор, то что же тогда не вздор?» А я говорил: «О, не знаю, не знаю! Но есть».

— Я не утверждаю, что теперь — мне — истина уже известна или что я вплотную к ней подошел. Вовсе нет. Но я уже на такое расстояние к ней подошел, с которого ее удобнее всего рассмотреть.

— И я смотрю и вижу, и поэтому скорбен. И я не верю, чтобы кто-нибудь еще из вас таскал в себе это гор-

чайшее месиво; из чего это месиво — сказать затруднительно, да вы все равно не поймете, но больше всего в нем «скорби» и «страха». Назовем хоть так. Вот: «скорби» и «страха» больше всего, и еще немоты. И каждый день с утра «мое прекрасное сердце» источает этот настой и купается в нем до вечера. У других, я знаю, у других это случается, если кто-нибудь вдруг умрет, если самое необходимое существо на свете вдруг умрет. Но у меня-то ведь это вечно! — хоть это-то поймите!

— Как же не быть мне скушным и как же не пить кубанскую? Я это право заслужил. Я знаю лучше, чем вы, что «мировая скорбь» — не фикция, пущенная в оборот старыми литераторами, потому что я сам ношу ее в себе и знаю, что это такое, и не хочу этого скрывать. Надо привыкнуть смело, в глаза людям, говорить о своих достоинствах. Кому же, как не нам самим, знать, до какой степени мы хороши?

— К примеру: вы видели «Неутешное горе» Крамского? Ну конечно, видели. Так вот, если бы у нее, у этой оцепеневшей княгини или боярыни, какая-нибудь кошка уронила бы в эту минуту на пол что-нибудь такое, — ну, фиал из севрского фарфора, — или, положим, разорвала бы в клочки какой-нибудь пеньюар немыслимой цены, — что ж она? стала бы суматошиться и плескать руками? Никогда бы не стала, потому что все это для нее вздор, потому что на день или на три, но теперь она «выше всяких пеньюаров и кошек и всякого севра»!

Ну, так как же? Скушна эта княгиня? — Она невозможно скучна и еще бы не была скушна! Она легкомысленна? — В высшей степени легкомысленна!

— Вот так и я. Теперь вы поняли, отчего я грустнее всех забулдыг? Отчего я легковеснее всех идиотов, но и мрачнее всякого дерьма? Отчего я и дурак, и демон, и пустомеля разом?

— Вот и прекрасно, что вы все поняли. Выпьем за понимание — весь этот остаток кубанской, из горлышка, и немедленно выпьем.

— Смотрите, как это делается...

САЛТЫКОВСКАЯ—КУЧИНО

Остаток кубанской еще вздымался совсем недалеко от горла, и потому, когда мне сказали с небес:

— Зачем ты все допил, Веня? Это слишком много...

Я от удушья едва сумел им ответить:

— Во всей земле... во всей земле, от самой Москвы и до самых Петушков — нет ничего такого, что было бы для меня слишком многим... И чего вам бояться за меня, небесные ангелы?..

— Мы боимся, что ты опять...

— Что я опять начну выражаться? О, нет, нет, я просто не знал, что вы постоянно со мной, я и раньше не стал бы... Я с каждой минутой все счастливей... и если теперь начну сквернословить, то как-нибудь счастливо... как в стихах у германских поэтов: «Я покажу вам радугу!» или «Идите к жемчугам!» и не больше того... Какие вы глупые-глупые!..

— Нет, мы не глупые, мы просто боимся, что ты опять не доедешь...

— До чего не доеду?! До них, до Петушков — не доеду? До нее не доеду? — до моей бесстыжей царицы с глазами, как облака?.. Какие смешные вы...

— Нет, мы не смешные, мы боимся, что ты до него не доедешь, и он останется без орехов...

— Ну что вы, что вы! Пока я жив... что вы! В прошлую пятницу — верно, в прошлую пятницу она не пустила меня к нему поехать... Я раскис, ангелы, в прошлую пятницу, я на белый живот ее загляделся, круглый, как небо и земля... Но сегодня — доеду, если только не подохну, убитый роком... Вернее — нет, сегодня я не доеду, сегодня я буду у ней, я буду до утра пастись между лилиями, а вот уж завтра...

— Бедный мальчик...— вздохнули ангелы.

— «Бедный мальчик»? Почему это «бедный»? А вы скажите, ангелы, вы будете со мной до самых Петушков? Да? Вы не отлетите?

— О нет, до самых Петушков мы не можем... Мы отлетим, как только ты улыбнешься... Ты еще ни разу сегодня не улыбнулся, как только улыбнешься в первый раз — мы отлетим и уж будем покойны за тебя...

— И там, на перроне, встретите меня, да?

— Да, там мы тебя встретим...

Прелестные существа, эти ангелы! Только почему это «бедный мальчик»? Он нисколько не бедный! Младенец, знающий букву «ю», как свои пять пальцев, младенец, любящий отца, как самого себя,— разве нуждается в жалости?

Ну, допустим, он болен был в позапрошлую пятницу, и все там были за него в тревоге... Но ведь он тут же

пошел на поправку — как только меня увидел!.. Да, да... Боже милостивый, сделай так, чтобы с ним ничего не случилось и ничего никогда не случалось!..

Сделай так, Господь, чтобы он, если даже и упал бы с крыльца или печки, не сломал бы ни руки своей, ни ноги. Если нож или бритва попадутся ему на глаза — пусть он ими не играет, найди ему другие игрушки, Господь. Если мать его затопит печку — оттащи его в сторону, если сможешь. Мне больно подумать, что он обожжется... А если и заболеет,— пусть как только меня увидит, пусть сразу идет на поправку...

Да, да, когда я в прошлый раз приехал, мне сказали: он спит. Мне сказали: он болен и лежит в жару. Я пил лимонную у его кроватки, и меня оставили с ним одного. Он и в самом деле был в жару, и даже ямка на щеке вся была в жару, и было диковинно, что вот у такого ничтожества еще может быть жар...

Я выпил три стакана лимонной, прежде чем он проснулся и посмотрел на меня и на четвертый стакан, у меня в руке... Я долго тогда беседовал с ним и говорил:

— Ты... знаешь что, мальчик? ты не умирай, ты сам подумай (ты ведь уже рисуешь буквы, значит, можешь думать сам): очень глупо умереть, зная только одну букву «ю» и ничего больше не зная... Ты хоть сам понимаешь, что это глупо?

— Понимаю, отец...

И как он это сказал! И все, что они говорят — вечно живущие ангелы и умирающие дети,— все это так значительно, что я слова их пишу длинным курсивом, а все, что мы говорим,— махонькими буковками, потому что это более или менее чепуха. «Понимаю, отец!»

— Ты еще встанешь, мальчик, и будешь снова плясать под мою «поросячью фарандолу»— помнишь? Когда тебе было два года, ты под нее плясал. Музыка отца и слова его же. «Там такие милые, смешные чер-тенят-ки цапали-царапали-кусали мне животик...» А ты, подпершись одной рукой, а другой платочком размахивая, прыгал, как крошечный дурак... «С фе-вра-ля до августа я хныкала и вякала, на исхо-де августа ножки про-тянула»... Ты любишь отца, мальчик?

— Очень люблю...

— Ну вот и не умирай... Когда ты не умрешь и поправишься, ты мне снова что-нибудь спляшешь... Только нет, мы фарандолу плясать не будем. Там есть слова, не идущие к делу... «На исходе ав-густа ножки протянула...»

Это не годится. Гораздо лучше вот что: «Раз-два-туфли-одень-ка-как-те-бе-не-стыдно-спать?»... У меня особые причины любить эту гнусность...

Я допил свой четвертый стакан и разволновался:

— Когда тебя нет, мальчик, я совсем одинок... Ты понимаешь?.. ты бегал в лесу этим летом, да?.. И, наверное, помнишь, какие там сосны?.. Вот и я, как сосна... Она такая длинная-длинная и одинокая-одинокая-одинокая, вот и я тоже... Она, как я,— смотрит только в небо, а что у нее под ногами — не видит и видеть не хочет... Она такая зеленая и вечно будет зеленая, пока не рухнет. Вот и я — пока не рухну, вечно буду зеленым...

— Зеленым,— отозвался младенец.

— Ну вот, например, одуванчик. Он все колышется и облетает от ветра, и грустно на него глядеть... Вот и я: разве я не облетаю? разве не противно глядеть, как я целыми днями все облетаю и облетаю?..

— Противно,— повторил за мной младенец и блаженно заулыбался...

Вот и я теперь: вспоминаю его «противно» и улыбаюсь, тоже блаженно. И вижу, мне издали кивают ангелы — и отлетают от меня, как обещали.

КУЧИНО—ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ

Но сначала все-таки к ней. Сначала — к ней! Увидеть ее на перроне, с косой от попы до затылка, и от волнения зардеться, и вспыхнуть, и напиться в лежку, и пастись, пастись между лилиями — ровно столько, чтобы до смерти изнемочь!

Принеси запястья, ожерелья,
Шелк и бархат, жемчуг и алмазы,
Я хочу одеться королевой,
Потому что мой король вернулся!

Эта девушка вовсе не девушка! Эта искусительница — не девушка, а баллада ля бемоль мажор! Эта женщина, эта рыжая стервоза — не женщина, а волхование! Вы спросите, да где ты, Веничка, ее откопал, и откуда она взялась, эта рыжая сука? И может ли в Петушках быть что-нибудь путное?

— Может! — говорю я вам, и говорю так громко, что вздрагивают и Москва и Петушки.— В Москве — нет, в Москве не может быть, а в Петушках — может! Ну так что же, что «сука»? Зато какая гармоническая сука!

А если вам интересно, где и как я ее откопал, если интересно — слушайте, бесстыдники, я вам все расскажу.

В Петушках, как я вам уже говорил, жасмин не отцветает и птичье пение не молкнет. Вот и в этот день, ровно двенадцать недель тому назад, были птички и был жасмин. А еще был день рождения непонятно у кого. И еще — была бездна всякого спиртного: не то десять бутылок, не то двенадцать бутылок, не то двадцать пять. И было все, чего может пожелать человек, выпивший столько спиртного: то есть решительно все, от разливного пива до бутылочного. А еще? — спросите вы.— А еще что было?

— А еще — было два мужичка, и были три косеющих твари, одна пьянее другой, и дым коромыслом, и ахинея. Больше как будто ничего не было.

И я разбавлял и пил, разбавлял российскую жигулевским пивом и глядел на этих «троих» и что-то в них прозревал. Что именно я прозревал в них, не могу сказать, а поэтому разбавлял и пил, и чем больше я прозревал в них это «что-то», тем чаще я разбавлял и пил, и от этого еще острее прозревал.

Но вот ответное прозрение — я только в одной из них ощутил, только в одной! О, рыжие ресницы, длиннее, чем волосы на ваших головах! О, невинные бельмы! О, эта белизна, переходящая в белесость! О,колдовство и голубиные крылья!

— Так это вы: Ерофеев? — чуть подалась ко мне, и сомкнула ресницы и разомкнула...

— Ну, конечно! Еще бы не я!

(О, гармоническая! как она догадалась?)

— Я одну вашу вещицу — читала. И знаете: я бы никогда не подумала, что на полсотне страниц можно столько нанести околесицы. Это выше человеческих сил!

— Так ли уж выше! — я, польщенный, разбавил и выпил.— Если хотите, я нанесу еще больше! Еще выше нанесу!..

Вот, с этого все началось. То есть началось беспамятство: три часа провала. Что я пил? О чем говорил? В какой пропорции разбавлял? Может, этого провала и не было бы, если б я пил, не разбавляя. Но — как бы то ни было — я очутился часа через три, и вот в каком положении я очутился: я сижу за столом, разбавляю и пью.

И кроме нас двоих — никого. И она — рядом, смеется надо мною, как благодатное дитя. Я подумал: «Неслыханная! Это — женщина, у которой до сегодняшнего дня

грудь стискивали только предчувствия. Это — женщина, у которой никто до меня даже пульса не щупал. О, блаженный зуд и в душе и повсюду!»

А она взяла — и выпила еще сто грамм. Стоя выпила, откинув голову, как пианистка. А выпив, все из себя выдохнула, все, что в ней было святого,— все выдохнула. А потом изогнулась, как падла, и начала волнообразные движения бедрами,— и все это с такою пластикою, что я не мог глядеть на нее без содрогания...

Вы, конечно, спросите, вы, бессовестные, спросите: «Так что же, Веничка? Она . . . .
. . . .?» Ну что вам ответить? Ну, конечно, она . . . .
. . . . !
Еще бы она не . . . .
. . . . . ! Она мне прямо сказала: «Я хочу, чтобы ты меня властно обнял правою рукою!» Ха-ха. «Властно» и «правою рукою»?! — а я уже так набрался, что не только властно обнять, а хочу потрогать ее туловище — и не могу, все промахиваюсь мимо туловища...

«Что ж! играй крутыми боками! — подумал я, разбавив и выпив.— Играй, обольстительница! Играй, Клеопатра! Играй, пышнотелая б..., истомившая сердце поэта! Все, что есть у меня, все, что, может быть, есть — все швыряю сегодня на белый алтарь Афродиты!»

Так думал я. А она — смеялась. А она — подошла к столу и выпила залпом еще сто пятьдесят, ибо она была совершенна, а совершенству нет предела...

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ—ЧЕРНОЕ

выпила — и сбросила с себя что-то лишнее. «Если она сбросит,— подумал я,— если она, следом за этим лишним, сбросит и исподнее — содрогнется земля и камни возопиют!»

А она сказала: «Ну как, Веничка, хорошо у меня .
. . . . ?» А я, раздавленный желанием, ждал греха, задыхаясь. Я сказал ей: «Ровно тридцать лет я живу на свете... но еще ни разу не видел, чтобы у кого-нибудь так хорошо . . . .
. . . . !»

Что же мне теперь? Быть ли мне вкрадчиво-нежным? Быть ли мне пленительно-грубым? Черт его знает, я никогда не понимаю толком, в какое мгновенье как обра-

титься с захмелевшей... До этого — сказать ли вам? — до этого я их плохо знал, и захмелевших и трезвых. Я стремился за ними мыслью, но как только устремлялся за ними сердцем, в испуге останавливалась мысль.

Я был противоречив. С одной стороны, мне нравилось, что у них есть талия, а у нас нет никакой талии, это будило во мне — как бы это назвать? «негу», что ли? — Ну да, это будило во мне негу. Но с другой стороны, ведь они зарезали Марата перочинным ножиком, а Марат был Неподкупен, и резать его не следовало. Это уже убивало всякую негу. С одной стороны, мне, как Карлу Марксу, нравилась в них слабость, то есть, вот они вынуждены мочиться, приседая на корточки, это мне нравилось, это наполняло меня — ну, чем это меня наполняло? негой, что ли? — Ну да, это наполняло меня негой. Но, с другой стороны, ведь они в И... из нагана стреляли! Это снова убивало негу: приседать приседай, но зачем в И... из нагана стрелять? И было бы смешно после этого говорить о неге... Но я отвлекся.

Итак, каким же мне быть теперь? Быть грозным или быть пленительным?

Она сама — сама сделала за меня мой выбор, запрокинувшись и погладив меня по щеке своей лодыжкою. В этом было что-то от поощрения и от игры, и от легкой пощечины. И от воздушного поцелуя — тоже что-то было. И потом — эта мутная, эта сучья белизна в зрачках, белее, чем бред и седьмое небо! И как небо и земля — живот. Как только я увидел его, я чуть не зарыдал от вдохновения, я весь задымился. И все смешалось: и розы, и лилии, и в мелких завитках — весь — влажный и содрогающийся вход в Эдем, и беспамятство, и рыжие ресницы. О, всхлипывание этих недр! О, бесстыжие бельма! О, блудница с глазами, как облака! О, сладостный пуп!

Все смешалось, чтобы только начаться, чтобы каждую пятницу повторяться снова и не выходить из сердца и головы. И знаю: и сегодня будет то же, тот же хмель и то же душегубство...

Вы мне скажете: так что же, Веничка, ты думаешь, ты один у нее такой душегуб?

А какое мне дело! А вам — тем более! Пусть даже и не верна. Старость и верность накладывают на рожу морщины, а я не хочу, например, чтобы у нее на роже были морщины. Пусть и не верна, не совсем, конечно, «пусть», но все-таки пусть. Зато она вся соткана из неги и ароматов. Ее не лапать и не бить по е..., ее вдыхать

надо. Я как-то попробовал сосчитать все ее сокровенные изгибы, и не мог сосчитать — дошел до двадцати семи и так забалдел от истомы, что выпил зубровки и бросил счет, не окончив.

Но красивее всего у нее предплечья, конечно. В особенности, когда она поводит ими и восторженно смеется, и говорит: «Эх, Ерофеев, м...а ты грешный!» О, дьяволица! Разве можно такую не вдыхать?

Случалось, конечно, случалось, что и она была ядовитой, но это все вздор, все это в целях самообороны и чего-то там такого женского — я в этом мало понимаю. Во всяком случае, когда я ее раскусил до конца, яду совсем не оказалось, там была малина со сливками. В одну из пятниц, например, когда я совсем был тепленький от зубровки, я ей сказал:

— Давай, давай всю нашу жизнь будем вместе! Я увезу тебя в Лобню, я облеку тебя в пурпур и крученый виссон, я подработаю на телефонных коробках, а ты будешь обонять что-нибудь — лилии, допустим, будешь обонять. Поедем!

А она — молча протянула мне шиш. Я в истоме поднес его к своим ноздрям, вздохнул и заплакал:

— Но почему?.. почему?..

Она мне — второй шиш. Я и его поднес, и зажмурился, и снова заплакал:

— Но почему? — заклинаю — ответь — почему???

Вот тогда-то и она разрыдалась, и обвисла на шее:

— Умалишенный! ты ведь сам знаешь, почему! сам — знаешь, почему, угорелый!

И после того — почти каждую пятницу повторялось все то же, и эти слезы, и эти фиги. Но сегодня — сегодня что-то решится, потому что сегодняшняя пятница — тринадцатая по счету! И все ближе к Петушкам. Царица Небесная!..

ЧЕРНОЕ — КУПАВНА

Я заходил по тамбуру в страшном волнении и все курил, курил...

— И ты говоришь после этого, что ты одинок и непонят? Ты, у которого столько в душе и столько за душой! Ты, у которого такая в Петушках! И такой за Петушками!.. Одинок?..

— Нет, нет, уже не одинок, уже понят, уже двена-

дцать недель как понят. Все минувшее миновалось. Вот, помню, когда мне стукнуло двадцать лет,— тогда я был безнадежно одинок. И день рождения был уныл. Пришел ко мне Юрий Петрович, пришла Нина Васильевна, принесла мне бутылку столичной и банку овощных голубцов,— и таким одиноким, таким невозможно одиноким показался я сам себе от этих голубцов, от этой столичной — что, не желая плакать, заплакал...

А когда стукнуло тридцать, минувшей осенью? А когда стукнуло тридцать, день был уныл, как день двадцатилетия. Пришел ко мне Боря с какой-то полоумной поэтессою, пришли Вадя с Лидой, Ледик с Володей. И принесли мне — что принесли? — две бутылки столичной и две банки фаршированных томатов. И такое отчаяние, такая мука мной овладели от этих томатов, что хотел я заплакать — и уже не мог...

Значит ли это, что за десять лет я стал менее одиноким? Нет, не значит. Тогда значит ли это, что я огрубел душою за десять лет? Тоже — не значит. Скорее даже наоборот, но заплакать все-таки не заплакал...

Почему? Я, пожалуй, смогу вам это объяснить, если найду для этого какую-нибудь аналогию в мире прекрасного. Допустим, так: если тихий человек выпьет семьсот пятьдесят, он сделается буйным и радостным. А если он добавит еще семьсот? — будет ли он еще буйнее и радостнее? Нет, он опять будет тих. Со стороны покажется даже, что он протрезвел. Но значит ли это, что он протрезвел? Ничуть не бывало: он уже пьян как свинья, оттого и тих.

Точно так же и я: не менее одиноким я стал в эти тридцать лет, и сердцем не очерствел,— совсем наоборот. А если смотреть со стороны — конечно...

Нет, вот уж теперь — жить и жить! А жить совсем не скучно! Скучно было жить только Николаю Гоголю и царю Соломону. Если уж мы прожили тридцать лет, надо попробовать прожить еще тридцать, да, да. «Человек смертен»— таково мое мнение. Но уж если мы родились — ничего не поделаешь, надо немножко пожить... «Жизнь прекрасна»— таково мое мнение.

Да знаете ли вы, сколько еще в мире тайн, какая пропасть неисследованного и какой простор для тех, кого влекут к себе эти тайны! Ну вот, самый простой пример: отчего это, если ты вчера выпил, положим, семьсот пятьдесят, а утром не было случая похмелиться — служба и все такое — и только далеко за полдень, промаявшись

шесть часов или семь, ты выпил наконец, чтобы облегчить душу (ну, сколько выпил? Ну, допустим, сто пятьдесят)— отчего твоей душе не легче? Дурнота, которая сопутствовала тебе с утра, от этих ста пятидесяти сменяется дурнотой другой категории, стыдливой дурнотой, щеки делаются пунцовыми, как у б...и, а под глазами так сине, как будто накануне ты и не пил свои семьсот пятьдесят, а как будто тебя накануне, взамен того, весь вечер лупили по морде? Почему?

Я вам скажу, почему. Потому что человек этот стал жертвой своих шести или семи служебных часов. Надо уметь выбрать себе работу, плохих работ нет. Дурных профессий нет, надо уважать всякое призвание. Надо, чуть проснувшись, немедленно чего-нибудь выпить, даже нет, вру, не «чего-нибудь», а именно того самого, что ты пил вчера, и пить с паузами в сорок—сорок пять минут, так чтобы к вечеру ты выпил на двести пятьдесят больше, чем накануне. Вот тогда не будет ни дурноты, ни стыдливости, и сам ты будешь таким белолицым, как будто тебя уже полгода по морде не били.

Вот видите — сколько в природе загадок, роковых и радостных, сколько белых пятен повсюду!

А эта пустоголовая юность, идущая нам на смену, словно бы и не замечает тайн бытия. Ей недостает размаха и инициативы, и я вообще сомневаюсь, есть ли у них у всех что-нибудь в мозгах. Что может быть благороднее, например, чем экспериментировать на себе? Я в их годы делал так: вечером в четверг выпивал одним махом три с половиной литра ерша — выпивал и ложился спать, не разуваясь, с одной только мыслью: проснусь утром в пятницу или не проснусь?

И все-таки утром в пятницу я не просыпался. А просыпался утром в субботу, разутый и уже не в Москве, а под насыпью железной дороги, в районе Наро-Фоминска. А потом — потом я с усилием припоминал и накапливал факты, а накопив, сопоставлял. А сопоставив, начинал опять восстанавливать, напряжением памяти и со всепроникающим анализом. А потом переходил от созерцания к абстракции; другими словами, вдумчиво опохмелялся и, наконец, узнавал, куда же все-таки девалась пятница.

Сызмальства почти, от младых ногтей, любимым словом моим было «дерзание», и — Бог свидетель — как я дерзал! Если вы так дерзнете — вас хватит кондрашка или паралич. Или даже нет: если бы вы дерзали так, как

я в ваши годы дерзал, вы бы в одно прекрасное утро взяли бы и не проснулись. А я просыпался, каждое утро почти просыпался и снова начинал дерзать...

Например, так: к восемнадцати годам или около того я заметил, что с первой дозы по пятую включительно я мужаю, то есть мужаю неодолимо, а вот уж начиная с шестой

КУПАВНА—33-Й КИЛОМЕТР

и включительно по девятую — размягчаюсь. Настолько размягчаюсь, что от десятой смежаю глаза, так же неодолимо. И что же я по наивности думал? Я думал: надо заставить себя волевым усилием преодолеть дремоту и выпить одиннадцатую дозу — тогда, может быть, начнется рецидив возмужания? Но нет, не тут-то было. Никаких рецидивов, я пробовал.

Я бился над этой загадкой три года подряд, ежедневно бился, и все-таки ежедневно после десятой засыпал.

А ведь все раскрылось так просто: оказывается, если вы уже выпили пятую, вам надо и шестую, и седьмую, и восьмую, и девятую выпить сразу, одним махом — но выпить идеально, то есть выпить только в воображении. Другими словами, вам надо одним волевым усилием, одним махом — не выпить ни шестой, ни седьмой, ни восьмой, ни девятой.

А выдержав паузу, приступить непосредственно к десятой, и точно так же, как девятую симфонию Антонина Дворжака, фактически девятую, условно называют пятой, точно так же и вы: условно назовите десятой свою шестую и будьте уверены; теперь вы уже будете беспрепятственно мужать и мужать от самой шестой (десятой) и до самой двадцать восьмой (тридцать второй)— то есть мужать до того предела, за которым следуют безумие и свинство.

Нет, честное слово, я презираю поколение, идущее вслед за нами. Оно внушает мне отвращение и ужас. Максим Горький песен о них не споет, нечего и думать. Я не говорю, что мы в их годы волокли с собой целый груз святынь. Боже упаси! — святынь у нас было совсем чуть-чуть, но зато сколько вещей, на которые нам было не наплевать, а вот им — на все наплевать.

Почему бы им не заняться вот чем: я в их годы пил с большими антрактами — попью-попью — перестану, по-

пью-попью — опять перестану. Я не вправе судить поэтому, одушевленнее ли утренняя депрессия, если делается ежедневной привычкой, то есть, если с шестнадцати лет пить по четыреста пятьдесят грамм в семь часов пополудни. Конечно, если бы мне вернуть мои годы и начать жизнь сначала, я, конечно, попробовал бы,— но ведь они-то! Они!..

Да только ли это! А сколько неизвестности таят в себе другие сферы человеческой жизни! Вот представьте себе, к примеру: один день с утра до вечера вы пьете исключительно белую водку и ничего больше; а на другой день — исключительно красные вина. В первый день вы к полуночи становитесь как одержимый. Вы к полуночи такой пламенный, что через вас девушки могут прыгать в ночь на Ивана Купала. И, ясное дело, они все-таки допрыгаются, если вы с утра до ночи пили исключительно белую водку.

А если вы с утра до ночи пили только крепленые красные вина? Да девушки через вас прыгать не станут в ночь на Ивана Купала. Даже наоборот: сядет девушка в ночь на Ивана Купала, а вы через нее и перепрыгнуть не сумеете, не то что другое чего. Конечно, при условии, что вы с утра до вечера пили только красное!..

Да, да! А сколько захватывающего сулят эксперименты в узко специальных областях! Ну, например, икота. Мой глупый земляк Солоухин зовет вас в лес соленые рыжики собирать. Да плюньте вы ему в его соленые рыжики! Давайте лучше займитесь икотой, то есть исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте...

— Помилуйте! — кричат мне со всех сторон.— Да неужели на свете, кроме этого, нет ничего такого, что могло бы!..

— Вот именно: нет! — кричу я во все стороны.— Нет ничего, кроме этого! Нет ничего такого, что могло бы! Я не дурак, я понимаю, есть еще на свете психиатрия, есть внегалактическая астрономия, все это так!

Но ведь все это — не наше, все это нам навязали Петр Великий и Александр Кибальчич, а ведь наше призвание совсем не здесь, наше призвание совсем в другой стороне! В той самой стороне, куда я вас приведу, если вы не станете упираться! Вы скажете: «Призвание это гнусно и ложно». А я вам скажу, я вам снова повторю: «Нет ложных призваний, надо уважать всякое призвание».

И тьфу на вас, наконец! Лучше оставьте янкам внегалактическую астрономию, а немцам — психиатрию. Пусть всякая сволота вроде испанцев идет на свою корриду глядеть, пусть подлец-африканец строит свою Асуанскую плотину, пусть строит, подлец, все равно ее ветром сдует, пусть подавится Италия своим дурацким бельканто, пусть!..

А мы, повторяю, займемся икотой.

33-Й КИЛОМЕТР—ЭЛЕКТРОУГЛИ

Для того, чтобы начать ее исследование, надо, разумеется, ее вызвать: или ан зихь (термин Эммануила Канта), то есть вызвать ее в самом себе,— или же вызвать ее в другом, но в собственных интересах, то есть фюр зихь. Термин Эммануила Канта. Лучше всего, конечно, и ан зихь и фюр зихь, а именно вот как: два часа подряд пейте что-нибудь крепкое, старку, или зверобой, или охотничью. Пейте большими стаканами, через полчаса по стакану, по возможности избегая всяких закусок. Если это кому-нибудь трудно, можно позволить себе минимум закуски, но самой неприхотливой: не очень свежий хлеб, кильку пряного посола, кильку простого посола, кильку в томате.

А потом — сделайте часовой перерыв. Ничего не ешьте, ничего не пейте: расслабьте мышцы и не напрягайтесь.

И вы убедитесь сами: к исходу этого часа она начнется. Когда вы икнете в первый раз, вас удивит внезапность ее начала: потом вас удивит неповторимость второго раза, третьего раза эт цетера. Но если вы не дурак, скорее перестаньте удивляться и займитесь делом: записывайте на бумаге, в каких интервалах ваша икота удостаивает вас быть — в секундах, конечно:

— восемь—тринадцать—семь—три—восемнадцать.

Попробуйте, конечно, отыскать здесь хоть какую-нибудь периодичность, хоть самую приблизительную, попробуйте, если вы все-таки дурак, попытайтесь вывести какую-нибудь вздорную формулу, чтобы хоть как-то предсказать длительность следующего интервала. Пожалуйста. Жизнь все равно опрокинет все ваши телячьи построения.

— семнадцать—три—четыре—семнадцать — один — —двадцать—три—четыре—семь—восемнадцать—

Говорят, вожди мирового пролетариата, Карл Маркс

и Фридрих Энгельс, тщательно изучили смену общественных формаций и на этом основании сумели многое предвидеть. Но тут они были бы бессильны предвидеть хоть самое малое. Вы вступили, по собственной прихоти, в сферу фатального — смиритесь и будьте терпеливы. Жизнь посрамит и вашу элементарную, и вашу высшую математику:

— тринадцать—пятнадцать— четыре — двенадцать — четыре—пять—двадцать восемь—

Не так ли в смене подъемов и падений, восторгов и бед каждого отдельного человека — нет ни малейшего намека на регулярность? Не так ли беспорядочно чередуются в жизни человечества его катастрофы? Закон — он выше всех нас. Икота — выше всякого закона. И как поразила вас недавно внезапность ее начала, так поразит вас ее конец, который вы, как смерть, не предскажете и не предотвратите:

— двадцать две—четырнадцать — все. И тишина.

И в этой тишине ваше сердце вам говорит: она неисследима, а мы — беспомощны. Мы начисто лишены всякой свободы воли, мы во власти произвола, которому нет имени и спасения от которого — тоже нет.

Мы — дрожащие твари, а она — всесильна. Она, то есть Божья Десница, которая над всеми нами занесена и пред которой не хотят склонить головы одни кретины и проходимцы. Он непостижим уму, а следовательно, Он есть.

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

ЭЛЕКТРОУГЛИ—43-Й КИЛОМЕТР

Да, больше пейте, меньше закусывайте. Это лучшее средство от самомнения и поверхностного атеизма. Взгляните на икающего безбожника: он рассредоточен и темнолик, он мучается и он безобразен. Отвернитесь от него, сплюньте и взгляните на меня, когда я стану икать: верящий в предопределение и ни о каком противоборстве не помышляющий, я верю в то, что Он благ, и сам я поэтому благ и светел.

Он благ. Он ведет меня от страданий — к свету. От Москвы — к Петушкам. Через муки на Курском вокзале, через очищение в Кучине, через грезы в Купавне — к свету и Петушкам. Дурх ляйден — лихт!

Я заходил по площадке в еще более страшном волнении. И все курил, и все курил. И тут — яркая мысль, как молния, поразила мой мозг.

— Что мне выпить еще, чтобы и этого порыва не угасить? Что мне выпить во Имя Твое?..

Беда! Нет у меня ничего такого, что было бы Тебя достойно. Кубанская — это такое дерьмо! А российская — смешно при Тебе и говорить о российской. И розовое крепкое за рупь тридцать семь! Боже!..

Нет, если я сегодня доберусь до Петушков — невредимый,— я создам коктейль, который можно было бы без стыда пить в присутствии Бога и людей, в присутствии людей и во имя Бога. Я назову его «Иорданские струи» или «Звезда Вифлеема». Если в Петушках я об этом забуду — напомните мне, пожалуйста.

Не смейтесь. У меня богатый опыт по созданию коктейлей до сих пор, не зная имени автора, пьют «Ханаанский бальзам», пьют «Слезу комсомолки», и правильно делают, что пьют. Мы не можем ждать милостей от природы. А чтобы взять их у нее, надо, разумеется; знать их точные рецепты: Я, если вы хотите, дам вам эти рецепты. Слушайте.

Пить просто водку, даже из горлышка,— в этом нет ничего, кроме томления духа и суеты. Смешать водку с одеколоном — в этом есть известный каприз, но нет никакого пафоса. А вот выпить стакан «Ханаанского бальзама»— в этом есть и каприз, и идея, и пафос, и сверх того еще метафизический намек.

Какой компонент «Ханаанского бальзама» мы ценим превыше всего? Ну конечно, денатурат. Но ведь денатурат, будучи только объектом вдохновения, сам этого вдохновения начисто лишен. Что же, в таком случае, мы ценим в денатурате превыше всего? Ну конечно, голое вкусовое ощущение. А еще превыше тот миазм, который он источает. Чтобы этот миазм оттенить, нужна хоть крупица благоухания. По этой причине в денатурат вливают в пропорции 1 : 2 : 1 бархатное пиво, лучше всего останкинское или сенатор, и очищенную политуру.

Не буду вам напоминать, как очищается политура. Это всякий младенец знает. Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, а как очищается политура — это всякий знает.

Короче, записывайте рецепт «Ханаанского бальзама». Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах:

Денатурат	—100 г
Бархатное пиво	—200 г
Политура очищенная	—100 г

Итак, перед вами «Ханаанский бальзам» (его в просторечье называют «чернобуркой») — жидкость в самом деле черно-бурого цвета, с умеренной крепостью и стойким ароматом. Это даже не аромат, а гимн. Гимн демократической молодежи. Именно так, потому что в выпившем этот коктейль вызревают вульгарность и темные силы. Я столько раз наблюдал!..

А чтобы вызревание этих темных сил хоть как-то предотвратить, есть два средства. Во-первых, не пить «Ханаанский бальзам», а во-вторых, пить взамен его коктейль «Дух Женевы».

В нем нет ни капли благородства, но есть букет. Вы спросите меня: в чем загадка этого букета? Я вам отвечу: не знаю, в чем загадка этого букета. Тогда вы подумаете и спросите: а в чем же разгадка? А в том разгадка, что «Белую сирень», составную часть «Духа Женевы», не следует ничем заменять, ни жасмином, ни шипром, ни ландышем. «В мире компонентов нет эквивалентов», как говорили старые алхимики, а они-то знали, что говорили. То есть «Ландыш серебристый» — это вам не «Белая сирень», даже в нравственном аспекте, не говоря уже о букетах.

«Ландыш», например, будоражит ум, тревожит совесть, укрепляет правосознание. А «Белая сирень» — напротив того, успокаивает совесть и примиряет человека с язвами жизни...

У меня было так: я выпил целый флакон «Серебристого ландыша», сижу и плачу. Почему я плачу? — потому что маму вспомнил, то есть вспомнил и не могу забыть свою маму. «Мама», — говорю. И плачу. А потом опять: «Мама», — говорю, и снова плачу. Другой бы, кто поглупее, так бы сидел и плакал. А я? Взял флакон «Сирени» — и выпил. И что же вы думаете? Слезы обсохли, дурацкий смех одолел, а маму — так даже и забыл, как звать по имени-отчеству.

И как мне смешон поэтому тот, кто, приготовляя «Дух Женевы», в средство от потливости ног добавляет «Ландыш серебристый»! Слушайте точный рецепт:

Белая сирень	— 50 г
Средство от потливости ног	— 50 г
Пиво жигулевское	—200 г
Лак спиртовой	—150 г

Но если человек не хочет зря топтать мироздание, пусть он пошлет к свиньям и «Ханаанский бальзам», «Дух Женевы». А лучше пусть он сядет за стол и приготовит себе «Слезу комсомолки». Пахуч и странен этот коктейль. Почему пахуч, вы узнаете потом. Я вначале объясню, чем он странен.

Пьющий просто водку сохраняет и здравый ум, и твердую память, или наоборот — теряет разом и то, и другое. А в случае со «Слезой комсомолки» просто смешно: выпьешь ее сто грамм, этой слезы,— память твердая, а здравого ума как не бывало. Выпьешь еще сто грамм — и сам себе удивляешься: откуда взялось столько здравого ума? и куда девалась вся твердая память?

Даже сам рецепт «Слезы» благовонен. А от готового коктейля, от его пахучести, можно на минуту лишиться чувств и сознания. Я, например,— лишался.

Лаванда	— 15 г
Вербена	— 15 г
Одеколон «Лесная вода»	— 30 г
Лак для ногтей	— 2 г
Зубной эликсир	—150 г
Лимонад	—150 г

Приготовленную таким образом смесь надо двадцать минут помешивать веткой жимолости. Иные, правда, утверждают, что в случае необходимости можно жимолость заменить повиликой. Это неверно и преступно. Режьте меня вдоль и поперек — вы меня не заставите помешивать повиликой «Слезу комсомолки», я буду помешивать ее жимолостью. Я просто разрываюсь на части от смеха, когда при мне помешивают «Слезу» не жимолостью, а повиликой...

Но о «Слезе» довольно. Теперь я предлагаю вам последнее и наилучшее. «Венец трудов превыше всех наград», как сказал поэт. Короче, я предлагаю вам коктейль «Сучий потрох», напиток, затмевающий все. Это уже не напиток — это музыка сфер. Что самое прекрасное в мире? — борьба за освобождение человечества. А еще прекраснее вот что (записывайте):

Пиво жигулевское	—100 г
Шампунь «Садко — богатый гость»	— 30 г
Резоль для очистки волос от перхоти	— 70 г
Клей БФ	— 12 г
Тормозная жидкость	— 35 г

Дезинсекталь для уничтожения
мелких насекомых — 20 г

Все это неделю настаивается на табаке сигарных сортов — и подается к столу...

Мне приходили письма, кстати, в которых досужие читатели рекомендовали еще вот что: полученный таким образом настой еще откидывать на дуршлаг. То есть — на дуршлаг откинуть и спать ложиться... Это уже черт знает что такое, и все эти дополнения и поправки — от дряблости воображения, от недостатка полета мысли; вот откуда эти нелепые поправки...

Итак, «Сучий потрох» подан на стол. Пейте его с появлением первой звезды, большими глотками. Уже после двух бокалов этого коктейля человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с расстояния полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет.

43-Й КИЛОМЕТР — ХРАПУНОВ

Вы хоть что-нибудь записать успели? Ну вот, пока и довольно с вас... А в Петушках я обещаю поделиться с вами секретом «Иорданских струй», если доберусь живым; если милостив Бог.

А теперь давайте подумаем с вами вместе: что бы мне сейчас выпить? Какую комбинацию я могу создать из этой вшивоты, что осталась в моем чемоданчике? «Поцелуй тети Клавы»? Пожалуй что да. Из моего чемоданчика никаких других «Поцелуев» не выжмешь, кроме «Первого поцелуя» и «Поцелуя тети Клавы». Объяснить вам, что значит «Поцелуй»? А «Поцелуй» значит: смешанное в пропорции пополам-напополам любое красное вино с любою водкою. Допустим: сухое виноградное вино плюс перцовка или кубанская — это «Первый поцелуй». Смесь самогона с 33-м портвейном — это «Поцелуй, насильно данный», или, проще, «Поцелуй без любви», или, еще проще, «Инесса Арманд». Да мало ли разных «Поцелуев». Чтобы не так тошнило от всех этих поцелуев, к ним надо привыкнуть с детства. У меня в чемоданчике есть кубанская. Но нет сухого виноградного вина. Значит, и «Первый поцелуй» исключен для меня, я могу только грезить о нем. Но — у меня в чемоданчике есть полторы четвертинки российской и розовое крепкое за рупь тридцать семь. А их совокупность и дает нам

«Поцелуй тети Клавы». Согласен с вами: он невзрачен по вкусовым качествам, он в высшей степени тошнотворен, им уместнее поливать фикус, чем пить его из горлышка,— согласен, но что же делать, если нет сухого вина, если нет даже фикуса? Приходится пить «Поцелуй тети Клавы»...

Я пошел в вагон, чтобы слить мое дерьмо в «Поцелуй». О, как давно я здесь не был! С тех пор, как выпил в Никольском....

На меня, как и в прошлый раз, глядела десятками глаз, больших, на все готовых, выползающих из орбит,— глядела мне в глаза моя родина, выползшая из орбит, на все готовая и большая. Тогда, после ста пятидесяти грамм российской, мне нравились эти глаза. Теперь, после пятисот кубанской, я был влюблен в эти глаза, влюблен, как безумец. Я чуть покачнулся, входя в вагон,— но прошел к своей лавочке совершенно независимо и на всякий случай чуть-чуть улыбаясь...

Подошел и остолбенел. Где моя четвертинка российской? Где та самая четвертинка, которую я у Серпа и Молота только ополовинил? От самого Серпа и Молота она стояла у чемоданчика, в ней оставалось почти сто грамм — где же она теперь?

Я обвел глазами всех — ни один не сморгнул. Нет, я положительно влюблен и безумен. Когда отлетели ангелы? Они ведь все-таки следили за чемоданчиком, если я отлучался,— когда они от меня отлетели? В районе Кучино? Так. Значит, украли между Кучино и 43-м километром. Пока я делился с вами восторгом моего чувства, пока посвящал вас в тайны бытия,— меня тем временем лишили «Поцелуя тети Клавы»... В простоте душевной я ни разу не заглянул в вагон все это время,— прямо комедия... Но теперь —«довольно простоты», как сказал драматург Островский. И — финита ля комедиа. Не всякая простота — святая. И не всякая комедия — божественная... Довольно в мутной воде рыбку ловить,— пора ловить человеков!..

Но как ловить и кого ловить?..

Черт знает, в каком жанре я доеду до Петушков... От самой Москвы все были философские эссе и мемуары, все были стихотворения в прозе, как у Ивана Тургенева... Теперь начинается детективная повесть. Я заглянул внутрь чемоданчика: все ли там на месте? Там все было на месте. Но где же эти сто грамм? и кого ловить?..

Я взглянул вправо: там все до сих пор сидят эти

двое, тупой-тупой и умный-умный. Тупой в телогрейке уже давно закосел и спит. А умный в коверкотовом пальто сидит напротив тупого и будит его. И как-то поживодерски будит: берет его за пуговицу и до отказа подтаскивает к себе, как бы натягивая тетиву,— а потом отпускает: и тупой-тупой в телогрейке летит на прежнее место, вонзаясь в спинку лавочки, как в сердце тупая стрела Амура...

«Транс-цен-ден-тально»— подумал я. И давно это он его так?... Нет, эти двое украсть не могли. Один из них, правда, в телогрейке, а другой не спит,— значит, оба, в принципе, могли украсть. Но ведь один-то спит, а другой в коверкотовом пальто,— значит, ни тот, ни другой украсть не могли...

Я глянул назад — нет, там тоже нет ничего такого, что могло бы натолкнуть на мысль: двое, правда, наталкивают на мысль, но совсем не на ту. Очень странные люди эти двое: он и она. Они сидят по разным сторонам вагона, у противоположных окон, и явно незнакомы друг с другом. Но при всем том — до странности похожи: он в жакетке, и она — в жакетке; он в коричневом берете и при усах, и она — при усах и в коричневом берете...

Я протер глаза и еще раз посмотрел назад... Удивительная похожесть, и оба то и дело рассматривают друг дружку с интересом и гневом... Ясное дело, они не могли украсть.

А впереди? Я глянул вперед.

А впереди то же самое,— странных только двое: дедушка и внучек. Внучек на две головы длиннее дедушки и от рождения слабоумен. Дедушка — на две головы короче, но слабоумен тоже. Оба глядят мне прямо в глаза и облизываются...

«Подозрительно»,— подумал я. Отчего бы это им облизываться? Все ведь тоже глядят мне в глаза, но ведь никто не облизывается! Очень подозрительно... Я стал рассматривать их так же пристально, как они меня.

Нет, внучек — совершенный кретин. У него и шея-то не как у всех, у него шея не врастает в торс, а как-то вырастает из него, вздымаясь к затылку вместе с ключицами. И дышит он как-то идиотически: вначале у него выдох, а потом вдох, тогда как у всех людей наоборот: сначала вдох, а уж потом выдох. И он смотрит на меня, смотрит, разинув глаза и сощурив рот...

А дедушка — тот смотрит еще напряженнее, смотрит, как в дуло орудия. И такими синими, такими разбухши-

ми глазами, что из обоих этих глаз, как из двух утопленников, влага течет ему прямо на сапоги. И весь он, как приговоренный к высшей мере, и на лысой голове его мертво. И вся физиономия — в оспинах, как расстрелянная в упор. А посередке расстрелянной физии — распухший и посиневший нос висит и качается, как старый удавленник...

«Очччень подозрительно»,— подумал я еще раз. И, привстав на месте, поманил их пальцем к себе.

Оба вскочили немедленно и бросились ко мне, не переставая облизываться. «Это тоже странно,— подумал я,— они вскочили даже, по-моему, чуть раньше, чем я их поманил»... Я пригласил их сесть напротив себя.

Оба сели, в упор рассматривая мой чемоданчик. Внучек сел как-то странно. Мы все садимся на задницу, а этот сел как-то странно: избоченясь, на левое ребро, и как бы предлагая одну свою ногу мне, а другую — дедушке.

— Как звать тебя, папаша, и куда ты едешь?..

ХРАПУНОВО—ЕСИНО

— Митричем меня звать. А это мой внучек, он тоже Митрич... Едем в Орехово, в парк... в карусели покататься...

А внучек добавил:

— И-и-и-и-и...

Необычаен был этот звук, и чертовски обидно, что я не могу его как следует передать. Он не говорил, а верещал. И говорил не ртом, потому что рот его был всегда сощурен и начинался откуда-то сзади. А говорил он левой ноздрей, и то с таким усилием, как будто левую ноздрю приподнимал правой: «И-и-и-и-и, как мы быстро едем в Петушки, славные Петушки»... «И-и-и-и-и, какой пьяный дедушка, хороший дедушка»...

— Ттта-а-ак. Значит, говоришь, в карусели?..

— В карусели.

— А может, все-таки не в карусели?..

— В карусели,— еще раз подтвердил Митрич, и все тем же приговоренным голосом, и влага из глаз его все текла...

— А скажи мне, Митрич, а что ты тут делал, пока я в тамбуре был? пока я в тамбуре был погружен в свои мысли? в свои мысли о своем чувстве? к любимой женщине? А? Скажи...

Митрич, не шелохнувшись, весь как-то забегал.

— Я... ничего. Я просто хотел компоту покушать... Компоту с белым хлебом...

— Компоту с белым хлебом?

— Компоту с белым хлебом.

— Прекрасно. Значит, так: я стою на площадке и весь погружен в мысли о чувстве. А вы, между тем, ищете у меня на лавочке: нет ли тут компоту с белым хлебом?.. А не найдя компоту...

Дедушка первый не вынес, и весь расплакался. А следом за ним и внучек: верхняя губа у него совсем куда-то пропала, а нижняя свесилась до пупа, как волосы у пианиста... Оба плакали...

— Я вас понимаю, да. Я все могу понять, если захочу простить... У меня душа, как у троянского коня пузо, многое вместит. Я все прощу, если захочу понять. А я — понимаю: вы просто хотите компота с белого хлеба. Но у меня на лавочке вы не находите ни того, ни другого. И вы просто вынуждены пить хотя бы то, что вы находите,— взамен того, что бы вы хотели...

Я их раздавил своими уликами, они закрыли лицо, оба, и покаянно раскачивались на лавке, в такт моим обвинениям.

— Вы мне напоминаете одного старичка в Петушках. Он — тоже, он пил на чужбинку, он пил только краденое: утащит, например, в аптеке флакон тройного одеколона, отойдет в туалет у вокзала и там тихонько выпьет. Он называл это «пить на брудершафт», он был серьезно убежден; что это и есть «пить на брудершафт», он так и умер в своем заблуждении... Так что же? Значит, вы решили — на брудершафт?..

Они все раскачивались и плакали, а внучек — тот даже заморгал от горя, всеми своими подмышками...

— Но — довольно слез. Я если захочу понять, то все вмещу... У меня не голова, а дом терпимости. Если вы хотите, я могу угостить еще. Вы уже по сто пятьдесят грамм выпили — я могу налить еще по пятьдесят грамм...

В эту минуту кто-то подошел к нам сзади и сказал:

— Я тоже хочу с вами выпить.

Все разом на него поглядели. То был черноусый, в жакетке и коричневом берете.

— И-и-и-и,— заверещал молодой Митрич,— какой дяденька, какой хитрый дяденька...

Черноусый оборвал его взглядом из-под усов:

— Я никакой не хитрый. Я не ворую, как некоторые.

Я не ворую у незнакомых людей предметов первой необходимости. Я пришел со своей — вот...

И он поставил мне на лавочку бутылку столичной.

— От моей не откажетесь? — спросил он меня.

Я потеснился, чтобы дать ему место.

— Нет, потом, пожалуй, и не откажусь, а пока хочу свое. Поцелуй тети Клавы.

— Тети Клавы?

— Тети Клавы.

Мы налили себе, каждый свое. Дед и внук протянули мне свою посуду: они, оказывается, давно держали ее наготове, задолго до того, как я их поманил. Дед вытащил пустую четвертинку, я сразу ее признал. А внучек — тот вынул даже целый ковш, и вынул откуда-то из-под лобка и диафрагмы...

Я налил им, сколько обещал, и они улыбались.

— На брудершафт, ребятишки?

— На брудершафт.

Все пили, запрокинув головы, как пианисты...

«Наш поезд на станции Есино не останавливается. Остановки по всем пунктам — кроме Есино».

ЕСИНО—ФРЯЗЕВО

Началось шелестенье и чмоканье. Как будто тот пианист, который все пил и пил, теперь уже все выпил и, утонув в волосах, заиграл этюд Ференца Листа «Шум леса» до диез минор.

Первым заговорил черноусый в жакете. И почему-то обращался единственно только ко мне:

— Я прочитал у Ивана Бунина, что рыжие люди, если выпьют,— обязательно покраснеют...

— Ну так что же?..

— Как, то есть, «что же»? А Куприн и Максим Горький — так те вообще не просыпались!..

— Прекрасно. Ну, а дальше?

— Как, то есть, «ну, а дальше»? Последние предсмертные слова Антона Чехова какие были? Он сказал: «Ихь штербе», то есть «я умираю». А потом добавил: «Налейте мне шампанского». И уж тогда только — умер.

— Так-так?..

— А Фридрих Шиллер — тот не только умереть, тот даже жить не мог без шампанского. Он знаете, как писал? Опустит ноги в ледяную ванну, нальет шампанско-

го — и пишет. Пропустит один бокал — готов целый акт трагедии. Пропустит пять бокалов — готова целая трагедия в пяти актах.

— Так-так-так... Ну, и...

Он кидал в меня мысли, как триумфатор червонцы, а я едва-едва успевал их подбирать «Ну, и...»

— Ну, и Николай Гоголь...

— Что Николай Гоголь?..

— Он всегда, когда бывал у Аксаковых, просил ставить ему на стол особый, розовый бокал...

— И пил из розового бокала?

— Да. И пил из розового бокала.

— А что пил?..

— А кто его знает!.. Ну что можно пить из розового бокала? Ну конечно, водку...

И я, и оба Митрича с интересом за ним следили. А он, черноусый, так и смеялся, в предвкушении новых триумфов...

— А Модест-то Мусоргский! Бог ты мой, а Модест-то Мусоргский! Вы знаете, как он писал свою бессмертную оперу «Хованщина»? Это смех и горе. Модест Мусоргский лежит в канаве с перепою, а мимо проходит Николай Римский-Корсаков, в смокинге и с бамбуковой тростью. Остановится Николай Римский-Корсаков, пощекочет Модеста своей тростью и говорит: «Вставай! Иди умойся и садись дописывать свою божественную оперу «Хованщина»!»

И вот они сидят — Николай Римский-Корсаков в креслах сидит, закинув ногу за ногу, с цилиндром на отлете. А напротив него — Модест Мусоргский, весь томный, весь небритый,— пригнувшись на лавочке, потеет и пишет ноты. Модест на лавочке похмелиться хочет: что ему ноты! А Николай Римский-Корсаков с цилиндром на отлете похмелиться не дает...

Но уж как только затворяется дверь за Римским-Корсаковым — бросает Модест свою бессмертную оперу «Хованщина»— и бух в канаву. А потом встает и опять похмеляться, и опять — бух!.. А между прочим, социал-демократы...

— Начитанный, чччерт! — в восторге прервал его старый Митрич, а молодой, от чрезмерного внимания, вобрал в себя все волосы и заиндевел...

— Да, да! Я очень люблю читать! В мире столько прекрасных книг! — продолжал человек в жакете.— Я, например, пью месяц, пью другой, а потом возьму и

прочитаю какую-нибудь книжку, и так хороша покажется мне эта книжка, и так дурен кажусь я сам себе, что я совсем расстраиваюсь и не могу читать, бросаю книжку и начинаю пить, пью месяц, пью другой, а потом...

— Погоди,— тут уж я его прервал,— погоди. Так что же социал-демократы?

— Какие социал-демократы? Разве только социал-демократы? Все ценные люди России, все нужные ей люди — все пили, как свиньи. А лишние, бестолковые — нет, не пили. Евгений Онегин в гостях у Лариных и выпил-то всего-навсего брусничной воды, и то его понос пробрал. А честные современники Онегина «между лафитом и клико» (заметьте, «между лафитом и клико»!) тем временем рождали «мятежную науку» и декабризм... А когда они наконец разбудили Герцена...

— Как же! Разбудишь его, вашего Герцена! — рявкнул кто-то с правой стороны. Мы все вздрогнули и повернулись направо. Это рявкал Амур в коверкотовом пальто.— Ему еще в Храпунове надо было выходить, этому Герцену, а он все едет, собака!..

Все, кто мог смеяться,— все рассмеялись: «Да оставь ты его в покое, черт, декабрист фуев!» «Уши ему потри, уши!» «Какая разница — в Храпуново ехать или в Петушки! Может, человеку захотелось в Петушки, а ты его гонишь в Храпуново!» Все вокруг незаметно косели, незаметно и радостно косели, незаметно и безобразно... И я — вместе с ними...

Я повернулся к жакетке и черным усам:

— Ну допустим, ну разбудили они Александра Герцена, при чем же тут демократы и «Хованщина» и...

— А вот и при том! С этого и началось все главное — сивуха началась вместо клико! разночинство началось, дебош и хованщина! Все эти Успенские, все эти Помяловские — они без стакана не могли написать ни строки! Я читал, я знаю! Отчаянно пили! Все честные люди России! И отчего они пили? — с отчаяния пили! пили оттого, что честны, оттого, что не в силах были облегчить участь народа! Народ задыхался в нищете и невежестве, почитайте-ка Дмитрия Писарева! Он так и пишет: народ не может позволить себе говядину, а водка дешевле говядины, оттого и пьет русский мужик, от нищеты своей пьет! Книжку он себе позволить не может, потому что на базаре ни Гоголя, ни Белинского, а одна только водка! и монопольная, и всякая, и в разлив, и на вынос! Оттого он и пьет, от невежества своего пьет!

Ну как тут не прийти в отчаяние, как не писать о мужике, как не спасать его, как от отчаяния не запить! Социал-демократ — пишет и пьет, и пьет, как пишет: А мужик — не читает и пьет, пьет, не читая. Тогда Успенский встает — и вешается, а Помяловский ложится под лавку в трактире — и подыхает, а Гаршин — встает — и с перепою бросается через перила...

Черноусый уже вскочил, и снял берет, и жестикулировал, как бешеный,— все выпитое подстегивало его и ударяло в голову, все ударяло и ударяло... Декабрист в коверкотовом пальто — и тот бросил своего Герцена, подсел к нам ближе и воздел к оратору мутные, серые глаза...

— А вы смотрите, что получается! Мрак невежества все сгущается, и обнищание растет абсолютно! Вы Маркса читали? Абсолютно! Другими словами, пьют все больше и больше! Пропорционально возрастает отчаяние социал-демократа, тут уже не лафит, не клико, те еще как-то добудились Герцена! А теперь — вся мыслящая Россия, тоскуя о мужике, пьет не просыпаясь! Бей во все колокола, по всему Лондону — никто в России головы не поднимет, все в блевотине и всем тяжело!..

И так — до наших времен! вплоть до наших времен! Этот круг, порочный круг бытия — он душит меня за горло! И стоит мне прочесть хорошую книжку — я никак не могу разобраться, кто отчего пьет: низы, глядя вверх, или верхи, глядя вниз. И я уже не могу, я бросаю книжку. Пью месяц, пью другой, а потом...

— Стоп! — прервал его декабрист.— А разве нельзя не пить? Взять себя в руки — и не пить? Вот тайный советник Гете, например, совсем не пил.

— Не пил? Совсем? — черноусый даже привстал и надел берет.— Не может этого быть!

— А вот и может. Сумел человек взять себя в руки — и ни грамма не пил...

— Вы имеете в виду Иоганна фон Гете?

— Да. Я имею в виду Иоганна фон Гете, который ни грамма не пил.

— Странно... А если б Фридрих Шиллер поднес бы ему?.. бокал шампанского?

— Все равно бы не стал. Взял бы себя в руки — и не стал. Сказал бы: не пью ни грамма.

Черноусый поник и затосковал. На глазах у публики рушилась вся его система, такая стройная система, сотканная из пылких и блестящих натяжек. «Помоги ему,

Ерофеев,— шепнул я себе,— помоги человеку. Ляпни какую-нибудь аллегорию или...»

— Так вы говорите: тайный советник Гете не пил ни грамма? — я повернулся к декабристу.— А почему он не пил, вы знаете? Что его заставляло не пить? Все честные умы пили, а он — не пил? Почему? Вот мы сейчас едем в Петушки, и почему-то везде остановки, кроме Есино. Почему бы им не остановиться и в Есино? Так вот нет же. Проперли без остановки. А все потому, что в Есино нет пассажиров, они все садятся или в Храпунове, или во Фрязеве. Да. Идут от самого Есино до самого Храпунова или до самого Фрязева — и там садятся. Потому что все равно ведь поезд в Есино прочешет без остановки. Вот так поступал и Иоганн фон Гете, старый дурак. Думаете, ему не хотелось выпить? Конечно, хотелось. Так он, чтобы самому не скопытиться, вместо себя заставлял пить всех своих персонажей. Возьмите хоть «Фауста»: кто там не пьет? все пьют. Фауст пьет и молодеет, Зибель пьет и лезет на Фауста, Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им «Блоху». Вы спросите: для чего это нужно было тайному советнику Гете? Так я вам скажу: а для чего он заставил Вертера пустить себе пулю в лоб? Потому что — есть свидетельство — он сам на грани самоубийства, но чтоб отделаться от искушения, заставил Вертера сделать это вместо себя. Вы понимаете? Он остался жить, но как бы покончил с собой. И был вполне удовлетворен. Это даже хуже прямого самоубийства. В этом больше трусости и эгоизма, и творческой низости...

Вот так же он и пил, как стрелялся, ваш тайный советник. Мефистофель выпьет — а ему хорошо, старому псу. Фауст добавит — а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. Со мною на трассе дядя Коля работал — тот тоже: сам не пьет, боится, что чуть выпьет — и сорвется, загудит на неделю, на месяц. А нас — так прямо чуть не принуждал. Разливает нам, крякает за нас, блаженствует, гад, ходит, как обалделый...

Вот так и ваш хваленый Иоганн фон Гете! Шиллер ему подносит, а он отказывается — еще бы! Алкоголик он был, алкаш он был, ваш тайный советник, Иоганн фон Гете! И руки у него как бы тряслись!..

— Вот это да-а-а...— разглядывали меня и декабрист, и черноусый. Стройная система была восстановлена и вместе с ней восстановилось веселье. Декабрист — широким жестом — вытащил из коверкотового пальто бу-

тылку перцовой и поставил ее у ног черноусого. Черноусый вынул свою столичную. Все потирали руками — до странности возбужденно...

Мне налили — больше всех. И старому Митричу — налили. Молодому тоже подали стакан — он радостно прижал его к левому соску правым бедром, и из обеих ноздрей его хлынули слезы...

— Итак, за здоровье тайного советника Иоганна фон Гете?

ФРЯЗЕВО—61-Й КИЛОМЕТР

Да. За здоровье тайного советника Иоганна фон Гете.

Я, как только выпил, почувствовал, что пьянею сверх всякой меры и что все остальные — тоже...

— А... разрешите вам задать один пустяшный вопрос,— сказал мне черноусый сквозь усы и сквозь бутерброд в усах: он опять обращался только ко мне:

— Разрешите спросить: отчего это в глазах у вас столько грусти? Разве можно грустить, имея такие познания? Можно подумать — вы с утра ничего не пили!

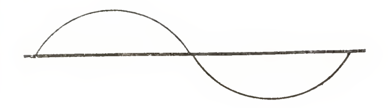
Я даже обиделся:

— Как, то есть, ничего! И разве это грусть? Это просто замутненность глаз... Я просто сегодня немного поддал...

— Нет, нет, эта замутненность — от грусти! Вы как Гете! Вы всем вашим видом опровергаете одну из моих лемм, несколько умозрительную лемму, но все же выросшую из опыта! Вы, как Гете, все опровергаете...

— Да чем же я опровергаю? Своей замутненностью глаз?..

— Именно! Своей замутненностью! Вот послушайте, в чем моя заветная лемма: когда мы вечером пьем, а утром не пьем, какими мы бываем вечером и какими становимся наутро? Я, например, если выпью — я весел чертовски, я подвижен и неистов, я места себе не нахожу, да. А наутро? — наутро я не просто невесел, не просто неподвижен, нет. Я ровно настолько же мрачнее обычного себя, трезвого себя, насколько веселее обычного был накануне. Если накануне я одержим был Эросом, то мое утреннее отвращение в точности равновелико вчерашним грезам. Что я хочу сказать? вот, смотрите:

И черноусый изобразил на бумажке такую вот хреновину. И объяснил: горизонтальная линия — это линия обычной трезвости, повседневная линия. Наивысшая точка кривой — момент засыпания, наинизшая — пробуждения с похмелья...

— Видите! Это же голая зеркальность! Глупая, глупая природа, ни о чем она не заботится так рьяно, как о равновесии! Не знаю, нравственная ли это забота, но она строго геометрична! Смотрите: ведь эта кривая изображает нам не один только жизненный тонус, нет! Она все изображает. Вечером бесстрашие, даже если и есть причина бояться, бесстрашие и недооценка всех ценностей. Утром — переоценка, переходящая в страх, совершенно беспричинный.

Если с вечера, спьяна природа нам «передала», то наутро она столько же и недодаст, с математической точностью. Был у вас вечером порыв к идеалу — пожалуйста, с похмелья его сменит порыв к антиидеалу, а если идеал и остается, то вызывает антипорыв. Вот вам в двух словах моя заветная лемма...

Она — вообще и к каждому применима. А у вас — все не как у людей, все, как у Гете!..

Я рассмеялся: «Почему ж она все-таки лемма, если она всеобща?..»

И декабрист — тоже рассмеялся: «Коли она всеобща, то почему же лемма?»

— А потому и лемма! Потому что в расчет не принимает бабу! Человека в чистом виде лемма принимает, а бабу — не принимает! С появлением бабы нарушается всякая зеркальность. Если б баба не была бабой, лемма не была бы леммой. Лемма всеобща, пока нет бабы. Баба есть — и леммы уже нет... В особенности — если баба плохая, а лемма хорошая...

Враз заговорили все. «Да что такое вообще: лемма?» «И что такое — плохая баба?» «Плохих баб нет, только леммы одни бывают плохими...»

— У меня, например,— сказал декабрист,— у меня тридцать баб, и одна чище другой, хоть и усов у меня нет. А у вас, допустим, усы и одна хорошая баба. Все-таки, я считаю: тридцать самых плохих баб лучше, чем одна, хоть и самая хорошая...

— При чем тут усы! Разговор о бабе идет, а не об усах!

— И об усах! Не было бы усов — не было б и разговора...

— Черт знает, что вы городите!.. Все-таки, я думаю: одна хорошая стоит всех ваших. Как вы на это смотрите?..— черноусый опять поворотился ко мне.— С научной точки зрения, как вы на это смотрите?

Я сказал:

— С научной, конечно, стоит. В Петушках, например, тридцать посудин меняют на полную бутылку зверобоя, и если ты принесешь, допустим...

«Как! Тридцать на одну! Почему так много!»— галдеж возобновился.

— Да иначе кто же вам поменяет! Тридцать на двенадцать — это 3.60. А зверобой стоит 2.62. Это и дети знают. Отчего Пушкин умер, они еще не знают, а это — уже знают. А все-таки никакой сдачи. 3.60, конечно, хорошо, это лучше, чем 2.62, но все-таки сдачи не берешь, потому что за витриной стоит хорошая баба, а хорошую бабу надо уважить...

— Да чем же она хороша, эта баба за витриной?

— Да тем и хороша, что плохая вообще бы посуду у вас не взяла. А хорошая баба — берет у вас плохую посуду, а взамен дает хорошую. И поэтому надо уважить... Для чего вообще на свете баба?

Все значительно помолчали. Каждый подумал свое, или все подумали одно и то же, не знаю.

— А для того, чтоб уважить. Что говорил Максим Горький на острове Капри? «Мерило всякой цивилизации — способ отношения к женщине». Вот и я: прихожу я в петушинский магазин, у меня с собой тридцать пустых посудин. Я говорю: «Хозяюшка!»— голосом таким пропитым и печальным говорю: «Хозяюшка! Зверобою мне, будьте добры...» И ведь знаю, что чуть ли не рупь передаю: 3.60 минус 2.62. Жалко. А она на меня смотрит: давать ему, гаду, сдачи или не давать? А я на нее смотрю: даст она мне, гадина, сдачи или не даст? Вернее, нет, в это мгновение я смотрю не на нее. Я смотрю сквозь нее и вдаль. И что же встает перед моим бес-

смысленным взором? Остров Капри встает. Растут агавы и тамаринды, а под ними сидит Максим Горький, из-под белых брюк волосатые ноги. И пальцем мне грозит: «Не бери сдачи! Не бери сдачи!» Я ему моргаю: мол, жрать будет нечего. «Ну, хорошо, я выпью, а чем я зажирать буду?»

А он: «Ничего, Веня, потерпишь. А коли хочешь жрать — так не пей». Так и ухожу, без всякой сдачи. Сержусь, конечно, думаю: «Мерило!» «Цивилизации!» «Эх, Максим Горький, Максим же ты Горький, сдуру или спьяну ты сморозил такое на своем Капри? Тебе хорошо — ты там будешь жрать свои агавы, а мне что жрать?..»

Публика смеялась. А внучек верещал: «И-и-и-и, какие агавы, какие хорошие капри...»

— А плохая баба? — сказал декабрист.— Разве не нужна бывает и плохая баба?

— Конечно! Конечно, нужна,— отвечал я ему.— Хорошему человеку плохая баба иногда прямо необходима бывает. Вот я, например, двенадцать недель тому назад: я был во гробе, я уже четыре года лежал во гробе, так что уже и смердеть перестал. А ей говорят: «Вот — он во гробе. И воскреси, если сможешь». А она подошла ко гробу — вы бы видели, как она подошла!

— Знаем! — сказал декабрист.—«Идет, как пишет. А пишет, как Лева. А Лева пишет фуево!»

— Вот-вот! Подошла ко гробу и говорит: «Талифа куми». Это значит в переводе с древнежидовского: «Тебе говорю — встань и ходи». И что же вы думаете? Встал — и пошел. И вот уже три месяца хожу замутненный...

— Замутненность — от грусти,— повторил черноусый в беретке.— А грусть от бабы.

— Замутненность — оттого, что поддал,— перебил его декабрист.

— Да причем тут «поддал»? А «поддал»-то почему? Потому что, допустим, человек грустит и едет к бабе. Нельзя же ехать к бабе и не пить! — плохая, значит, баба! Да если даже и плохая — все равно надо выпить. Наоборот, чем хуже баба, тем лучше надо поддать!..

— Честное слово! — вскричал декабрист.— Как хорошо, что все мы такие развитые! У нас тут прямо как у Тургенева: все сидят и спорят про любовь. Давайте и я вам что-нибудь расскажу — про исключительную любовь и про то, как бывают необходимы плохие бабы!.. Давай-

те, как у Тургенева! Пусть каждый чего-нибудь да расскажет...

«Давайте!» «Давайте, как у Тургенева!» Даже старый Митрич — и тот сказал: «Давайте!..»

61-Й КИЛОМЕТР И 65-Й КИЛОМЕТР

Первым начал рассказывать декабрист:

— Один приятель был у меня, я его никогда не забуду. Он и всегда-то был какой-то одержимый, а тут не иначе как бес в него вошел. Он помешался — знаете, на ком? На Ольге Эрдели, прославленной советской арфистке. Может быть, Вера Дулова тоже прославленная арфистка. Но он помешался именно на Эрдели. И ни разу-то ее в жизни не видел, а только слышал по радио, как она бренчит на арфе,— а вот поди ж ты, помешался...

Помешался и лежит. Не работает, не учится, не курит, не пьет, с постели не встает, девушек не любит и в окошко не высовывается... Подай ему Ольгу Эрдели, и весь тут сказ. Наслажусь, мол, арфисткой Ольгой Эрдели и только тогда — воскресюсь: встану с постели, буду работать и учиться, буду пить и курить и высунусь в окошко. Мы ему говорим:

— Ну зачем тебе именно Эрдели? Возьми хоть Веру Дулову взамен Эрдели, Вера Дулова играет прекрасно!

А он:

— Подавитесь вы своей Верой Дуловой! В гробу я видел вашу Веру Дулову! С вашей Верой Дуловой и ...ать рядом не сяду!

Ну, видим, малый совсем выкипает. Дня через три опять мы к нему подходим.

— Ну как, все Ольгой Эрдели бредишь? Мы нашли лекарство: хочешь мы завтра приволокем тебе Веру Дулову?

— Конечно,— отвечает,— если вы хотите, чтобы я ее, вашу Веру Дулову, удавил струною от арфы,— тогда, пожалуйста, волоките. Я ее удавлю.

Ну что делать? Малый совсем вымирает, надо его спасать. Пошел я к Ольге Эрдели, хотел объяснить, в чем дело, да так и не решился. Хотел даже и к Вере Дуловой — да нет, думаю, удавит он ее, как незабудку. И иду я по Москве вечером, и грустно мне: они там на арфах сидят и играют, толстеют и пухнут на арфах, а от малого остались руины и пепел.

А тут мне встречается бабонька, не то чтоб очень старая, но уже пьяная-пьяная. «Рррупь мне дай,— говорит.— Дай мне рупь!» И тут-то меня осенило. Я дал ей рупь и все ей объяснил: она, эта м...давошечка, оказалась понятливее Эрдели, а для пущей убедительности я заставил ее взять с собой балалайку...

И вот — я поволок ее к моему приятелю. Вошли: он все лежит и тоскует. Я ему сначала кинул балалайку, прямо с порога. А потом — швырнул ему в лицо эту Ольгу, я этой Ольгой в него запустил... «Вот она — Эрдели! Не веришь — спроси!» И наутро смотрю: открылось окошко, он в него высунулся и потихоньку закурил. Потом — потихоньку заработал, заучился, запил... И стал человек как человек. Вот видите!..

— Да где же тут любовь и где Тургенев? — заговорили мы, почти не дав окончить.— Нет, ты давай про любовь! Ты читал Ивана Тургенева? Ну, коли читал, так и расскажи! Про первую любовь расскажи, про Зиночку, про вуаль, и как тебе хлыстом по роже съездили — вот примерно все это и расскажи...

— Конечно,— прибавил я,— у Ивана Тургенева все это немножко не так, у него все собираются к камину, в цилиндрах, и держат жабо на отлете... Ну, да ладно, у нас и без камина есть чем согреться. А жабо — что нам жабо! Мы и без жабо — лыка не вяжем...

— Конечно! Конечно!

— Если любить по-тургеневски, это значит: суметь пожертвовать всем ради избранного создания! Суметь сделать то, что невозможно сделать, не любя по-тургеневски! Вот ты, например, (мы незаметно переходили на «ты»). Вот ты, декабрист. Ты смог бы у этого приятеля, про которого рассказывал,— смог бы палец у него откусить? ради любимой женщины?

— Ну зачем палец?.. При чем тут палец? — застонал декабрист.

— Нет, нет, слушай. А ты мог бы: ночью, тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, надеть штаны и тихонько вернуться домой? ради любимой женщины? смог бы?..

— Боже мой! Нет, не смог бы.

— Ну вот то-то...

— А я бы смог! — проговорил вдруг дедушка Митрич. Так неожиданно, что все снова заерзали и запотирали руки.— А я бы смог чего-нибудь рассказать...

— Ты? Рассказать? Да ты, наверное, и не читал совсем Ивана Тургенева!..

— Ну и пусть, что не читал... Мой внучек зато все читал...

— Ну, ладно, ладно! внучек потом расскажет! внучку потом слово дадим! Давай, папаша, валяй, рассказывай про любовь!..

«Представляю,— подумал я,— что это будет за чушь! что за несусветная чушь!» И я снова припомнил свою похвальбу в день знакомства с моей Царицей: «Еще выше нанесу околесицы! Нанесу еще выше!» Что ж, пусть рассказывает, этот слезящийся Митрич. Надо чтить, повторяю, потемки чужой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего, пусть там дрянь одна — все равно: смотри и чти, смотри и не плюй...

Дедушка начал рассказывать:

65-Й КИЛОМЕТР—ПАВЛОВО-ПОСАД

— Председатель у нас был... Лоэнгрин его звали, строгий такой... и весь в чирьях... и каждый вечер на моторной лодке катался. Сядет в лодку и по речке плывет... плывет и чирья из себя выдавливает...

Из глаз рассказчика вытекала влага, и он был взволнован:

— А покатается он на лодке... придет к себе в правление, ляжет на пол... тут уже к нему не подступись — молчит и молчит. А если скажешь ему слово поперек — отвернется он в угол и заплачет... стоит и плачет, и пысает на пол, как маленький...

Дедушка вдруг умолк. Губы его искривились, синий нос его вспыхнул и погас. Он плакал! Плакал, как женщина, охватив руками голову, плечи его так и ходили ходуном, так и ходили, как волны...

— Ну и все, что ли, Митрич?..

Вагон содрогнулся от хохота. Все смеялись, безобразно и радостно. А внучек даже весь задергался, снизу вверх, чтобы слева направо не прыснуть себе в щиколотку. Черноусый сердился:

— Да где же тут Тургенев? Мы же договорились: как у Ивана Тургенева! А тут черт знает что такое! Какой-то весь в чирьях! да еще вдобавок «пысает»!

— Да ведь он, наверное, кинокартину пересказы-

вал! — буркнул кто-то со стороны.— Кинокартину «Председатель»!

А я сидел и понимал старого Митрича, понимал его слезы: ему просто все и всех было жалко: жалко председателя, за то, что ему дали такую позорную кличку, и стенку, которую он обмочил, и лодку, и чирьи — все жалко... Первая любовь или последняя жалость — какая разница? Бог, умирая на кресте, заповедовал нам жалость, а зубоскальства он нам не заповедовал. Жалость и любовь к миру — едины. Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева — жалость.

— Давай, папаша,— сказал я ему,— давай я угощу тебя, ты заслужил! Ты хорошо рассказал про любовь!..

— И все, и все давайте выпьем! За орловского дворянина Ивана Тургенева, гражданина прекрасной Франции!

— Давайте! За орловского дворянина!..

Снова началось то же бульканье и тот же звон, потом опять шелестенье и чмоканье. Этюд до диез минор, сочинение Ференца Листа, исполнялся на бис...

Никто сразу и не заметил, как у входа в наше «купе» (назовем его «купе») выросла фигура женщины в коричневом берете, в жакетке и с черными усиками. Она вся была пьяна снизу доверху, и берет у нее разъезжался...

— Я тоже хочу Тургенева и выпить,— проговорила она всею утробою...

Замешательство длилось не больше двух мгновений.

— Аппетитная приходит во время еды,— съязвил декабрист. Все засмеялись.

— Чего тут смеяться,— сказал дедушка.— Баба как баба, хорошая, мягонькая...

— Таких хороших баб,— мрачно отозвался черноусый и снял берет,— таких хороших баб надо в Крым отправлять, чтоб их там волки-медведи кушали...

— Ну почему, почему! — я запротестовал и засуетился.— Пусть сядет! Пусть чего-нибудь да расскажет! — Читали Тургенева, читали Максима Горького, а толку с вас!.. Я потеснился. Я усадил ее и налил ей полстакана «тети Клавы».

Она выпила и вместо благодарности приподняла с головы свой берет. «Вот это — видите?» И показала всем свой шрам повыше уха. А потом торжественно помолчала — и снова протянула мне стакан: «Плесни еще, молодой человек, а не то упаду в обморок».

Я налил ей еще полстакана.

Она и это выпила, и снова как-то машинально. А выпив, настежь растворила свой рот и всем показала: «Видите — четырех зубов не хватает?» «Да где же зубы-то эти?» «А кто их знает, где они. Я женщина грамотная, а вот хожу без зубов. Он мне их выбил за Пушкина. А я слышу — у вас тут такой литературный разговор, дай, думаю, и я к ним присяду, выпью и заодно расскажу, как мне за Пушкина разбили голову и выбили четыре последних зуба...»

И она принялась рассказывать, и вот каков был стиль ее рассказа...

— Все с Пушкина и началось. К нам прислали комсорга Евтюшкина, он все щипался и читал стихи, а раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил?» Я говорю: «Ну, допустим, томил...» А он опять за икры: «В душе мой голос раздавался?» «Конечно,—говорю,— раздавался». Тут он схватил меня в охапку и куда-то поволок. А когда уже выволок — я ходила все дни сама не своя, все твердила: «Пушкин-Евтюшкин-томил-раздавался». «Раздавался-томил-Евтюшкин-Пушкин».

А потом опять: «Пушкин-Евтюшкин»...

— Ты ближе к делу, ближе к передним зубам,— оборвал ее черноусый.

— Сейчас, сейчас будут и зубы! Будут вам и зубы!.. Что же дальше?.. Да, с этого дня все шло хорошо, целых полгода я с ним на сеновале Бога гневила, все шло хорошо! А потом этот Пушкин опять все напортил!.. Я ведь как Жанна д'Арк. Та тоже — нет, чтобы коров пасти и жать хлеба — так она села на лошадь и поскакала в Орлеан, на свою попу приключений искать. Вот так и я — как немножко напьюсь, так сразу к нему подступаю: «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» А он огрызается: «Да каких там еще детишек? Ведь детишек-то нет! При чем же тут Пушкин!» А я ему на это: «Когда они будут, детишки, поздно будет Пушкина вспоминать!»

И так всякий раз — стоило мне немного напиться.

«Кто за тебя,— говорю,— детишек?.. Пушкин, что ли?» А он — прямо весь бесится. «Уйди, Дарья, кричит,— уйди! Перестань высекать огонь из души человека!» Я его ненавидела в эти минуты, так ненавидела, что в глазах у меня голова кружилась. А потом — все-таки ничего,

опять любила, так любила, что по ночам просыпалась от этого...

И вот как-то однажды я уж совсем перепилась. Подлетаю я к нему и ору: «Пушкин, что ли, за тебя детишек воспитывать будет? А? Пушкин?» Он, как услышал о Пушкине, весь почернел и затрясся: «Пей, напивайся, но Пушкина не трогай! Детишек — не трогай! Пей все, пей мою кровь, но Господа Бога твоего не искушай!» А я в это время на больничном сидела, сотрясение мозгов и заворот кишок, а на юге в то время осень была, и я ему тогда заорала: «Уходи от меня, душегуб, совсем уходи! Обойдусь! Месяцок по...дую и под поезд брошусь! А потом в монастырь и схиму приму! Ты придешь прощения ко мне просить, а я выйду во всем черном, обаятельная такая, и тебе всю морду исцарапаю безымянным пальцем! Уходи!!» А потом кричу: «Ты хоть душу-то любишь во мне? Душу — любишь?» А он все трясется и чернеет: «Сердцем,— орет,— сердцем — да, сердцем люблю твою душу, но душою — нет, не люблю!!»

И как-то дико, по-оперному, рассмеялся, схватил меня, проломил мне череп и уехал во Владимир-на-Клязьме. Зачем уехал? К кому уехал? Мое недоумение разделяла вся Европа. А бабушка моя, глухонемая, с печки мне говорит: «Вот видишь, как далеко зашла ты, Дашенька, в поисках своего «я»!»

Да! А через месяц он вернулся. А я в это время пьяная была в дым, я как увидела его, упала на стол, засмеялась, засучила ногами: «Ага! — закричала: «Умотал во Владимир-на-Клязьме! а кто за тебя детишек...» А он — не говоря ни слова — подошел, выбил мне четыре передних зуба и уехал в Ростов-на-Дону, по путевке комсомола...

— Дело к обмороку, малый. Налей-ка еще чуток...

Все давились от смеха. Всех доконала, главное, эта глухонемая бабушка.

— А где же он теперь, твой Евтюшкин?..

— А кто его знает где? Или в Сибири, или в Средней Азии. Если он приехал в Ростов и все еще живой, значит он где-нибудь в Средней Азии. А если до Ростова не доехал и умер, значит, в Сибири...

— Верно говоришь,— поддержал я ее,— в Средней Азии не умрешь, в Средней Азии можно прожить. Сам я там не был, а вот мой друг Тихонов — был. Он говорит: идешь, идешь, видишь — кишлак, а в нем кизяками печку топят, а выпить ничего нет, но жратвы зато мно-

го: акыны, саксаул... Так он так и питался почти полгода: акынами и саксаулом. И ничего — приехал рыхлый и глаза навыкате...

— А в Сибири?..

— А в Сибири — нет, в Сибири не проживешь. В Сибири вообще никто не живет, одни только негры живут. Продуктов им туда не завозят, выпить им нечего, не говоря уже «поесть». Только один раз в год им привозят из Житомира вышитые полотенца — и негры на них вешаются...

— Да что еще за негры? — встрепенулся декабрист, чуть было задремавший. Какие в Сибири негры? Негры в Штатах живут, а не в Сибири! Вы, допустим, в Сибири были. А в Штатах вы были?..

— Был в Штатах! И не видел там никаких негров!

— Никаких негров! В Штатах??

— Да! в Штатах! Ни единого негра!..

Все как-то настолько одурели, и столько было тумана в каждой голове, что ни для какого недоумения уже не хватало места. Женщину сложной судьбы, со шрамом и без зубов,— все разом и немедленно забыли. И сама она как-то забылась, и все остальные — забылись; один только юный Митрич, чтоб в присутствии дамы показаться хватом, то и дело сплевывал какой-то мочой поперек затылка...

— Значит, вы были в Штатах,— мямлил черноусый,— это очень и очень чрезвычайно! Негров там нет и никогда не было, это я допускаю... я вам верю, как родному... Но — скажите: свободы там тоже не было и нет?.. свобода так и остается призраком на этом континенте скорби? скажите...

— Да,— отвечал я ему,— свобода так и остается призраком на этом континенте скорби, и они так к этому привыкли, что почти не замечают. Вы только подумайте! У них — я много ходил и вглядывался,— у них ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в реплике нет ни малейшей неловкости, к которой мы так привыкли. На каждой роже изображается в минуту столько достоинства, что хватило бы всем нам на всю нашу великую пятилетку. «Отчего бы это? — думал я и сворачивал с Манхеттена на 5-ю авеню и сам себе отвечал: — От их паскудного самодовольства, и больше ниотчего». Но откуда берется самодовольство? Я застывал посреди авеню, чтобы разрешить мысль: «В мире пропагандных фикций и рекламных вывертов — откуда столько самодовольства?» Я шел

в Гарлем и пожимал плечами: «Откуда? Игрушки идеологов монополий, марионетки пушечных королей — откуда у них такой аппетит? Жрут по пять раз на день и очень плотно, и все с тем же бесконечным достоинством — а разве вообще может быть аппетит у хорошего человека, а тем более в Штатах!..»

— Да, да, да,— кивал головою старый Митрич,— они там кушают, а мы почти уже и не кушаем... весь рис увозим в Китай, весь сахар увозим на Кубу... а сами что будем кушать?..

— Ничего, папаша, ничего!.. Ты уже свое откушал, грех тебе говорить. Если будешь в Штатах — помни главное: не забывай старушку Родину и доброту ее не забывай. Максим Горький не только о бабах писал, и о Родине. Ты помнишь, что он писал?..

— Как же... помню...— и все выпитое выливалось у него из синих глаз,— помню... «мы с бабушкой уходим все дальше в лес...»

— Да разве ж это про Родину, Митрич! — осоловело сердился черноусый.— Это про бабушку, а совсем не про Родину!..

И Митрич снова заплакал...

НАЗАРЬЕВО—ДРЕЗНА

А черноусый сказал: — Вот вы много повидали, много поездили. Скажите: где больше ценят русского человека, по ту или по эту сторону Пиренеев?

— Не знаю, как по ту. А по эту — совсем не ценят. Я, например, был в Италии, там на русского человека никакого внимания. Они только поют и рисуют. Один, допустим, стоит и поет. А другой рядом с ним сидит и рисует того, кто поет. А третий — поодаль — поет про того, кто рисует... И так от этого грустно. А они нашей грусти — не понимают...

— Да ведь итальянцы! — разве они что-нибудь понимают! — поддержал черноусый.

— Именно. Когда я был в Венеции, в день святого Марка,— захотелось мне посмотреть на гребные гонки. И так мне грустно было от этих гонок! Сердце исходило слезами, но немотствовали уста. А итальянцы не понимают, смеются, пальцами на меня показывают: «Смотрите-ка, Ерофеев опять ходит, как пое...й!» Да разве ж я как пое...й! Просто — немотствуют уста...

Да мне в Италии, собственно, ничего и не надо было. Мне только три вещи хотелось там посмотреть: Везувий, Геркуланум и Помпею. Но мне сказали, что Везувия давно уже нет, и послали в Геркуланум. А в Геркулануме мне сказали: «Ну зачем тебе, дураку, Геркуланум? Иди-ка ты лучше в Помпею». Прихожу в Помпею, а мне говорят: «Далась тебе эта Помпея! Ступай в Геркуланум!..»

Махнул я рукой и подался во Францию. Иду, иду, подхожу уже к линии Мажино, и вдруг вспомнил: дай, думаю, вернусь, поживу немного у Луиджи Лонго, койку у него сниму, книжки буду читать, чтобы зря не мотаться. Лучше б, конечно, у Пальмиро Тольятти койку снять, но ведь он недавно умер... А чем хуже Луиджи Лонго?..

А все-таки обратно не пошел. А пошел через Тироль в сторону Сорбонны. Прихожу в Сорбонну и говорю: хочу учиться на бакалавра. А меня спрашивают: «Если ты хочешь учиться из бакалавра — тебе должно быть что-нибудь присуще как феномену. А что тебе как феномену присуще?» Ну что им ответить? Я говорю: «Ну что мне как феномену может быть присуще? Я ведь сирота». «Из Сибири?» — спрашивают. Говорю: «Из Сибири». «Ну, раз из Сибири, в таком случае хоть психике твоей да ведь должно быть что-нибудь присуще. А психике твоей — что присуще?» Я подумал: это все-таки не Храпуново, а Сорбонна, надо сказать что-нибудь умное. Подумал и сказал: «Мне как феномену присущ самовозрастающий Логос». А ректор Сорбонны, пока я думал про умное, тихо подкрался ко мне сзади, да как хряснет меня по шее: «Дурак ты,— говорит,— никакой не Логос! Вон,— кричит,— вон, Ерофеев, из нашей славной Сорбонны!» В первый раз я тогда пожалел, что не остался жить на квартире у товарища Луиджи Лонго...

Что же мне оставалось делать, как не идти в Париж? Прихожу. Иду в сторону Нотр-Дама, иду и удивляюсь: кругом одни бардаки. Стоит только Эйфелева башня, а на ней генерал де Голль, ест каштаны и смотрит в бинокль во все четыре стороны. А какой смысл смотреть, если во всех четырех сторонах одни бардаки!..

По бульварам ходить, положим, там нет никакой возможности. Все снуют — из бардака в клинику, из клиники опять в бардак. И кругом столько трипперу, что дышать трудно. Я как-то выпил и пошел по Елисейским полям — а кругом столько трипперу, что ноги передвигаешь с трудом. Вижу: двое знакомых — она и он, оба жуют каштаны и оба старца. Где я их видел? в газетах? не пом-

ню, короче, узнал: это Луи Арагон и Эльза Триоле. «Интересно,— прошмыгнула мысль у меня,— откуда они идут: из клиники в бардак или из бардака в клинику?» И сам же себя обрезал: «Стыдись. Ты в Париже, а не в Храпунове. Задай им лучше социальные вопросы, самые мучительные социальные вопросы...»

Догоняю Луи Арагона и говорю ему, открываю сердце, говорю, что я отчаялся во всем, но что нет у меня ни в чем никакого сомнения, и что я умираю от внутренних противоречий, и много еще чего — а он только на меня взглянул, козырнул мне, как старый ветеран, взял свою Эльзу под руку и дальше пошел. Я опять их догоняю, и теперь уже говорю не Луи, а Триоле: говорю, что умираю от недостатка впечатлений и что меня одолевают сомнения именно тогда, когда я перестаю отчаиваться, тогда как в минуты отчаяния — а она, как старая б..., потрепала меня по щеке, взяла под руку своего Арагона и дальше пошла...

Потом я, конечно, узнал из печати, что это были совсем не те люди, это были, оказывается, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, ну да какая мне теперь разница? Я пошел по Нотр-Дам и снял там мансарду. Мансарда, мезонин, флигель, антресоли, чердак — я все это путаю и разницы никакой не вижу. Короче, я снял то, на чем можно лежать, писать и трубку курить. Выкурил я тринадцать трубок — и отослал в «Ревю де Пари» свое эссе под французским названием «Шик и блеск иммер элегант». Эссе по вопросам любви.

А вы ведь сами знаете, как тяжело во Франции писать о любви. Потому что все, что касается любви, во Франции уже давно написано. Там о любви знают все, а у нас ничего не знают о любви. Покажи нашему человеку со средним образованием, покажи ему твердый шанкр и спроси: «Какой это шанкр, твердый или мягкий?»— он обязательно брякнет: «Мягкий, конечно», а покажи ему мягкий — так он и совсем растеряется. А там — нет. Там, может быть, не знают, сколько стоит зверобой, но уж если шанкр мягкий, так он для каждого будет мягок, твердым его никто не назовет...

Короче, «Ревю де Пари» вернул мне мое эссе под тем предлогом, что оно написано по-русски, что французский один только заголовок. Что же вы думаете? — я отчаялся? Я выкурил на антресолях еще тринадцать трубок — и создал новое эссе, тоже посвященное любви. На этот раз оно все, от начала до конца, было напи-

сано по-французски, русским был только заголовок: «Стервозность как высшая и последняя стадия б...довитости». И отослал в «Ревю де Пари»...

— И вам опять его вернули? — спросил черноусый, в знак участия рассказчику и как бы сквозь сон...

— Разумеется, вернули. Язык мой признали блестящим, а основную идею — ложной. К русским условиям,— сказали,— возможно, это и применимо, но к французским — нет; стервозность, сказали, у нас еще не высшая ступень и уж далеко не последняя; у вас, у русских, ваша б...довитость, достигнув предела стервозности, будет насильственно упразднена и заменена онанизмом по обязательной программе; у нас же, у французов, хотя и не исключено в будущем органическое врастание некоторых элементов русского онанизма, с программой более произвольной, в нашу отечественную содомию, в которую — через кровосмесительство — трансформируется наша стервозность, но врастание это будет протекать в русле нашей традиционной б...довитости и совершенно перманентно!..

Короче, они совсем за...али мне мозги. Так что я плюнул, сжег свои рукописи вместе с мансардой и антресолями — и через Верден попер к Ламаншу. Я шел к Альбиону. Я шел и думал: «Почему я все-таки не остался жить на квартире Луиджи Лонго?» Я шел и пел: «Королева Британии тяжко больна, дни и ночи ее сочтены...» А в окрестностях Лондона...

— Позвольте,— прервал меня черноусый,— меня поражает ваш размах, нет, я верю вам как родному, меня поражает та легкость, с какой вы преодолевали все государственные границы...

ДРЕЗНА—85-Й КИЛОМЕТР

— Да что же тут такого поразительного! И какие еще границы?! Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации. У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница эта — не фикция и не эмблема, потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую — меньше пьют и говорят на нерусском...

А там? Какие там могут быть границы, если все одинаково пьют и все говорят не по-русски? Там, может быть, и рады куда-нибудь поставить пограничника, да

просто некуда поставить. Вот и шляются пограничники без всякого дела, тоскуют и просят прикурить... Так что там на этот счет совершенно свободно... Хочешь ты, например, остановиться в Эболи,— пожалуйста, останавливайся в Эболи. Хочешь идти в Каноссу — никто тебе не мешает, иди в Каноссу. Хочешь перейти Рубикон — переходи.

Так что ничего удивительного... В двенадцать ноль-ноль по Гринвичу я уже был представлен директору Британского музея, фамилия у него какая-то звучная и дурацкая, вроде сэр Комби Корм: «Чего вы от нас хотите?» — спросил директор Британского музея. «Я хочу у вас ангажироваться. Вернее, чтобы вы меня ангажировали, вот чего я хочу...»

«Это в таких-то штанах чтобы я вас стал ангажировать?»— сказал директор Британского музея. «Это в каких же таких штанах?»— переспросил я его со скрытой досадой. А он, как будто не расслышал, стал передо мной на карачки и принялся обнюхивать мои носки. Обнюхав, встал, поморщился, сплюнул, а потом спросил: «Это в таких-то носках, чтобы я вас ангажировал?»

— В каких же это носках?! — заговорил я, уже досады и не скрывая.— В каких это носках?! Вот те носки, которые я таскал на Родине, те действительно пахли, да. Но я перед отъездом их сменил, потому что в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и мысли, и...

А он не захотел и слушать. Пошел в палату лордов и сказал: «Лорды! вот тут у меня за дверью стоит один подонок. Он из снежной России, но вроде не очень пьяный. Что мне с ним делать, с этим горемыкой? Ангажировать это чучело? или не давать этому пугалу никакого ангажемента?» А лорды рассмотрели меня в монокли и говорят: «А ты попробуй, Уильям! попробуй, выставь его для обозрения! этот пыльный м...к впишется в любой интерьер!» Тут слово взяла королева Британии. Она подняла руку и крикнула:

— Контролеры! Контролеры!..— загремело по всему вагону, загремело и взорвалось: «Контролеры!»

Мой рассказ оборвался. Но не только рассказ: и пьяная полудремота черноусого, и сон декабриста,— все было прервано на полпути. Старый Митрич очнулся, весь в слезах, а молодой — ослепил всех своей свистящей зевотой, переходящей в смех и дефекацию. Одна только женщина сложной судьбы, прикрыв беретом выбитые зубы, спала как фатаморгана...

Собственно говоря, на петушинской ветке контролеров никто не боится, потому что все без билета. Если какой-нибудь отщепенец спьяну и купит билет, так ему, конечно, неудобно, если идут контролеры: когда к нему подходят за билетом, он не смотрит ни на кого — ни на ревизора, ни на публику, как будто хочет провалиться сквозь землю. А ревизор рассматривает его билет както брезгливо, а на него самого глядит уничтожающе, как на гадину. А публика — публика смотрит на «зайца» большими красивыми глазами, как бы говоря: глаза опустил, м...звон! совесть заела, жидовская морда! А в глаза ревизору глядят еще решительней: вот мы какие — и можешь ли ты осудить нас? Подходи к нам, Семеныч, мы тебя не обидим...

До того, как Семеныч стал старшим ревизором, все выглядело иначе: в те дни безбилетников, как индусов, сгоняли в резервации и лупили по головам Ефроном и Брокгаузом, а потом штрафовали и выплескивали из вагона. В те дни, смываясь от контролера, они бежали сквозь вагоны паническими стадами, увлекая за собой даже тех, кто с билетом. Однажды, на моих глазах, два маленьких мальчика, поддавшись всеобщей панике, побежали вместе со стадом и были насмерть раздавлены — так и остались лежать в проходе, в посиневших руках сжимая свои билеты...

Старший ревизор Семеныч все изменил: он упразднил всякие штрафы и резервации. Он делал проще: он брал с безбилетника по грамму за километр. По всей России шоферня берет с «грачей» за километр по копейке, а Семеныч брал в полтора раза дешевле: по грамму за километр. Если, например, ты едешь из Чухлинки в Усад расстояние девяносто километров, ты наливаешь Семенычу девяносто грамм и дальше едешь совершенно спокойно, развалясь на лавочке, как негоциант...

Итак, нововведение Семеныча укрепляло связь ревизора с широкою массою, удешевляло эту связь, упрощало и гуманизировало... И в том всеобщем трепете, который вызывает крик «Контролеры!!» — нет никакого страха. В этом трепете одно лишь предвосхищение...

Семеныч вошел в вагон, плотоядно улыбаясь. Он уже едва держался на ногах, он доезжал обычно только до Орехово-Зуева, а в Орехово-Зуеве выскакивал и шел в свою контору, набравшись до блевотины...

— Это ты опять, Митрич? Опять в Орехово? кататься на карусели? с вас обоих сто восемьдесят. А это ты,

черноусый? Салтыковская—Орехово-Зуево? Семьдесят два грамма. Разбудите эту б...ь и спросите, сколько с нее причитается. А ты, коверкот, куда и откуда? Серп и Молот—Покров? Сто пять, будьте любезны. Все меньше становится «зайцев». Когда-то это вызывало «гнев и возмущение», теперь же вызывает «законную гордость»... А ты, Веня?...

И Семеныч всего меня кровожадно обдал перегаром:

— А ты, Веня? Как всегда: «Москва—Петушки»?..

85-Й КИЛОМЕТР—ОРЕХОВО-ЗУЕВО

— Да. Как всегда. И теперь уже навечно: Москва—Петушки...

— И ты думаешь, что и на этот раз от меня отвертишься?! Да?.. Ше-хе-ре-зада...

Тут я должен сделать маленькое отступленьице, и пока Семеныч пьет положенную ему штрафную дозу, я поскорее вам объясню, почему «Шехерезада» и что значит «отвертишься»?

Прошло уже три года, как я впервые столкнулся с Семенычем. Тогда он только заступил на должность. Он подошел ко мне и спросил: «Москва — Петушки? Сто двадцать пять». И когда я не понял в чем дело, он объяснил мне в чем дело. И когда я сказал, что у меня с собой ни грамма нет, он мне сказал на это: «Так что же? бить тебе морду, если у тебя с собой ни грамма нет?» Я ответил ему, что бить не надо, и промямлил что-то из области римского права. Он страшно заинтересовался и попросил меня рассказать подробнее обо всем античном и римском. Я стал рассказывать, и дошел уже до скандальной истории с Лукрецией и Тарквинием, но тут ему надо было выскакивать в Орехово-Зуеве, и он так и не успел дослушать, что же все-таки случилось с Лукрецией: достиг своего шалопай Тарквиний или не достиг?..

А Семеныч, между нами говоря, редчайший бабник и утопист, история мира привлекала его единственно лишь альковной своей стороною. И когда через неделю в районе Фрязева снова нагрянули контролеры, Семеныч уже не сказал мне: «Москва—Петушки? Сто двадцать пять». Нет, он кинулся ко мне за продолжением: «Ну как? У...л он все-таки эту Лукрецию?»

И я рассказал ему, что было дальше. Я от римской

истории перешел к христианской и дошел уже до истории с Гипатией. Я ему говорил: «И вот, по наущению патриарха Кирилла, одержимые фанатизмом монахи Александрии сорвали одежды с прекрасной Гипатии и...» Но тут наш поезд, как вкопанный, остановился в Орехово-Зуеве, и Семеныч выскочил на перрон, вконец заинтригованный...

И так продолжалось три года, каждую неделю. На линии «Москва—Петушки» я был единственным безбилетником, кто ни разу еще не подносил Семенычу ни единого грамма и тем не менее оставался в живых и непобитых. Но всякая история имеет конец, и мировая история — тоже...

В прошлую пятницу я дошел до Индиры Ганди, Моше Даяна и Дубчека. Дальше этого идти было некуда...

И вот — Семеныч выпил свою штрафную, крякнул и посмотрел на меня, как удав и султан Шахриар:

— Москва—Петушки? Сто двадцать пять.

— Семеныч! — отвечал я, почти умоляюще.— Семеныч! Ты выпил сегодня много?..

— Прилично,— отвечал мне Семеныч не без самодовольства. Он пьян был в дымину...

— А значит: есть в тебе воображение? Значит, устремиться в будущее тебе по силам? Значит, ты можешь вместе со мной перенестись из мира темного прошлого в век золотой, который «ей-ей, грядет»?..

— Могу, Веня, могу! сегодня я все могу!..

— От третьего рейха, четвертого позвонка, пятой республики и семнадцатого съезда — можешь шагнуть, вместе со мной, в мир вожделенного всем иудеям пятого царства, седьмого неба и второго пришествия?..

— Могу! — рокотал Семеныч.— Говори, говори, Шехерезада!

— Так слушай. То будет день, «избраннейший всех дней». В тот день истомившийся Симеон скажет наконец: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыка...» И скажет архангел Гавриил: «Богородица Дева, радуйся, благословенная ты между женами». И доктор Фауст проговорит: «Вот — мгновение! Продлись и постой!» И все, чье имя вписано в книгу жизни, запоют «Исайя, ликуй!», и Диоген погасит свой фонарь. И будет добро и красота, и все будет хорошо, и все будут хорошие, и, кроме добра и красоты, ничего не будет и сольются в поцелуе...

— Сольются в поцелуе?..— заерзал Семеныч, уже в нетерпении...

— Да! И сольются в поцелуе мучитель и жертва; и злоба, и помысел, и расчет покинут сердца, и женщина...

— Женщина!! — затрепетал Семеныч.— Что? что женщина?!!!..

— И женщина Востока сбросит с себя паранджу! окончательно сбросит с себя паранджу угнетенная женщина Востока! И возляжет...

— Возляжет?!!! — тут он задергался.

— Да. И возляжет волк рядом с ангцем, и ни одна слеза не прольется, и кавалеры выберут себе барышень, кому какая нравится, и...

— О-о-о! — застонал Семеныч.— Скоро ли сие? Скоро ли будет?..— вдруг, как гитана, заломил свои руки, а потом суетливо, путаясь в одежде, стал снимать с себя и мундир, и форменные брюки, и все, до самой нижней своей интимности...

Я, как ни был пьян, поглядел на него с изумлением. А публика, трезвая публика, почти повскакала с мест, и в десятках глаз ее было написано громадное «ого!» Она, эта публика, все поняла не так, как надо бы понять...

А надо вам заметить, что гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. Ну, еще арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моше Даян. Ну, а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? — что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм.

Допустим, смотрят они телевизор: генерал де Голль и Жорж Помпиду встречаются на дипломатическом приеме. Естественно, оба они улыбаются и руки друг другу жмут. А уж публика: «Ого?! — говорит.— Ай да генерал де Голль!» Или: «Ого! Ай да Жорж Помпиду!»

Вот так они и на нас смотрели теперь. У каждого в в круглых глазах было написано это «Ого!».

— Семеныч! Семеныч! — я обхватил его и потащил на площадку вагона.— На нас же смотрят!.. Опомнись!.. Пойдем!..

Он был чудовищно тяжел. Он был размягчен и зыбок. Я едва дотащил его до тамбура и поставил у входных дверей.

— Веня! Скажи мне... женщина Востока... если снимет с себя паранджу... на ней что-нибудь останется?.. Что-нибудь есть у нее под паранджой?..

Я не успел ответить. Поезд, как вкопанный, остановился на станции Орехово-Зуево, и дверь автоматически растворилась...

ОРЕХОВО-ЗУЕВО

Старшего ревизора Семеныча, заинтригованного в тысячу первый раз, полуживого, расстегнутого — вынесло на перрон и ударило головой о перила... Мгновения два или три он еще постоял, колеблясь, как мыслящий тростник, а потом уже рухнул под ноги выходящей публике, и все штрафы за безбилетный проезд хлынули у него из чрева, растекаясь по перрону...

Все это я видел совершенно отчетливо, и свидетельствую об этом миру. Но вот всего остального — я уже не видел, и ни о чем не могу свидетельствовать. Краешком сознания, самым-самым краешком, я запомнил, как выходящая в Орехове лавина публики запуталась во мне и вбирала меня, чтобы накопить меня в себе, как паршивую слюну,— и выплюнуть на ореховский перрон. Но плевок все не получался, потому что входящая в вагон публика затыкала рот выходящей. Я мотался, как говно в проруби.

И если там Господь меня спросит: «Неужели, Веня, ты больше не помнишь ничего? Неужели ты сразу погрузился в тот сон, с которого начались все твои бедствия?..» — я скажу ему: «Нет, Господь, не сразу...» Краешком сознания, все тем же самым краешком, я еще запомнил, что сумел, наконец, совладать со стихиями и вырваться в пустые пространства вагона и опрокинуться на чью-то лавочку, первую от дверей...

А когда я опрокинулся, Господь, я сразу отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты — о нет! Я лгу опять! я снова лгу перед лицом Твоим, Господь! Это лгу не я, это лжет моя ослабевшая память! — я не сразу отдался потоку, я нащупал в кармане непочатую бутылку кубанской и глотнул из нее раз пять или шесть,— а уж потом, сложа весла, отдался мощному потоку грез и ленивой дремоты...

«Все ваши выдумки о веке златом,— твердил я,— все ложь и уныние. Но я-то, двенадцать недель тому, видел его прообраз, и через полчаса сверкнет мне в глаза его отблеск — в тридцатый раз. Там птичье пение не молкнет ни ночью, ни днем, там ни зимой, ни летом не отцвета-

ет жасмин,— а что там в жасмине? Кто там, облаченный в пурпур и крученый виссон, смежил ресницы и обоняет лилии?..

И я улыбаюсь, как идиот, и раздвигаю кусты жасмина...

ОРЕХОВО-ЗУЕВО—КРУТОЕ

...А из кустов жасмина выходит заспанный Тихонов и щурится, от меня и от солнца.

— Что ты здесь делаешь, Тихонов?

— Я отрабатываю тезисы. Все давно готово к выступлению, кроме тезисов. А вот теперь и тезисы готовы...

— Значит, ты считаешь, что ситуация назрела?

— А кто ее знает? Я, как немножко выпью, мне кажется, что назрела; а как начинает хмель проходить — нет, думаю, еще не назрела, рано еще браться за оружие...

— А ты выпей можжевеловой, Вадя...

Тихонов выпил можжевеловой, крякнул и загрустил.

— Ну как? Назрела ситуация?

— Погоди, сейчас назреет...

— Когда же выступать? Завтра?

— А кто его знает! Я, как выпью немножко, мне кажется, что хоть сегодня выступай, что и вчера было не рано выступать. А как начинает проходить — нет, думаю, и вчера было рано, и послезавтра не поздно.

— А ты выпей еще, Вадимчик, выпей еще можжевеловой...

Вадимчик выпил и опять загрустил.

— Ну как? Ты считаешь: пора?..

— Пора...

— Не забывай пароль. И всем скажи, чтоб не забывали: завтра утром, между деревней Тартино и деревней Елисейково, у скотного двора, в девять ноль-ноль по Гринвичу...

— Да. В девять ноль-ноль по Гринвичу.

— До свидания, товарищ. Постарайся уснуть в эту ночь...

— Постараюсь уснуть, до свидания, товарищ.

Тут я сразу должен оговориться, перед лицом совести всего человечества я должен сказать: я с самого начала был противником этой авантюры, бесплодной, как смоковница. (Прекрасно сказано: «бесплодной, как смо-

ковница».) Я с самого начала говорил, что революция достигает чего-нибудь нужного, если совершается в сердцах, а не на стогнах. Но уж раз начали без меня — я не мог быть в стороне от тех, кто начал. Я мог бы, во всяком случае, предотвратить излишнее ожесточение сердец и ослабить кровопролитие...

В девятом часу по Гринвичу, в траве у скотного двора, мы сидели и ждали. Каждому, кто подходил, мы говорили: «Садись, товарищ, с нами — в ногах правды нет», и каждый оставался стоять, бряцал оружием и повторял условную фразу из Антонио Сальери: «Но правды нет и выше». Шаловлив был этот пароль и двусмыслен, но нам было не до этого: приближалось девять ноль-ноль по Гринвичу...

С чего все началось? Все началось с того, что Тихонов прибил к воротам Елисейковского сельсовета свои четырнадцать тезисов. Вернее, не прибил их к воротам, а написал на заборе мелом, и это скорее были слова, а не тезисы, четкие и лапидарные слова, а не тезисы, и было их всего два, а не четырнадцать,— но, как бы то ни было, с этого все началось.

Двумя колоннами, с штандартами в руках, мы вышли — колонна на Елисейково, другая — на Тартино. И шли беспрепятственно вплоть до заката; убитых не было ни с одной стороны, раненых тоже не было, пленный был только один — бывший председатель ларионовского сельсовета, на склоне лет разжалованный за пьянку и врожденное слабоумие. Елисейково было повержено. Черкасово валялось у нас в ногах, Неугодово и Пекша молили о пощаде. Все жизненные центры петушинского уезда — от магазина в Поломах до андреевского склада сельпо,— все заняты были силами восставших...

А после захода солнца — деревня Черкасово была провозглашена столицей, туда был доставлен пленный, и там же сымпровизировали съезд победителей. Все выступавшие были в лоскут пьяны, все молили одно и то же: Максимилиан Робеспьер, Оливер Кромвель, Соня Перовская, Вера Засулич, карательные отряды из Петушков, война с Норвегией, и опять Соня Перовская и Вера Засулич...

С места кричали: «А где это такая — Норвегия?..» «А кто ее знает, где! — отвечали другие с места.— У черта на куличках, у бороды на клине!» «Да где бы она ни была,— унимал я шум,— без интервенции нам не обойтись. Чтобы восстановить хозяйство, разрушенное вой-

ной, надо сначала его разрушить, а для этого нужна гражданская или хоть какая-нибудь война, нужно как минимум двенадцать фронтов...» «Белополяки нужны!» — кричал закосевший Тихонов. «О, идиот, — прерывал я его, — вечно ты ляпнешь! Ты блестящий теоретик, Вадим, твои тезисы мы прибили к нашим сердцам, — но как доходит до дела, ты говно говном! Ну зачем тебе, дураку, белополяки!» «Да разве я спорю! — сдавался Тихонов. — Как будто они мне больше нужны, чем вам! Норвегия так Норвегия...»

Впопыхах и в азарте все как-то забыли, что та уже двадцать лет состоит в НАТО, и Владик Ц-ский уже бежал на ларионовский почтамт с пачкой открыток и писем. Одно письмо было адресовано королю Норвегии Улафу с объявлением войны и уведомлением о вручении. Другое письмо — вернее, даже не письмо, а чистый лист, запечатанный в конверт, — было отправлено генералу Франко: пусть он увидит в этом грозящий перст, старая шпала, пусть побелеет, как этот лист, одряхлевший разъ...й-каудильо!.. От премьера Британской империи Гарольда Вильсона мы потребовали совсем немного: убери, премьер, свою дурацкую канонерку из залива Акаба, а дальше поступай по произволению... И, наконец, четвертое письмо — Владиславу Гомулке, мы писали ему: ты, Владислав Гомулка, имеешь полное и неотъемлемое право на Польский Коридор, а вот Юзеф Циранкевич не имеет на Польский Коридор ни малейшего права...

И послали четыре открытки: Аббе Эбану, Моше Даяну, генералу Сухарто и Александру Дубчеку. Все четыре открытки были очень красивые, с виньеточками и желудями. Пусть, мол, порадуются ребята, может, они нас, губошлепы, признают за это субъектами международного права...

Никто в эту ночь не спал. Всех захватил энтузиазм, все глядели в небо, ждали норвежских бомб, открытия магазинов и интервенции и воображали себе, как будет рад Владислав Гомулка и как будет рвать на себе волосы Юзеф Циранкевич...

Не спал и пленный, бывший предсельсовета Анатолий Иваныч, он выл из своего сарая, как тоскующий пес:

— Ребята!.. Значит, завтра утром никто мне и выпить не поднесет?..

— Эва, чего захотел! Скажи хоть спасибо, что будем кормить тебя в соответствии с Женевской конвенцией!..

— А чего это такое?..

— Узнаешь, чего это такое! То есть, ноги еще будешь таскать, Иваныч, а уж на б...ки не потянет!..

КРУТОЕ—ВОИНОВО

А с утра, еще до открытия магазина, состоялся Пленум. Он был расширенным и октябрьским. Но поскольку все четыре наших Пленума были октябрьскими и расширенными, то мы, чтоб их не перепутать, решили пронумеровать их: 1-й пленум, 2-й пленум, 3-й пленум и 4-й пленум...

Весь 1-й пленум был посвящен избранию президента, то есть избранию меня в президенты. Это отняло у нас полторы-две минуты, не больше. А все оставшееся время поглощено было прениями на тему чисто умозрительную: кто ра́ньше откроет магазин, тетя Маша в Андреевском или тетя Шура в Поломах?

А я, сидя в своем президиуме, слушал эти прения и мыслил так: прения совершенно необходимы, но гораздо необходимее декреты. Почему мы забываем то, чем должна увенчиваться всякая революция, то есть «декреты»? Например, такой декрет: обязать тетю Шуру в Поломах открывать магазин в шесть утра. Кажется, чего бы проще? — нам, облеченным властью, взять и заставить тетю Шуру открывать свой магазин в шесть утра, а не в девять тридцать! Как это раньше не пришло мне в голову!..

Или, например, декрет о земле: передать народу всю землю уезда, со всеми угодьями и со всякой движимостью, со всеми спиртными напитками и без всякого выкупа? Или так: передвинуть стрелку часов на два часа вперед, или на полтора часа назад, все равно, только бы куда передвинуть. Потом: слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать какую. И, наконец, заставить тетю Машу в Андреевском открывать магазин в пять тридцать, а не в девять...

Мысли роились — так роились, что я затосковал, отозвал в кулуары Тихонова, мы с ним выпили тминной, и я сказал:

— Слушай-ка, канцлер!

— Ну, чего?..

— Да ничего. Говенный ты канцлер, вот чего.

— Найди другого,— обиделся Тихонов.

— Не об этом речь, Вадя. А речь вот о чем: если ты хороший канцлер, садись и пиши декреты. Выпей еще немножко, садись и пиши. Я слышал, ты все-таки не удержался, ты ущипнул за ляжку Анатоль Иваныча? Ты что же это? — открываешь террор?

— Да так... Немножко...

— И какой террор открываешь? Белый?

— Белый.

— Зря ты это, Вадя. Впрочем, ладно, сейчас не до этого. Надо вначале декрет написать, хоть один, хоть самый какой-нибудь гнусный... Бумага, чернила есть? Садись, пиши. А потом выпьем — и декларацию права. А уж только потом — террор. А уж потом выпьем и — учиться, учиться, учиться...

Тихонов написал два слова, выпил и вздохнул:

— Да-а-а... сплоховал я с этим террором... Ну, да ведь в нашем деле не ошибиться никак нельзя, потому что неслыханно ново все наше дело, и прецедентов считай что не было... Были, правда, прецеденты, но...

— Ну, разве это прецеденты! Это — так! чепуха! Полет шмеля это, забавы взрослых шалунов, а никакие не прецеденты!.. Летосчисление — как думаешь? — сменим или оставим, как есть?

— Да лучше оставим. Как говорится, не трогай дерьмо, так оно и пахнуть не будет...

— Верно говоришь, оставим. Ты у меня блестящий теоретик, Вадя, а это хорошо. Закрывать, что ли, пленум? Тетя Шура в Поломах уже магазин открыла. У нее, говорят, есть российская.

— Закрывай, конечно. Завтра с утра все равно будет 2-й пленум... Пойдем в Поломы.

У тети Шуры в Поломах в самом деле оказалась российская. В связи с этим, а также в ожидании карательных набегов из райцентра, решено было временно перенести столицу из Черкасово в Поломы, то есть на двенадцать верст в глубь территории республики.

И там, на другое утро, открылся 2-й пленум, весь посвященный моей отставке с поста президента.

— Я встаю с президентского кресла,— сказал я в своем выступлении,— я плюю в президентское кресло. Я считаю, что пост президента должен занять человек, у которого харю с похмелья в три дня не уделаешь. А разве такие есть среди нас?

— Нет таких,— хором отвечали делегаты.

— Мою, например, харю — разве нельзя уделать в три дня и с похмелья?

Секунду-две все смотрели мне в лицо оценивающе, а потом отвечали хором: «Можно».

— Ну, так вот,— продолжал я.— Какой же я после этого президент? Обойдемся без президента. Лучше сделаем вот как: все пойдем в луга готовить пунш, а Борю закроем на замок. Поскольку это человек высоких качеств, пусть он тут сидит и формирует кабинет...

Мою речь прервали овации, и Пленум прикрылся: окрестные луга озарились синим огнем. Один только я не разделял всеобщего оживления и веры в успех, я ходил меж огней с одною тревожною мыслью: почему такое молчание в мире? Уезд охвачен пламенем, и мир молчит оттого, что затаил дыхание,— допустим. Но почему никто не подает нам руки ни с Востока, ни с Запада? Куда смотрит король Улаф? Почему нас не давят с юга регулярные части?..

Я тихо отвел в сторону канцлера, от него разило пуншем:

— Тебе нравится, Вадя, наша революция?

— Да,— ответил Вадя,— она лихорадочна, но она прекрасна.

— Так... А насчет Норвегии, Вадя,— насчет Норвегии ничего не слышно?

— Пока ничего... А что тебе Норвегия?

— Как, то есть, что Норвегия?!.. В состоянии войны мы с ней или не в состоянии? Очень глупо все получается. Мы с ней воюем, а она с нами не хочет... Если и завтра нас не начнут бомбить, я снова сажусь в президентское кресло — и тогда увидишь, что будет!..

— Садись,— ответил Вадя,— кто тебе мешает, Ерофейчик?.. Если хочешь — садись...

ВОИНОВО—УСАД

Ни одной бомбы на нас не упало и наутро. И тогда, открывая 3-й пленум, я сказал:

«Сенаторы! Никто в мире, я вижу, не хочет с нами заводить ни дружбы, ни ссоры. Все отвернулись от нас и затаили дыхание. А поскольку каратели из Петушков подойдут сюда завтра к вечеру, а российская у тети Шуры кончится завтра утром,— я беру в свои руки всю полноту власти; то есть, кто дурак и не понимает, тому я

объясню: я ввожу комендантский час. Мало того — полномочия президента я объявляю чрезвычайными, и заодно становлюсь президентом. То есть «личностью, стоящей над законом и пророками...»

Никто не возразил. Один только премьер Боря С. при слове «пророки» вздрогнул, дико на меня посмотрел, и все его верхние части задрожали от мщения...

Через два часа он испустил дух на руках у министра обороны. Он умер от тоски и от чрезмерной склонности к обобщениям. Других причин вроде бы не было, а вскрывать мы его не вскрывали, потому что вскрывать было бы противно. А к вечеру того же дня все телетайпы мира приняли сообщение: «Смерть наступила вследствие естественных причин». Чья смерть, сказано не было, но мир догадывался.

4-й пленум был траурным.

Я выступил и сказал:

«Делегаты! Если у меня когда-нибудь будут дети, я повешу им на стену портрет прокуратора Иудеи Понтия Пилата, чтобы дети росли чистоплотными. Прокуратор стоит и умывает руки — вот какой это будет портрет. Точно так же и я: встаю и умываю руки. Я присоединился к вам просто с перепою и вопреки всякой очевидности. Я вам говорил, что надо революционизировать сердца, что надо возвышать души до усвоения вечных нравственных категорий,— а что все остальное, что вы тут затеяли, все это суета и томление духа, бесполезнеж и м...дянка...

И на что нам рассчитывать, подумайте сами! В общий рынок нас никто не пустит. Корабли Седьмого американского флота сюда не пройдут, да и пройти не захотят...»

Тут уже заорали с мест:

— А ты не отчаивайся, Веня! Не пукай! Нам дадут бомбардировщики! «В-52» нам дадут!

— Как же! дадут нам «В-52»! Держите карман! Прямо смешно вас слушать, сенаторы!

— И «Фантомы» дадут!

— Ха-ха! Кто это сказал: «Фантомы»? Еще одно слово о «Фантомах», и я лопну от смеха...

Тут Тихонов со своего места сказал:

— «Фантомов» нам, может быть, и не дадут, но уж девальвацию франка точно дадут...

— Дурак ты, Тихонов, как я погляжу! Я не спорю, ты ценный теоретик, но уж если ты ляпнешь!.. Да и не в

этом дело. Почему весь Петушинский район охвачен пламенем, но никто, никто этого не замечает, даже в Петушинском районе? Короче, я пожимаю плечами и ухожу с поста президента. Я, как Понтий Пилат: умываю руки и допиваю перед вами весь наш остаток российской. Да. Я топчу ногами свои полномочия — и ухожу от вас. В Петушки.

Можете себе вообразить, какая буря поднялась среди делегатов, особенно когда я стал допивать остаток!

А когда я стал уходить, когда ушел — какие слова полетели мне вслед! Тоже можете себе вообразить, я этих слов приводить вам не буду...

В моем сердце не было раскаяния. Я шел через луговины и пажити, через заросли шиповника и коровьи стада, мне в поле кланялись хлеба и улыбались васильки. Но, повторяю, в сердце не было раскаяния... Закатилось солнце, а я все шел.

«Царица Небесная, как далеко еще до Петушков!» — сказал я сам себе. — Иду, иду, а Петушков все нет и нет. Уже и темно повсюду — где же Петушки?»

«Где же Петушки?» — спросил я, подойдя к чьей-то освещенной веранде. Откуда она взялась, эта веранда? Может, это совсем не веранда, а терраса, мезонин или флигель? я ведь в этом ничего не понимаю, и вечно путаю.

Я постучал и спросил: «Где же Петушки? Далеко еще до Петушков?» А мне в ответ — все, кто был на веранде, — все расхохотались, и ничего не сказали. Я обиделся и снова постучал — ржание на веранде возобновилось. Странно! Мало того — кто-то ржал у меня за спиной.

Я оглянулся — пассажиры поезда «Москва—Петушки» сидели по своим местам и грязно улыбались. Вот как? Значит, я все еще еду?..

«Ничего, Ерофеев, ничего. Пусть смеются, не обращай внимания. Как сказал Саади, будь прям и прост, как кипарис, и будь, как пальма, щедр. Не понимаю, при чем тут пальма, ну да ладно, все равно, будь как пальма. У тебя кубанская в кармане осталась? осталась. Ну вот, поди на площадку и выпей. Выпей, чтобы не так тошнило».

Я вышел на площадку, сжатый со всех сторон кольцом дурацких ухмылок. Тревога поднималась с самого днища моей души, и невозможно было понять, что это за тревога, и откуда она, и почему она так невнятна...

— Мы подъезжаем к Усаду, да? — Народ толпился

у дверей в ожидании выхода, и к ним-то я обращал свой вопрос: — Мы подъезжаем к Усаду?..

— Ты, чем спьяну задавать глупые вопросы, лучше бы дома сидел,— отвечал какой-то старичок,— дома бы лучше сидел и уроки готовил. Наверно, еще уроки к завтрему не приготовил, мама ругаться будет.

А потом добавил:

— От горшка два вершка, а уже рассуждать научился!..

Он что, очумел, этот дед? Какая мама? Какие уроки?.. От какого горшка?.. Да нет, наверно, не дед очумел, а я сам очумел. Потому что вот и другой старичок, с белым-белым лицом, стал около меня, снизу вверх посмотрел мне в глаза и сказал:

— Да и вообще: куда тебе ехать? Невеститься тебе уже поздно, на кладбище рано. Куда тебе ехать, милая странница?..

«Милая странница!!!?»

Я вздрогнул и отошел в другой конец тамбура. Что-то неладное в мире. Какая-то гниль во всем королевстве и у всех мозги набекрень. Я на всякий случай тихонько всего себя ощупал: какая же я после этого «милая странница»? С чего это он взял? Да и к чему? Можно, конечно, пошутить — но ведь не до такой же степени нелепо!

Я в своем уме, они все не в своем — или наоборот: они все в своем, а я один не в своем? Тревога со дна души все подымалась и подымалась. И когда подъехали к остановке и дверь растворилась, я не удержался и спросил еще раз, у одного из выходящих, спросил:

— Это Усад, да?

А он (совсем неожиданно) вытянулся передо мной в струнку и рявкнул: «Никак нет!!» А потом — потом пожал мне руку, наклонился и на ухо сказал: «Я вашей доброты никогда не забуду, товарищ старший лейтенант!..»

И вышел из поезда, смахнув слезу рукавом.

УСАД—105-Й КИЛОМЕТР

Я остался на площадке, в полном одиночестве и полном недоумении. Это было даже не совсем недоумение, это была все та же тревога, переходящая в горечь. В конце концов, черт с ним, пусть «милая странница», пусть «старший лейтенант»,— но почему за окном темно, скажите

мне, пожалуйста? Почему за окном чернота, если поезд вышел утром и прошел ровно сто километров?.. Почему?..

Я припал головой к окошку — о, какая чернота! и что там в этой черноте — дождь или снег? или просто я сквозь слезы гляжу в эту тьму? Боже!

— А! Это ты! — кто-то сказал у меня за спиной таким приятным голосом, таким злорадным, что я даже и поворачиваться не стал. Я сразу понял, кто стоит у меня за спиной. «Искушать сейчас начнет, тупая морда! Нашел же ведь время — искушать!»

— Так это ты, Ерофеев!? — спросил Сатана.

— Конечно, я. Кто же еще?..

— Тяжело тебе, Ерофеев?

— Конечно, тяжело. Только тебя это не касается. Проходи себе дальше, не на такого напал...

Я все так и говорил: уткнувшись лбом в окошко тамбура и не поворачиваясь.

— А раз тяжело,— продолжал Сатана,— смири свой порыв. Смири свой духовный порыв — легче будет.

— Ни за что не смирю.

— Ну и дурак.

— От дурака слышу.

— Ну ладно, ладно... уж и слова не скажи!.. Ты лучше вот чего: возьми и на ходу из электрички выпрыгни. Вдруг да и не разобьешься...

Я сначала подумал, потом ответил:

— Не-а, не буду я прыгать, страшно. Обязательно разобьюсь...

И Сатана ушел, посрамленный.

А я — что мне оставалось? — я сделал из горлышка шесть глотков и снова припал головой к окошку. Чернота все плыла за окном, и все тревожила. И будила черную мысль. Я стискивал голову, чтобы отточить эту мысль, но она все никак не оттачивалась, а растекалась, как пиво по столу. «Не нравится мне эта тьма за окном, очень не нравится».

Но шесть глотков кубанской уже подходили к сердцу, тихонько, по одному, подходили к сердцу; и сердце вступило в единоборство с рассудком...

«Да чем же тебе она не нравится, эта тьма? Тьма есть тьма, и с этим ничего не поделаешь. Тьма сменяется светом, а свет сменяется тьмой — таково мое мнение. Да если она тебе и не нравится — она от этого быть не перестанет. Значит, остается один выход: принять эту тьму.

С извечными законами бытия нам, дуракам, не совладать. Зажав левую ноздрю, мы можем сморкнуться только правой ноздрей. Ведь правильно? Ну, так и нечего требовать света за окном, если за окном тьма...»

«Так-то оно так... но ведь я выехал утром... В восемь шестнадцать, с Курского вокзала...»

«Да мало ли что утром!.. Теперь, слава Богу, осень, дни короткие; не успеешь очухаться — бах! уже темно... А ведь до Петушков ехать о-о-о-о как долго! От Москвы до Петушков о-о-о как долго ехать!..

«Да чего «о-о-о»! Чего ты все «о-о-о» да «о-о-о»! От Москвы до Петушков ехать ровно два часа пятнадцать минут. В прошлую пятницу, например...»

«Ну что тебе прошлая пятница?! Мало ли что было в прошлую пятницу! В прошлую пятницу и поезд-то шел почти без остановок. И вообще раньше поезда быстрее ходили... А теперь, черт знает, стоит — а зачем стоит? Уж прямо тошно иногда делается: чего он все стоит да стоит? И так у каждого столба. Кроме Есино...»

Я взглянул в окно и опять нахмурился:

«Да-а... странно все-таки... выехали в восемь утра... и все еще едем...»

Тут уже сердце взорвалось: «А другие-то? Другие-то? что, хуже тебя? Другие — ведь тоже едут и не спрашивают, почему так долго и почему так темно? Тихонько едут и в окошко смотрят... Почему ты должен ехать быстрее, чем они? Смешно тебя слушать, Веня, смешно и противно... Какой торопыга! Если ты выпил, Веня,— так будь поскромнее, не думай, что ты умнее и лучше других...»

Вот это меня уже совсем убедило. Я ушел с площадки снова в вагон и сел на лавочку, стараясь не глядеть в окошко, вся, вся публика в вагоне, человек пять или шесть, дремали вниз головой, как грудные младенцы... Я чуть было тоже не задремал...

И вдруг — подскочил на месте: «Боже милостивый! Но ведь в 11 утра она должна меня ждать! В 11 утра она уже будет меня ждать — а на дворе все еще темно... Значит, мне ее придется ждать до рассвета. Я ведь не знаю, где она живет. Я попадал к ней двенадцать раз, и все какими-то задворками и пьяный вдребодан... Как обидно, что я на тринадцатый раз еду к ней совершенно трезвый. Из-за этого мне придется ждать, когда же, наконец, рассветет! Когда же взойдет заря моей тринадцатой пятницы!

Впрочем, стоп! Ведь я уезжал из Москвы — заря моей пятницы уже взошла. Значит — уже сегодня пятница! Почему же так темно за окном?.. »

«Опять! Опять ты со своей темнотой! далась тебе эта темнота!»

«Но ведь в прошлую пятницу...»

«Опять со своей прошлой пятницей! Я вижу, Веня, ты весь в прошлом. Я вижу, ты совсем не хочешь думать о будущем!..»

«Нет, нет, послушай... В прошлую пятницу, ровно в 11 утра, она стояла на перроне, с косой от затылка до попы... и было очень светло, я хорошо помню, и косу хорошо помню...»

«Да что «коса»! Ты пойми, дурак, я тебе повторяю: день сейчас убывает, потому что осень. В прошлую пятницу в 11 утра, я не спорю, было светло. А в пятницу, в 11 утра, может уже быть совершенно темно, хоть глаз коли. Ты знаешь, как сейчас день убывает? Знаешь? Я вижу, не знаешь, только хвалишься, что все знаешь!.. Тоже мне, сказал: «коса»! Да коса-то, может, и прибывает: она, может, с прошлой пятницы уже ниже попы... А осенний день наоборот — он уже с гулькин...!

Какой же ты все-таки бестолковый, Веня!»

Я не очень сильно ударил себя по щеке, выпил еще три глотка — и прослезился. Со дна души взамен тревоги поднималась любовь. Я совсем раскис: Ты обещал ей пурпур и лилии, а везешь триста грамм конфет «Василек». И вот — через двадцать минут ты будешь в Петушках, и на залитом солнце перроне смутишься и подашь ей этот «Василек». А все будут говорить: «13-й раз подряд мы видим сплошной «Василек». Но мы ни разу не видели ни лилий, ни пурпура». А она рассмеется и скажет...»

Тут я почти совсем задремал. Я уронил голову себе на плечо и до Петушков не хотел ее поднимать. Я снова отдался потоку...

105-Й КИЛОМЕТР—ПОКРОВ

Но мне помешали отдаться потоку. Чуть только я забылся, кто-то ударил меня хвостом по спине.

Я вздрогнул и обернулся: передо мною был некто без ног, без хвоста и без головы.

— Ты кто? — спросил я его в изумлении.

— Угадай, кто! — и он рассмеялся, по-людоедски рассмеялся...

— Вот еще! Буду я угадывать!..

Я обиженно отвернулся от него, чтобы снова забыться. Но тут меня кто-то с разгона трахнул головой по спине. Я опять обернулся: передо мной был все тот же некто, без ног, без хвоста и без головы...

— Ты зачем меня бьешь? — спросил я его.

— А ты угадай, зачем! — ответил тот, все с тем же людоедским смехом.

На этот раз — я все-таки решил угадать. «А то, если от него отвернешься, он, чего доброго, треснет тебя по спине двумя ногами...»

Я опустил глаза и задумался. Он — ждал, пока я додумаюсь, и в ожидании тихо поводил кулачищем у самых моих ноздрей. Как будто он мне, дураку, сопли вытирал...

Первым заговорил все-таки он:

— Ты едешь в Петушки? В город, где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее?.. Где...

— Да. Где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее.

— Где твоя паскуда валяется в жасмине и виссоне и птички порхают над ней и лобзают ее, куда им вздумается?

— Да. Куда им вздумается.

Он опять рассмеялся и ударил меня в поддых.

— Так слушай же. Перед тобою — Сфинкс. И он в этот город тебя не пустит.

— Почему же это он меня не пустит? Почему же это ты не пустишь? Там, в Петушках,— чего? моровая язва? Там с кем-нибудь обручили собственную дочь? и ты...

— Там хуже, чем дочь и язва. Мне лучше знать, что там. Но я сказал тебе — не пущу, значит не пущу. Вернее, пущу при одном условии: ты разгадаешь мне пять моих загадок.

«Для чего ему, подлюке, загадки?»— подумал я про себя. А вслух сказал:

— Ну, так не томи, давай свои загадки. Убери свой кулачище, в поддых не бей, а давай загадки.

«Для чего ему, разъ...аю, загадки?»— подумал я еще раз. Но он уже начал первую:

«Знаменитый ударник Алексей Стаханов два раза в день ходил по малой нужде, и один раз в два дня — по большой. Когда же с ним случался запой, он четыре раза

в день ходил по малой нужде и ни разу — по большой. Подсчитай, сколько раз в год ударник Алексей Стаханов сходил по малой нужде и сколько раз по большой нужде, если учесть, что у него триста двенадцать дней в году был запой».

Про себя я подумал: «На кого он намекает, скотина? В туалет никогда не ходит? Пьет не просыпаясь? На кого намекает, гадина?..»

Я обиделся и сказал:

— Это плохая загадка, Сфинкс, это загадка с поросячьим подтекстом. Я не буду разгадывать эту плохую загадку.

— Ах, не будешь! Ну, ну! То ли ты еще у меня запоешь! Слушай вторую:

«Когда корабли Седьмого американского флота пришвартовывались к станции Петушки, партийных девиц там не было, но если комсомолок называть партийными, то каждая третья из них была блондинкой. По отбытии кораблей Седьмого американского флота обнаружилось следующее: каждая третья комсомолка была изнасилована, каждая четвертая изнасилованная оказалась комсомолкой, каждая пятая изнасилованная комсомолка оказалась блондинкой; каждая девятая изнасилованная блондинка оказалась комсомолкой. Если всех девиц в Петушках 428 — определи, сколько среди них осталось нетронутых беспартийных брюнеток?»

«На кого, на кого он теперь намекает, собака? Почему это брюнетки все в целости, а блондинки все сплошь изнасилованы? Что он этим хочет сказать, паразит?»

— Я не буду решать и эту загадку, Сфинкс. Ты меня прости, но я не буду. Это очень некрасивая загадка. Давай лучше третью.

— Ха-ха! Давай третью!

«Как известно, в Петушках нет пунктов А. Пунктов Ц тем более нет. Есть одни только пункты Б. Так вот: Папанин, желая спасти Водопьянова, вышел из пункта $Б_1$ в сторону пункта $Б_2$. В то же мгновение Водопьянов, желая спасти Папанина, вышел из пункта $Б_2$ в пункт $Б_1$. Неизвестно почему оба они оказались в пункте $Б_3$, отстоящем от пункта $Б_1$ на расстоянии 12-ти водопьяновских плевков, а от пункта $Б_2$—на расстоянии 16-ти плевков Папанина. Если учесть, что Папанин плевал на три метра семьдесят два сантиметра, а Водопьянов совсем не умел плевать, выходил ли Папанин спасать Водопьянова?»

«Боже мой! Он что, с ума своротил, этот паршивый

Сфинкс? Чего это он несет? Почему это в Петушках нет ни А, ни Ц, а одни только Б? На кого он, сука, намекает?..»

— Ха-ха! — вскричал, потирая руки, Сфинкс.— И эту решать не будешь?! И эту — не будешь?! Заело, длинный мозгляк? Так вот тебе — на тебе четвертую:

«Лорд Чемберлен, премьер Британской империи, выходя из ресторана на станции Петушки, поскользнулся на чьей-то блевотине — и в падении опрокинул соседний столик. На столике от падения было: два пирожных по 35 коп., две порции бефстроганова по 73 коп. каждая, две порции вымени по 39 коп. и два графина с хересом, по 800 грамм каждый. Все черепки остались целы. Все блюда пришли в негодность. А с хересом получилось так: один графин остался цел, но из него весь херес вытек, другой графин разбился вдребезги, но из него не вытекло ни капли. Если учесть, что стоимость пустого графина в шесть раз больше порции вымени, а цену хереса знает каждый ребенок,— узнай, какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, премьеру Британской империи, в ресторане Курского вокзала?»

— Как, то есть, «Курского вокзала»?

— Так, то есть: «Курского вокзала»!

— Так он же поскользнулся-то — где? Он же в Петушках поскользнулся. Лорд Чемберлен поскользнулся-то ведь в петушинском ресторане!..

— А счет оплатил на Курском вокзале. Каким был этот счет?

«Боже мой! Откуда берутся такие Сфинксы? Без ног, без головы, без хвоста, да вдобавок еще несет такую ахинею! И с такою бандитскою рожей!.. На что он намекает, сволочь?..»

— Это не загадка, Сфинкс. Это издевательство.

— Нет, это не издевательство, Веня. Это загадка. Если и она тебе не нравится, тогда...

— Тогда давай последнюю, давай!

— Вот: идет Минин, а навстречу ему — Пожарский. «Ты какой-то странный сегодня, Минин,— говорит Пожарский,— как будто много выпил сегодня». «Да и ты тоже странный, Пожарский, идешь и на ходу спишь». «Скажи мне по совести, Минин, сколько ты сегодня выпил?» «Сейчас скажу: сначала 150 грамм российской, потом 580 кубанской, 150 столичной, 125 перцовой и семьсот грамм ерша. А ты?»—«А я ровно столько же, Минин».

«Так куда же ты теперь идешь, Пожарский?»—«Как

куда? В Петушки, конечно. А ты, Минин?»—«Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь, князь, совсем идешь не в ту сторону!»—«Нет, это ты идешь не туда, Минин». Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошел туда, куда шел Минин, а Минин — туда, куда шел Пожарский. И оба попали на Курский вокзал.

Так. А теперь ты мне скажи: если б оба они не меняли курса, а шли бы каждый прежним путем — куда бы они попали? Куда бы Пожарский пришел? Скажи.

— В Петушки? — подсказал я с надеждой.

— Как бы не так! Ха-ха! Пожарский попал бы на Курский вокзал! Вот куда!

И Сфинкс рассмеялся, и встал на обе ноги:

— А Минин? Минин куда бы попал, если б шел своею дорогою и не слушал советов Пожарского? Куда бы Минин пришел?..

— Может быть, в Петушки? — я уже мало на что надеялся и чуть не плакал.— В Петушки, да?

— А на Курский вокзал — не хочешь?! Ха-ха! — И Сфинкс, словно ему жарко, словно он уже потел от торжества и злорадства, обмахнулся хвостом.— И Минин придет на Курский вокзал!.. Так кто же из них попадет в Петушки, ха-ха? А в Петушки, ха-ха, вообще никто не попадет!..

Что это был за смех у этого подлеца! Я ни разу в жизни не слышал такого живодерского смеха! Да добро бы он только смеялся! — а то ведь он, не переставая смеяться, схватил меня за нос двумя суставами и куда-то потащил...

— Куда? Куда ты меня волокешь, Сфинкс? Куда ты меня волокешь?..

— Вот увидишь — куда! Ха-ха! Увидишь!..

ПОКРОВ—113-Й КИЛОМЕТР

Он вытащил меня в тамбур, повернул меня мордой к окошку — и растворился в воздухе... Для чего это ему было надо?

Я посмотрел в окно. Действительно, прежней черноты за окном уже не было. На запотевшем стекле чьим-то пальцем было написано: «...»— и вот в эти просветы я увидел городские огни, много огней и уплывающую станционную надпись: «Покров».

«Покров! Город Петушинского района! Три остановки, а потом Петушки! Ты на верном пути, Венедикт Ерофеев». И вот моя тревога, которая до того со дна души все поднималась, разом опустилась на дно души и там затихла...

Три или четыре мгновения она, притихшая, там и лежала. А потом — потом она не то чтобы стала подыматься со дна души, нет, она со дна души подскочила, одна мысль, одна чудовищная мысль вобралась в меня, так что даже в коленках у меня ослабло:

Вот — я сейчас отъезжал от станции Покров. Я видел надпись «Покров» и яркие огни. Все это хорошо — и «Покров», и яркие огни. Но почему же они оказались справа по ходу поезда?.. Я допускаю: мой рассудок в некотором затмении, но ведь я не мальчик, я же знаю, если станция Покров оказалась справа, значит — я еду из Петушков, а не из Москвы в Петушки!.. О, паршивый Сфинкс!

Я онемел и заметался по всему вагону, благо в нем уже не было ни души. «Постой, Веничка, не торопись. Глупое сердце, не бейся. Может, просто ты немного перепутал: может, Покров все-таки слева, а не справа? Ты выйди опять в тамбур, посмотри получше, с какой стороны по ходу поезда на стекле написано «...».

Я выскочил в тамбур и посмотрел направо: на запотевшем стекле отчетливо было написано «...». Боже, я схватился за голову и вернулся в вагон, и снова онемел и заметался...

«Постой, постой... А ты вспомни, Веничка, весь путь от Москвы ты сидел слева по ходу поезда, и все черноусые, все митричи, все декабристы — все сидели слева по ходу поезда. И значит, если ты едешь правильно, твой чемоданчик должен лежать слева по ходу поезда. Видишь, как просто!..

Я забегал по всему вагону в поисках чемоданчика — чемоданчика нигде не было, ни слева, ни справа.

Где мой чемоданчик?

«Ну ладно, ладно, Веня, успокойся. Пусть. Чемоданчик — вздор, чемоданчик потом отыщется. Сначала разреши свою мысль: куда ты едешь? А уж потом ищи свой чемоданчик. Сначала отточи свою мысль — а уж потом чемоданчик. Мысль разрешить или миллион? Конечно, сначала мысль, а уж потом — миллион. И чемоданчик».

«Ты благороден, Веня. Выпей весь свой остаток кубанской — за то, что ты благороден».

И вот — я запрокинулся, допивая свой остаток. И — сразу рассеялась тьма, в которую я был погружен, и забрезжил рассвет из самых глубин души и рассудка; и засверкали зарницы, по зарнице с каждым глотком и на каждый глоток по зарнице.

«Человек не должен быть одинок — таково мое мнение. Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят. А если он все-таки одинок, он должен пройти по вагонам. Он должен найти людей и сказать им: «Вот. Я одинок. Я отдаю себя вам без остатка. (Потому что остаток только что допил, ха-ха!) А вы — отдайте мне себя и, отдав, скажите: а куда мы едем? Из Москвы в Петушки или из Петушков в Москву?»

«И по-твоему, именно так должен поступать человек?»— спросил я сам себя, склонив голову влево.

«Да. Именно так,— склонив голову вправо, ответил я сам себе.— Не век же рассматривать «...» на вспотевших стеклах и терзаться загадкою?..»

И я пошел по вагонам. В первом не было никого, только брызгал дождь в открытые окна. Во втором тоже никого; даже дождь не брызгал...

В третьем кто-то был...

113-Й КИЛОМЕТР—ОМУТИЩЕ

...Женщина, вся в черном с головы до пят, стояла у окна и, безучастно разглядывая мглу за окном, прижимала к губам кружевной платочек, «Ни дать, ни взять — копия с «Неутешного горя», копия с тебя, Ерофеев»,— сразу подумал я про себя и сразу про себя рассмеялся.

Тихо, на цыпочках, чтобы не спугнуть очарования, я подошел к ней сзади и притаился. Женщина плакала...

Вот! Человек уединяется, чтобы плакать.

Но изначально он не одинок. Когда человек плачет, он просто не хочет, чтобы кто-нибудь был сопричастен его слезам. И правильно делает, ибо есть ли что-нибудь на свете выше безутешности?.. О, сказать бы сейчас такое, такое сказать бы,— чтобы брызнули слезы из глаз всех матерей, чтобы в траур облеклись дворцы и хижины, кишлаки и аулы!

Что же мне все-таки сказать?

— Княгиня,— позвал я тихо.

— Ну, чего тебе? — отозвалась княгиня, глядя в окно.

— Ничего. Губную гармонь у тебя видно со спины, вот чего...

— Не болтай ногами, малый. Это не гармонь, а переносица... Ты лучше посиди и помолчи; за умного сойдешь...

Это мне-то, в моем положении — молчать! Мне, который шел через все вагоны за разрешением загадки!.. Жаль, что я забыл, о чем эта загадка, но помню, что-то очень важное... Впрочем, ладно, потом вспомню... Женщина плачет — а это гораздо важнее... О, позорники! Превратили мою землю в самый дерьмовый ад — и слезы заставляют скрывать от людей, а смех выставляют напоказ!.. О, низкие сволочи! Не оставили людям ничего, кроме «скорби» и «страха», и после этого — и после этого смех у них публичен, а слезы под запретом!..

О, сказать бы сейчас такое, чтобы сжечь их всех, гадов, своим глаголом! Такое сказать, что повергло бы в смятение все народы древности!..

Я подумал и сказал:

— Княгиня!.. а, княгиня!..

— Ну, чего тебе опять?

— Нет у тебя уже гармони. Не видно.

— Чего ж тебе тогда видно?

— Одни только кустики. (Она все отвечала глядя в окно и ко мне не поворачиваясь).

— Сам ты кустик, я вижу...

«Ну что ж, кустик, так кустик». Я сразу как-то обмяк, сел на лавку и разомлел. Никак, хоть умри, никак я не мог припомнить, для чего я пошел по вагонам и встретил вот эту женщину... О чем же все-таки это «важное»?

— Слушай-ка, княгиня!.. А где твой камердинер Петр? Я его не видел с прошлого августа.

— Чего ты мелешь?

— Честное слово, с тех пор не видел... Где он, твой камердинер?

— Он такой же твой, как и мой! — огрызнулась княгиня. И вдруг рванулась с места и зашагала к дверям, подметая платьем пол вагона. У самых дверей — остановилась, повернула ко мне сиплое, надтреснутое лицо в слезах и крикнула:

— Ненавижу я тебя, Андрей Михайлович! Не-на-ви-жу!!

И скрылась.

«Вот это да-а-а,— протянул я восторженно, как давеча декабрист.— Ловко она меня отбрила!» И ведь так

и ушла, не ответив на самое главное!.. Царица небесная, что же это главное? Именем щедрот твоих — дай припомнить!.. Камердинер!

Я позвонил в колокольчик... Через час — опять позвонил.

— Ка-мер-ди-нер!!

Вошел слуга, весь в желтом, мой камердинер по имени Петр. Я ему как-то посоветовал, спьяну, ходить во всем желтом, до самой смерти — так он послушался, дурак, и до сих пор так и ходит.

— Знаешь что, Петр? Я спал сейчас или нет — как ты думаешь? Спал?

— В том вагоне — да, спал.

— А в этом — нет?

— А в этом — нет.

— Чудно мне это, Петр... Зажги-ка канделябры. Я люблю, когда горят канделябры, хоть и не знаю толком, что это такое... А то, знаешь, опять мне делается тревожно... Значит, Петр, если тебе верить: я в том вагоне спал, а в этом проснулся. Так?

— Не знаю. Я сам спал — в этом вагоне.

— Гм. Хорошо. Но почему же ты не встал и меня не разбудил? Почему?

— Да зачем мне тебя было будить! В этом вагоне тебя незачем было будить, потому что ты спал в том. А в том — зачем было будить, если ты в этом и сам проснулся!

— Ты не путай меня, Петр, не путай... Дай подумать. Видишь, Петр, я никак не могу разрешить одну мысль. Так велика эта мысль.

— Какая же это мысль?

— А вот какая: выпить у меня чего-нибудь осталось?..

ОМУТИЩЕ—ЛЕОНОВО

...Нет, нет, ты не подумай, это не сама мысль, это просто средство, чтоб ее разрешить. Ты понимаешь — когда хмель уходит от сердца, являются страхи и шаткость сознания. Если б я сейчас выпил, я не был бы так расщеплен и разбросан... Не очень заметно, что я расщеплен?

— Совсем ничего не заметно. Только рожа опухла.

— И выпить тоже нет ничего,— подсказал Петр, встал и зажег канделябры.

Я встрепенулся. «Хорошо, что ты зажег, хорошо, а то — знаешь? — немножко тревожно. Мы все едем, едем целую ночь, и нет никого с нами, кроме нас».

— А где же твоя княгиня, Петр?

— Она давно уже вышла.

— Куда вышла?

— В Храпуново вышла. Она из Петушков ехала в Храпуново. В Орехово-Зуеве вошла, а в Храпунове — вышла.

— Какое еще Храпуново! Что ты мелешь, Петр?.. Ты не путай меня, не путай... Так, так... самая главная мысль... Кружится у меня почему-то в голове Антон Чехов. Да, и Фридрих Шиллер, Фридрих Шиллер и Антон Чехов. А почему — понятия не имею. Да, да... вот, теперь яснее: Фридрих Шиллер, когда садился писать трагедию, ноги всегда опускал в шампанское. Вернее, нет, не так. Это тайный советник Гете, он дома у себя ходил в тапочках и шлафроке... А я — нет, я и дома без шлафрока; я и на улице — в тапочках... А Шиллер-то тут при чем? Да, вот он при чем: когда ему водку случалось пить, он ноги свои опускал в шампанское. Опустит и пьет. Хорошо! А Чехов Антон перед смертью сказал: «Выпить хочу». И умер...

Петр все глядел на меня, стоя надо мной.

— Что это ты так смотришь на меня, Петр? Отведи глаза, пошляк, не смотри. Я мыслю собираю, а ты — смотришь... Вот еще Гегель был. Это я очень хорошо помню: был Гегель. Он говорил: «Нет различий, кроме различия в степени, между различными степенями и отсутствием различия». То есть, если перевести это на хороший язык: «Кто же сейчас не пьет?».. Есть у нас что-нибудь выпить, Петр?

— Нет ничего. Все выпито.

— И во всем поезде нет никого?

— Никого.

— Так...

Я опять задумался. И странная это была дума. Она обволакивалась вокруг чего-то такого, что само по себе во что-то обволакивалось. И это «что-то» тоже было странно. И дума — тяжелая была дума...

Что я делал в это мгновение — засыпал или просыпался? Я не знаю и откуда мне знать? «Есть бытие, но именем каким его назвать? — ни сон оно, ни бденье». Я продремал так минут 12 или минут 35.

А когда очнулся — в вагоне не было ни души, и Петр

куда-то исчез. Поезд все мчался сквозь дождь и черноту. Странно было слышать хлопанье дверей во всех вагонах: оттого странно, что ведь ни в одном вагоне нет ни души...

Я лежал, как труп, в ледяной испарине, и страх под сердцем все накапливался...

— Ка-мер-ди-нер!

В дверях появился Петр, с синюшным и злым лицом. «Подойди сюда, Петр, подойди, ты тоже весь мокрый — почему? Это ты сейчас хлопал дверями, да?»

— Я ничем не хлопал. Я спал.

— Кто же тогда хлопал?

Петр глядел на меня не моргая.

— Ну, это ничего, ничего. Если под сердцем растет тревога, значит, надо ее заглушить, а чтобы заглушить, надо выпить. А у нас есть что-нибудь выпить?

— Нет ничего. Все выпито.

— И во всем поезде никого-никого?

— Никого.

— Врешь, Петр, ты все мне врешь!!! Если никого, то кто же там гудит дверями и окнами? А? Ты знаешь?.. Слышишь?.. У тебя и выпить, наверное, есть, а ты мне все врешь?..

Петр, все так же, не моргая и со злобою, глядел на меня. А потом — да, да; он повалился на канделябр и погасил его собою — и так пошел по вагону, гася огни. «Ему стыдно, стыдно!» — подумал я. Но он уже выпрыгнул в окошко.

— Возвратись, Петр! — я так закричал, что не сумел узнать своего голоса,— возвратись!

— Проходимец! — отвечал тот из-за окошка.

И вдруг — впорхнул опять в вагон, подлетел ко мне, рванул меня за волосы, сначала вперед, потом назад, потом опять вперед, и все это с самой отчаянной злобою...

— Что с тобой, Петр? Что с тобой?!..

— Ничего! Оставайся! Оставайся тут, бабуленька! Оставайся, старая стерва! Поезжай в Москву! Продавай свои семечки! А я не могу больше, не могу-у-у!..

И снова выпорхнул, теперь уже навечно.

«Черт знает что такое! Что с ними со всеми?» Я стиснул виски, вздрогнул и забился. Вместе со мною вздрогнули и забились вагоны.

Они, оказывается, давно уже бились и дрожали...

ЛЕОНОВО—ПЕТУШКИ

...Двери вагонов защелкали, потом загудели, все громче и явственнее. И вот — влетел в мой вагон, и пролетел вдоль вагона, с поголубевшим от страха лицом, тракторист Евтюшкин. А спустя десяток мгновений тем же путем ворвались полчища Эринний и устремились следом за ним. Гремели бубны и кимвалы...

Волосы мои встали дыбом. Не помня себя, я вскочил, затопал ногами.

«Остановитесь, девушки! Богини мщения, остановитесь! В мире нет виноватых!..» А они все бежали.

И когда последняя со мной поравнялась, я закипел, я ухватил ее сзади, а она задыхалась от бега:

— Куда вы? Куда вы все бежите?..

— Чего тебе?! Отвяжи-и-сь! Пусти-и-и-и!..

— Куда? И все мы едем — куда??..

— Да тебе-то что за дело, бешега-а-ай!..

И вдруг повернулась ко мне, обхватила мою голову и поцеловала меня в лоб — до того неожиданно, что я засмущался, присел и стал грызть подсолнух.

А покуда я грыз подсолнух, она отбежала немного, взглянула на меня, вернулась — и съездила меня по левой щеке. Съездила, взвилась к потолку и ринулась догонять подруг. Я бросился следом за ней, преступно выгибая шею...

Пламенел закат, и лошади вздрагивали, и где то счастье, о котором пишут в газетах? Я бежал и бежал, сквозь вихорь и мрак, срывая двери с петель, я знал, что поезд «Москва—Петушки» летит под откос. Вздымались вагоны — и снова проваливались, как одержимые одурью... И тогда я заметался и крикнул:

— О-о-о-о! Посто-о-ойте!.. А-а-а-а!..

Крикнул и оторопел: хор Эринний бежал обратно, со стороны головного вагона прямо на меня, сумбурным стадом. За ним следом гнался разъяренный Евтюшкин. Вся эта лавина опрокинула меня и погребла под собой...

А кимвалы продолжали бряцать. А бубны гремели. И звезды падали на крыльцо сельсовета. И хохотала Суламифь.

ПЕТУШКИ. ПЕРРОН

А потом, конечно, все заклубилось. Если вы скажете, что то был туман, я, пожалуй, и соглашусь — да, как буд-

то туман. А если вы скажете — нет, то не туман, то пламень и лед — попеременно то лед, то пламень,— я вам на это скажу: пожалуй что и да, лед и пламень, то есть, сначала стынет кровь, стынет, а как застынет, тут же начинает кипеть и, вскипев, застывает снова.

«Это лихорадка,— подумал я.— Этот жаркий туман повсюду — от лихорадки, потому что сам я в ознобе, а повсюду жаркий туман». А из тумана выходит кто-то очень знакомый, Ахиллес не Ахиллес, но очень знакомый. О! теперь узнал: это понтийский царь Митридат. Весь в соплях измазан, а в руках — ножик...

— Митридат, это ты, что ли? — мне было так тяжело, что говорил я почти беззвучно.— Это ты, что ли, Митридат?..

— Я,— ответил понтийский царь Митридат.

— А измазан весь почему?

— А у меня всегда так. Как полнолуние — так сопли текут...

— А в другие дни не текут?

— Бывает, что и текут. Но уж не так, как в полнолуние.

— И ты что же, совсем их не утираешь? — я перешел почти на шепот.— Не утираешь?

— Да как сказать? случается, что и утираю, только ведь разве в полнолуние их утрешь? не столько утрешь, сколько размажешь. Ведь у каждого свой вкус — один любит распускать сопли, другой утирать, третий размазывать. А в полнолуние...

Я прервал его:

— Красиво ты говоришь, Митридат, только зачем у тебя ножик в руках?..

— Как зачем?.. да резать тебя — вот зачем... Спросил тоже: зачем?.. Резать, конечно...

И как он переменился сразу! все говорил мирно, а тут ощерился, почернел — и куда только сопли девались? — и еще захохотал, сверх всего! Потом опять ощерился, потом опять захохотал!

Озноб забил меня снова: «Что ты, Митридат, что ты! — шептал я или кричал, не знаю.— Убери нож, убери, зачем?..» А он уже ничего не слышал и замахивался, в него словно тысяча почерневших бесов вселилась... «Изувер!» И тут мне пронзило левый бок, и я тихонько застонал, потому что не было во мне силы даже рукою защититься от ножика... «Перестань, Митридат, перестань,..»

Но тут мне пронзило правый бок, потом опять левый, потом опять правый,— я успевал только бессильно взвизгивать,— и забился от боли по всему перрону. И проснулся весь в судорогах. Вокруг — ничего, кроме ветра, тьмы и собачьего холода. «Что со мной и где я? Почему это дождь моросит? Боже...»

И опять уснул. И опять началось все то же, и озноб, и жар, и лихоманка, а оттуда, издали, где туман, выплыли двое этих верзил со скульптуры Мухиной, рабочий с молотом и крестьянка с серпом, и, приблизившись ко мне вплотную, ухмыльнулись оба. И рабочий ударил меня молотом по голове; а потом крестьянка — серпом по ...цам. Я закричал — наверно, вслух закричал — и снова проснулся, на этот раз даже в конвульсиях, потому что теперь уже все во мне содрогалось — и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

О, эта боль! О, этот холод собачий! О, невозможность! Если каждая пятница моя будет и впредь такой, как сегодняшняя,— я удавлюсь в один из четвергов!.. Таких ли судорог я ждал от тебя, Петушки? Пока я добирался до тебя, кто зарезал твоих птичек и вытоптал жасмин?.. Царица небесная, я в Петушках!..

«Ничего, ничего, Ерофеев... Талифа куми, как сказал Спаситель, то есть, встань и иди. Я знаю, знаю, ты раздавлен, всеми членами и всею душой ты раздавлен, и на перроне мокро и пусто, и никто тебя не встретил, и никто никогда не встретит. А все-таки встань и иди. Попробуй... А чемоданчик твой, Боже, где твой чемоданчик с гостинцами?.. два стакана орехов для мальчика, конфеты «Василек» и пустая посуда... где чемоданчик? Кто и зачем его украл — ведь там же были гостинцы!.. А посмотри, есть ли деньги, может, есть хоть немножко?.. Да, да немножко есть, совсем чуть-чуть: но что они теперь — деньги?.. О, эфемерность. О, тщета! О, гнуснейшее, позорнейшее время в жизни моего народа — время от закрытия магазинов до рассвета!..

«Ничего, ничего, Ерофеев... Талифа куми, как сказала твоя Царица, когда ты лежал во гробе,— то есть встань, оботри пальто, почисти штаны, отряхнись и иди. Попробуй хоть шага два, а дальше будет легче. Что ни дальше — то легче. Ты же сам говорил больному мальчику: «Раз-два-туфли одень-ка как-те-бе-не-стыд-но-спать...» Самое главное — уйти от рельсов, здесь вечно ходят поезда, из Москвы в Петушки, из Петушков в Москву. Уйди от рельсов. Сейчас ты все узнаешь, и почему нигде ни

души, узнаешь, и почему она не встретила, и все узнаешь... Иди, Веничка, иди...»

ПЕТУШКИ. ВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

«Если хочешь идти налево, Веничка,— иди налево. Если хочешь направо — иди направо. Все равно тебе некуда идти. Так что уж лучше иди вперед, куда глаза глядят...»

Кто-то мне говорил когда-то, что умереть очень просто: что для этого надо сорок раз подряд глубоко, глубоко, как только возможно, вздохнуть, и выдохнуть столько же, из глубины сердца,— и тогда ты испустишь душу. Может быть, попробовать?..

О, погоди, погоди!.. Может быть, время сначала узнать? Узнать, сколько времени?.. Да ведь у кого узнать, если на площади ни единой души, то есть решительно ни единой?.. Да если б и встретилась живая душа — смог бы ты разве разомкнуть уста, от холода и от горя? Да, от горя и от холода... О, немота!..

И если я когда-нибудь умру — а я очень скоро умру, я знаю,— умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв,— умру, и Он меня спросит: «Хорошо ли было тебе там? Плохо ли тебе было?»— я буду молчать, опущу глаза и буду молчать, и эта немота знакома всем, кто знает исход многодневного и тяжелого похмелья. Ибо жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души? и затмение души тоже? Мы все как бы пьяны, только каждый по-своему, один выпил больше, другой меньше. И на кого как действует: один смеется в глаза этому миру, а другой плачет на груди этого мира. Одного уже вытошнило, и ему хорошо, а другого только еще начинает тошнить. А я — что я? Я много вкусил, а никакого действия, я даже ни разу как следует не рассмеялся, и меня не стошнило ни разу. Я, вкусивший в этом мире столько, что теряю и последовательность,— я трезвее всех в этом мире; на меня просто туго действует... «Почему же ты молчишь?» — спросит меня Господь, весь в синих молниях. Ну что я ему отвечу? Так и буду молчать, молчать...

Может, все-таки разомкнуть уста? — найти живую душу и спросить, сколько времени?..

Да зачем тебе время, Веничка? Лучше иди, иди, закройся от ветра и потихоньку иди... Был у тебя когда-то

небесный рай, узнавал бы время в прошлую пятницу — а теперь небесного рая больше нет, зачем тебе время? Царица не пришла к тебе на перрон, с ресницами, опущенными ниц; божество от тебя отвернулось,— так зачем тебе узнавать время? «Не женщина, а бланманже»,— на перрон к тебе не пришла. Утеха рода человеческого, лилия долины — не пришла и не встретила. Какой же смысл после этого узнавать тебе время, Веничка?..

Что тебе осталось? утром — стон, вечером — плач, ночью — скрежет зубовный... И кому, кому в мире есть дело до твоего сердца? Кому?.. Вот, войди в любой петушинский дом, у любого порога спроси: «Какое вам дело до моего сердца?»

Боже мой...

Я повернул за угол и постучался в первую же дверь.

ПЕТУШКИ. САДОВОЕ КОЛЬЦО

Постучался — и, вздрагивая от холода, стал ждать, пока мне отворят... «Странно высокие дома понастроили в Петушках!.. впрочем, это всегда так с тяжелого и многодневного похмелья: люди кажутся безобразно сердитыми, улицы — непомерно широкими, дома — страшно большими... Все вырастает с похмелья ровно настолько, насколько все казалось ничтожнее обычного, когда ты был пьян... Помнишь лемму этого черноусого?»

Я еще раз постучался, чуть громче прежнего:

«Неужели так трудно отворить человеку дверь и впустить его на три минуты погреться? Я этого не понимаю... Они серьезные, это понимают, а я, легковесный, никогда не пойму... Мене, текел, фарес — то есть, ты взвешен на весах и найден легковесным, то есть «текел»... Ну и пусть, пусть...

Но есть ли там весы или нет — все равно — на тех весах вздох и слеза перевесят расчет и умысел. Я это знаю тверже, чем вы что-нибудь знаете. Я много прожил, много перепил и продумал — и знаю, что говорю. Все ваши путеводные звезды катятся к закату, а если и не катятся, то едва мерцают. Я не знаю вас, люди, я вас плохо знаю, я редко на вас обращал внимание, но мне есть дело до вас: меня занимает, в чем теперь ваша душа, чтобы знать наверняка, вновь ли возгорается звезда Вифлеема или вновь начинает меркнуть, а это самое главное. Потому что все остальные катятся к закату, а

если и не катятся, то едва мерцают, а если даже и сияют, то не стоят и двух плевков.

Есть там весы, нет там весов — там мы, легковесные, перевесим и одолеем. Я прочнее в это верю, чем вы во что-нибудь верите. Верю, знаю и свидетельствую миру. Но почему же так странно расширили улицы в Петушках?..»

Я отошел от дверей и тяжелый взгляд свой переводил с дома на дом, с подъезда на подъезд. И пока вползала в меня одна тяжелая мысль, которую страшно вымолвить, вместе с тяжелой догадкой, которую вымолвить тоже страшно,— я все шел и шел, и в упор рассматривал каждый дом, и хорошо рассмотреть не мог: от холода или отчего еще, мне глаза устилали слезы...

«Не плачь, Ерофеев, не плачь... Ну зачем? И почему ты так дрожишь? от холода или еще отчего?.. не надо...»

Если б у меня было хоть двадцать глотков кубанской! Они подошли бы к сердцу, и сердце всегда сумело бы убедить рассудок, что я в Петушках! Но кубанской не было: я свернул в переулок, и снова задрожал и заплакал...

И тут — началась история, страшнее всех, виденных во сне. В этом самом переулке навстречу мне шли четверо... Я сразу их узнал, я не буду вам объяснять, кто эти четверо... Я задрожал сильнее прежнего, я весь превратился в сплошную судорогу...

А они подошли и меня обступили. Как бы вам объяснить, что у них были за рожи? Да нет, совсем не разбойничьи рожи, скорее даже наоборот, с налетом чего-то классического, но в глазах у всех четверых — вы знаете? вы сидели когда-нибудь в туалете на Петушинском вокзале? Помните, там, на громадной глубине, под круглыми отверстиями, плещется и сверкает эта жижа карего цвета? — вот такие были глаза у всех четверых. А четвертый был похож... впрочем, я потом скажу, на кого он был похож.

— Ну, вот ты и попался,— сказал один.

— Как, то есть... попался? — голос мой страшно дрожал, от похмелья и от озноба. Они решили, что от страха.

— А вот так и попался! Больше никуда не поедешь.

— А почему?..

— А потому.

— Слушайте...— голос мой срывался, потому что дрожал каждый мой нерв, а не только голос. Ночью никто

не может быть уверен в себе, то есть я имею в виду: холодной ночью. И апостол предал Христа, покуда третий петух не пропел. Вернее, не так: и апостол предал Христа трижды, пока не пропел петух. Я знаю, почему он предал,— потому что дрожал от холода, да. Он еще грелся у костра, вместе с этими. А у меня и костра нет, и я с недельного похмелья. И если б испытывали теперь меня, я предал бы его до семижды семидесяти раз, и больше бы предал...

— Слушайте,— говорил я им, как умел,— вы меня пустите... что я вам?.. я просто не доехал до девушки... ехал и не доехал... я просто проспал, у меня украли чемоданчик, пока я спал... там пустяки и были, а все-таки жалко... «Василек»...

— Какой еще василек? — со злобою спросил один.

— Да конфеты, конфеты «Василек»... и орехов двести грамм, я младенцу их вез, я ему обещал за то, что он букву хорошо знает... но это чепуха... вот только дождаться рассвета, я опять поеду... правда, без денег, без гостинцев, но они и так примут и ни слова не скажут... даже наоборот.

Все четверо смотрели на меня в упор, и все четверо, наверно, думали: «Как этот подонок труслив и элементарен!» О, пусть, пусть себе думают, только бы отпустили!..

— Я хочу опять в Петушки,..

— Не поедешь ты ни в какие Петушки!

— Ну... пусть не поеду, я на Курский вокзал хочу...

— Не будет тебе никакого вокзала!

— Да почему?..

— Да потому!

Один размахнулся — и ударил меня по щеке, другой — кулаком в лицо, остальные двое тоже надвигались,— я ничего не понимал. Я все-таки устоял на ногах и отступал от них тихо, тихо, тихо, а они все четверо тихо наступали...

«Беги, Веничка, хоть куда-нибудь, все равно куда!.. Беги на Курский вокзал! Влево, или вправо, или назад — все равно туда попадешь! Беги, Веничка, беги!..»

Я схватился за голову — и побежал. Они — следом за мной...

ПЕТУШКИ. КРЕМЛЬ. ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ

«А может быть, это все-таки Петушки?.. Почему на улицах нет людей? куда все вымерли?.. Если они догонят, они убьют, а кому крикнуть? ни в одном окне никакого света... и фонари горят фантастично, горят, не сморгнув».

«Очень может быть, что и Петушки... Вот этот дом, на который я сейчас бегу,— это же райсобес, а за ним — тьма... Петушинский райсобес — а за ним тьма во веки веков и гнездилище душ умерших... О, нет, нет!..»

Я выскочил на площадь, устланную мокрой брусчаткой, перевел дух и огляделся кругом:

«Не Петушки это, нет!... Если Он — если Он навсегда покинул землю, но видит каждого из нас,— я знаю, что в эту сторону Он ни разу и не взглянул... А если Он никогда моей земли не покидал, если всю ее исходил босой и в рабском виде,— Он обогнул это место и прошел стороной...»

«Нет, это не Петушки! Петушки Он стороной не обходил. Он, усталый, ночевал там при свете костра, и я во многих душах замечал там пепел и дым Его ночлега. Пламени не надо, был бы пепел и дым...»

Не Петушки это, нет! Кремль сиял передо мною во всем великолепии. Я хоть и слышал уже сзади топот погони,— успел подумать: «Я, исходивший всю Москву вдоль и поперек, трезвый и с похмелюги,— я ни разу не видел Кремля, а в поисках Кремля всегда попадал на Курский вокзал. И вот теперь увидел — когда Курский вокзал мне нужнее всего на свете!..»

«Неисповедимы Твои пути...»

Топот все приближался, а я никак не мог набрать дыхания, чтобы бежать дальше, я только доплелся до Кремлевской стены — и рухнул... Я весь издрог и изволся страхом — мне было все равно...

Они приближались — по площади, по двое с двух сторон. «Что это за люди и что я сделал этим людям?» — такого вопроса у меня не было. «Все равно. И заметят они меня или не заметят — тоже все равно. Мне не нужна дрожь, мне нужен покой, вот все мои желания... Пронеси, Господь...»

Они все-таки меня заметили. Подошли и обступили, с тяжелым сопением. Хорошо, что я успел подняться на ноги — они б убили меня...

— Ты от нас? От нас хотел убежать? — прошипел

один и схватил меня за волосы и, сколько в нем было силы, хватил меня головой о Кремлевскую стену. Мне показалось, что я раскололся от боли, кровь стекала по лицу и за шиворот... Я почти упал, но удержался... Началось избиение!

— Ты ему в брюхо, в брюхо сапогом! Пусть корячится!

Боже! я вырвался и побежал — вниз по площади. Беги, Веничка, если сможешь, беги, ты убежишь, они совсем не умеют бегать!» На два мгновения я остановился у памятника — смахнул кровь с бровей, чтобы лучше видеть — сначала посмотрел на Минина, потом на Пожарского, потом опять на Минина — куда? в какую сторону бежать? Где Курский вокзал и куда бежать? Раздумывать было некогда — я полетел в ту сторону, куда смотрел князь Дмитрий Пожарский...

МОСКВА—ПЕТУШКИ.
НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОДЪЕЗД

Все-таки до самого последнего мгновения я еще рассчитывал от них спастись. И когда вбежал в неизвестный подъезд, и дополз до самой верхней площадки, и снова рухнул — я все еще надеялся... «О, ничего, ничего, сердце через час утихнет, кровь отмоется, лежи, Веничка, лежи до рассвета, а там на Курский вокзал... Не надо так дрожать, я же тебе говорил, не надо...»

Сердце билось так, что мешало вслушиваться, и все-таки я расслышал: дверь подъезда внизу медленно приотворилась и не затворялась мгновений пять...

Весь сотрясаясь, я сказал себе: «Талифа куми, то есть встань и приготовься к кончине... Это уже не талифа куми, я все чувствую, это лама савахфани, как сказал Спаситель... То есть: «Для чего, Господь, Ты меня оставил?» Для чего же все-таки, Господь, ты меня оставил?

Господь молчал.

Ангелы небесные, они поднимаются! что мне делать? что мне сейчас сделать, чтобы не умереть, ангелы?..

И ангелы — рассмеялись. Вы знаете, как смеются ангелы? Это позорные твари, теперь я знаю,— вам сказать, как они сейчас рассмеялись? Когда-то, очень давно, в Лобне, у вокзала, зарезало поездом человека, и непостижимо зарезало: всю его нижнюю половину измололо в мелкие дребезги и расшвыряло по полотну, а верхняя

половина, от пояса осталась как бы живою, и стояла у рельсов, как стоят на постаментах бюсты разной сволочи. Поезд ушел, а он, эта половина, так и остался стоять, и на лице у него была какая-то озадаченность, и рот полуоткрыт. Многие не могли на это глядеть, отворачивались, побледнев и со смертной истомой в сердце. А дети подбежали к нему, трое или четверо детей, где-то подобрали дымящийся окурок и вставили его в мертвый полуоткрытый рот. И окурок все дымился, а дети скакали вокруг и хохотали над этой забавностью...

Вот так и теперь небесные ангелы надо мной смеялись. Они смеялись, а Бог молчал... А этих четверых я уже видел — они подымались с последнего этажа... А когда я их увидел, сильнее всякого страха (честное слово, сильнее) было удивление: они, все четверо, подымались босые и обувь держали в руках — для чего это надо было? чтобы не шуметь в подъезде? или чтобы незаметнее ко мне подкрасться? не знаю, но это было последнее, что я запомнил. То есть вот это удивление.

Они даже не дали себе отдышаться — и с последней ступеньки бросились меня душить, сразу пятью или шестью руками. Я, как мог, отцеплял их руки и защищал свое горло, как мог. И вот тут случилось самое ужасное: один из них, с самым свирепым и классическим профилем, вытащил из кармана громадное шило с деревянной рукояткой; может быть, даже не шило, а отвертку или что-то еще — я не знаю. Но он приказал всем остальным держать мои руки, и, как я ни защищался, они пригвоздили меня к полу, совершенно ополоумевшего...

— Зачем-зачем?... зачем-зачем-зачем?...— бормотал я...— Зачем? зачем?

Они вонзили мне шило в самое горло...

Я не знал, что есть на свете такая боль. Я скрючился от муки, густая красная буква «ю» распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду.

На кабельных работах в Шереметьево,
осенью 69 года.

ЗА
СТЕКЛЯННОЙ
СТЕНОЙ
ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛИЧЕНКО

За стеклянной стеной

РАССКАЗЫ О НАРКОМАНАХ С КОММЕНТАРИЯМИ ЛЮБИТЕЛЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛОВ

Один мой знакомый, узнав, что пишу о наркоманах, посмотрел на меня иронично: «Зачем? Что ты можешь сказать об этом нового?» Надо признать, вопросом он попал «в вену». Действительно, в последние годы тема о наркомании перестала быть объектом только специалистов. Вместе со Сталиным, проститутками и мафией наркоманы оказались главными действующими лицами журнальных и газетных публикаций. Иногда кажется, что мы знаем о них все. Создается впечатление, что жизнь наркомана — это уже не жизнь даже, а одно нагромождение ужасов и грязи. Мне кажется очень типичной незначительная история, рассказанная знакомым звукооператором с киностудии им. Горького:

— ...и режиссер дает крупным планом иглу, входящую в вену. И говорит мне — сделай, мол, такой звук, чтобы мерзкий был. Пытаюсь объяснить, что игла входит бесшумно. Но ему это неважно. Ему нужно, чтоб было мерзко. Такая художественная задача. Ну, вогнал я карандаш в гнилое яблоко — чм-м-мок! Режиссер счастлив: «Старик, это то, что нужно!»

Сталкиваясь, как психиатр, с больными наркоманией, я легко могла бы привести кучу жутких примеров, но не хочется очередной раз втыкать карандаш в гнилое яблоко. В конце концов, каким нагромождением ужасов и грязи ни является жизнь наркоманов, это прежде всего человеческая жизнь. «Он наркоман!»— говорим мы, тем самым проводя грань между нами и ими. Давайте, наконец, поймем, что четко обозначенной грани нет. Болезнь забирает человека у общества постепенно. Эти люди ходят среди нас, мы их видим, но долго не замечаем, как из обломков ампул вырастает между нами стеклянная стена. И не замечаем до тех пор, пока не ударяемся о ее бетонную прочность.

Да, в последнее время мы стали больше знать о наркомании. Большей частью — достоверные факты. Но «знать» и «понимать»— это очень разные вещи, особенно, когда дело касается наркомании. Для здорового человека должно быть нормальным желание помочь человеку больному. А наркомания — это болезнь. И невоз-

можно помочь больному наркоманией, не понимая его. На первый взгляд кажется — что там понимать! Зависит человек от химического препарата, ради него готов на все, постепенно теряет все человеческое. В зону его, в психбольницу, в спецлечебницу, подальше от нас! Но «наркологическая» ситуация в подростковой среде достигла такого уровня неблагополучия, что при этой типичной точке зрения не придется ли со временем изолировать большинство наших детей?

Начав употреблять наркотическое вещество, человек не превращается мгновенно в животное, как зачастую кажется нам. Он ходит среди нас, работает с нами, связан с «нормальными» людьми множеством социальных, эмоциональных, обычных человеческих ниточек. И гибель наркомана так похожа на известный кукольный номер, где марионетка рвет одну нить кукловода за другой, но вместо свободы обретает гибель.

Так что же нового могу сказать о наркомании я — выпускница медицинского института, окончившая клиническую ординатуру по психиатрии и выпускница Литературного института им. Горького, пишущая стихи и художественную прозу? Я хочу попытаться использовать научные знания и художественный метод, чтобы не только знать, что «за стеклянной стеной», но и понимать это.

Я очень боюсь сфальшивить, хотя темами для рассказов и послужили реальные судьбы. Поэтому моими первыми читателями и критиками станут люди, употребляющие наркотики. Не среднестатистические наркоманы, ведь это, как правило, люди с невысоким интеллектом, не способные связно выражать свои мысли (если таковые имеются), не думающие ни о чем, в том числе о себе, не уважающие в себе и других личность. Я буду беседовать с людьми, способными к самоанализу, обладающими определенным интеллектом, искусно ищущими для себя оправдания. С их согласия я приведу далее наши беседы, потому что это по-своему уникальные люди, как уникальна и откровенность, с которой они говорят о своих проблемах. Именно такие люди и могут явиться мостиком через «стеклянную стену».

А последнее слово мы оставим за ведущим специалистом нашего края в области психиатрии, за неформально подходящим к медицинским проблемам человеком — заведующим кафедрой психиатрии Ставропольского мед. института, профессором В. С. Чудновским.

ПАМЯТНИК

За прилавком виднелась одна задница — продавщица нагнулась и неторопливо распаковывала ящик с сигаретами.

— Я живу напротив,— сказал он ей.— Приходи после работы.

Выпрямившись, продавщица швырнула пачку сигарет и фразу:

— Кому ты нужен!

И он вспомнил, что ему шестьдесят лет.

Эта весна была сама по себе. По крайней мере для него. С другими она еще затевала флирт. Прошлая весна была не такой. Правда, тогда ему было всего пятьдесят.

Весну он заметил только вчера — стало жарко и в расстегнутом полушубке. И сегодня он влез в осеннюю одежду. Куртка болталась. В кармане было письмо от родителей Котла. Они называли его сынком, и он долго вспоминал, ответил или нет... С Котлом бы эта падла пошла. И конца работы не ждала бы. Бросила бы весь товар с выручкой и пошла. А Серый, по крайней мере, нашел бы, что ответить. «Кому ты нужен!..» Нужен Хорьковой матери. И сейчас к ней пойду. Только надо сразу сесть спиной к портрету. Увеличенный до размытости Хорек с орденом «Красной звезды». Только надо придумать новые подробности его подвигов, чтобы не лажануться, как в прошлый раз. Погнал на автопилоте, а вышло, что шпарю слово в слово статью. А мать ее тоже наизусть знает — все, что от сына осталось. Смотрит с суеверным ужасом: «Бог с тобой, Володя, откуда ты знаешь статью наизусть?!» Не расскажешь же ей... А может, рассказать, как мы ее Пашеньку полтора месяца заставляли статью «Разведчик Павел Корнеев» перед отбоем читать. Как он плакал, читая о своих подвигах, которые не совершал. Не раскажешь же ей, что командир представил его к награде за то, что Хорек «стучал».

Хорькова мать жила на последнем этаже в доме без лифта. А уже после третьего, с тех пор, как ему исполнилось пятьдесят, начиналась одышка, и это было неприятно. Приходилось долго стоять перед дверью, прежде чем позвонить. Пауза на пороге — тамбур для перехода из этой жизни в ту, когда инерция ни той, ни другой жизни не несла — разверзалась как пропасть, и становилось страшно, что когда-нибудь он не выдержит и займет у

старухи деньги... Хотя, какая она старуха — ровесники.

В этом городе он родился и в общей сложности провел 22 года. Первые восемнадцать, и последние четыре, то есть сорок. Первые восемнадцать лет были такими, какими и положено быть первым восемнадцати годам у здоровой человеческой особи. Потом призывной пункт, где хор ветеранов войны, партии и труда спел им «Катюшу». Потом по вагону пошли фляги с самогоном. Первая ночь в Кабуле, когда не мог уснуть. И стрельба. Радостный азарт сбивания человеческих фигурок, а потом отрезвление от широких мозолистых ладоней убитого душмана — вчера еще держал мотыгу...

Земляков в отделении оказалось двое. Серый и Хорек. И это могло оказаться большим везением, но оба в чет не шли — Серый был не свой, особенно поначалу — уже за двадцать, институт, жена, учебка, сержантские лычки. Когда Серого разжаловали в рядовые, он приговаривал: «Чистые погоны — чистая совесть». Тогда он еще не знал, что заложил его Хорек. А когда узнал, отговорил меня пристрелить Хорька. Интересно, а смог бы я тогда его? И как бы теперь разговаривал с его матерью?.. Зато я был бы моложе на целых четыре года...

Где взять деньги? Продавать уже нечего. Полушубок... Какой дурак даст за него сотню?.. По всему выходит — надо было фарцевать... «И у тебя проблема с деньгами? Нет, в долг не дам. Ну и что, что другим даю. Другие не могут, как ты. У них нет афганской корочки на децифит вне очереди. Иди в универмаг, через час будешь иметь на кусок больше...» Все они думают, что я чистоплюй. Не скажешь же, что живу за Котла, который ненавидел фарцов. Да и Серый клялся, что никогда не воспользуется удостоверением. То, что никогда не воспользуется, это точно... А хорошо бы фарцевать — нет проблем с деньгами. Не корчиться с утра от страха, что не достанешь бабки... Черт, бабки!

Слабое весеннее солнце уже опускалось, но ему стало казаться, что под лучами из суставов испаряется смазка. Бесцельная прогулка вела в камеру пыток. Хорькова мать подождет до завтра. Да и откуда у старухи сотня?

Все, с кем он начинал, уже обросли клиентурой — соплягами, которых раньше угощали и которые теперь покупали. Навар обеспечивал надежный кайф... Ни одна падла же не даст... Серый, гад, как кость в горле. Не

избей он ублюдка-старшеклассника за то, что заставлял первачков курить анашу, не вылетел бы из педа в Афган. И мне бы сейчас за него не жить. Еще бы на четыре года моложе. За остальных жить — почти как за себя. А Серый — другое поколение... А для сына Серого — я из поколения его отца. И для моего отца мы с Серым одно поколение...

Может, у отца выдурить сотню? Глухо — позавчера брал на костюм. А сегодня на фотоаппарат? Не те времена — не после дембеля. Тогда отец суетился как пацан. Наверное, так встречал с войны деда. Все выспрашивал подробности: «А сколько душманов ты убил, сынок? Ну, а вы что? А они что? И не страшно было?» Пауза. Сын медленно поднимает голову от тарелки. Прожевывает. Проглатывает. «Нет, папа. Даже весело. Как ночью в саду, где сторож с берданкой». Отец растерянно смотрит. Он не понимает — он родом из военного детства. Он знает, что с войны должны возвращаться героями. Он хочет понять: «Значит, там все пострашней, чем в газетах?» Сын истерически смеется: «Ерунда! Я вообще не ведал страха. А знаешь, когда было особенно не страшно? Когда однажды от всего нашего отделения остался я один».

И еще одна осталась мать Хорька. И жена Серого. Не долго же она была одна... Своя мать встревожилась — еще бы, сыночка, едва избежавшего душманской пули, уже спрашивает какая-то яркая девица. И явно старше.

— Здравствуйте. Я жена Сергея. Я получила ваше письмо. Спасибо. А теперь узнала, что вы вернулись...

— Да, на днях... Я как раз собирался...

Хорошо, что письмо Серого он писал первым. Писать его было очень трудно, поэтому сейчас за него было не стыдно. А последние письма шли, как под копирку. И когда мать Суслика спросила его разрешения передать это письмо — свидетельство однополчанина о гибели сына в школьный музей, он не разрешил.

Жена Серого была единственной, кто знал, что он должен жить за десятерых. Когда она позвала его на годовщину смерти Серого, он решил отдать его записку.

Они были только вдвоем. Ребенок уже уснул. Водка кончилась. Он любовался женой Серого, но она была женой Серого и от невозможности переступить через это было грустно, приятно и тянуло на откровенность:

— Мы сидели ночью в палатке... Утром предстояло

лезть на рожон. И Серый тогда предложил, чтобы каждый написал записку. Что, ну, если убьют, что оставшиеся должны сделать что он сам не успел. Договорились читать только если убьют. А кто доживет до дембеля, вернуть обратно. Серый носил их вот в этом кармане... Вот.

— ...Почему ты не отдал сразу?

— Она адресована не тебе... А сейчас я подумал — пусть хранится у тебя. Когда-нибудь покажешь сыну. Ты понимаешь, что получилось... Он написал: «Теперь вам, оставшимся в живых, предстоит жить за нас, которых уже нет...» Ты понимаешь, что это для меня теперь означает?!

Она не понимала. Она принципиально не понимала, как можно пытаться идти против природы. Она называла это «Сережа бы не одобрил» и смотрела нагло-жалобно.

— Ты будешь не жить во имя остальных, а гробить себя,— сказала жена Серого.— Потому что жизнь за всех ты не потянешь.

— Почему? — спросил он спокойно.

— Потому. Ты не сможешь мерить поступки мерками их всех одновременно. Тем более за Сережу.

— Почему? — повторил он и почти равнодушно смотрел, как она суетливо ищет свое оправдание в письмах Серого — он разрешал и даже просил ее выйти замуж, если что.

— Ты не подумай,— сказала она,— что я не любила Сережу. Я его люблю и сейчас. Память о нем люблю. Но выйти замуж — это нормально. Это другое. У меня сын.

— Что, уже есть за кого? — равнодушно спросил он, пытаясь разыскать в размягченной душе обиду за Серого и находя только афористическую пошлость о всех бабах.

— Пока нет,— торопливо сказала она.— Ты не подумай. Но это в принципе нормально.

Она подошла близко. Провела по щеке его — нежно, неожиданно. Он отшатнулся, испугавшись своей радости.

— В одном ты прав. В тебе для меня немножко Сергея,— слишком внятно пояснила она.— Ты же сам хочешь жить за него... В смысле... Ну, не в этом смысле... То есть...

— Нет! — он прислушался к себе — было пусто и гулко.— В тебе для меня тоже немножко Серого, поэтому. И еще потому, что я не могу. Как бы я не один всегда...

— ...Вы все психами пришли,— сказала она на прощанье.— Ты колешься, что ли?

Он поправил рукав на сгибе локтя:

— Это от глюкозы.

Он спускался по лестнице, а она кричала сверху:

— Требуешь от нас героизма? А имеешь ты на это право? Привык там к схемам — или да, или нет. В нормальной жизни так не бывает!

Там казалось, что будущего нет. Поэтому глупо было не попробовать. Пробовали все, кроме Серого и Хорька. Хорек верил, что вернется, а у Серого были принципы. Серого поняли.

Суслик признался, что после этого видит мать, а во сне нет. Но он знал, что Суслик врет по обыкновению, причем скорее себе. Такое странное оправдание, о чем и сказал Суслику. Что тот — страус, прячущий голову в собственный зад. Вышло грубее, чем хотел, но Суслик только пробормотал в сторону:

— Но ведь мог бы видеть...

Такое высокое и цельное назначение собственной матери — ожидание сына — снизилось за неделю, если не сразу. Культ матерей и сестричек там был сродни слезливой уголовной романтизации их же. Это сказал как-то Серый, сказал зло, как будто имел на это право. Это было еще вначале, и Серого спасли только лычки. У Серого не было ни сестры, ни матери.

Мать говорила о колбасе, о тряпках, все это — словно он и не исчезал. Кормила вкусно. Советовала жениться, знакомила. Делала все, что полагается делать матери отслужившего сына. Но он смотрел на нее глазами остальных, и этот общий взгляд из небытия не принимал идиотских частностей. И, что хуже, не прощал... Денег она уже не даст.

Он сел на скамейку. Тело пропускали через мясорубку, медленно, смакуя пытку... Смеркалось. Смотрел через стекла витрины, как люди отдавали в кассу деньги. Там была не одна, а много сотен... Так просто, казалось бы, зайти и порыскать АКСом:

— Это, это и вот это. Тыс!

«Матка, курки, яйки, шнеле!»— угрюмо говорил Серый и надолго переставал разговаривать. Потом отходил. Его берегли, не впутывали.

Надо было бы завязать. Хотя б попробовать. В двадцать я бы попробовал. Собственно, и сейчас могу... Черт, как дерьмово... Но меняться в шестьдесят... Я за-

ехал слишком далеко. Если живешь за всех, болеешь тоже. Странно было бежать в болезнь, зная, что она смертельна... Смешно после всего было думать о смерти... Или казалось, что меня-то пронесет...

В пятьдесят с лишним он лежал в психушке — родители спасали сына. Седой доктор с замашками полкана объяснил походя:

— От таких доз мрут на лету. Не говоря уж об импотенции...

Мог объяснить ему, что в мои годы дальнейшее имеет все меньше значения, как и бабы. И это мало волнует. Но от такого объяснения переписали бы диагноз. И вместо шестидесяти дней (полутора лет) за решеткой на вонючей койке в вонючей палате — вообще до конца...

— Наркоманов на западе лечат лет пять,— говорила медсестричка Оленька.— Я читала. А что же у нас — два месяца... Все равно толку нет. На уж.

Через Оленьку дозы тогда еще периодически передавали. Отслуживал в личной охране. В шестьдесят не отслужишь...

Он с трудом встал, перемогая озноб, поднял воротник. Можно все-таки пойти к Хорьковой матери... Сколько там она тратит на себя... Старуха же. Но Хорькова мать честно ждала и честно ждет. А что ей еще остается? И воспитала гада. И смерть не искупила его подлости, потому что подлость неискупима... И порождает ответную подлость, даже если человек не хочет ее... Черт! А жена Серого теперь честно не ждет... Зря она вернула тогда записку: «Сыну не покажу. Пока. Возможно, у него будет другой отец. Пусть не знает, что неродной. Так для него будет лучше, чем абстрактная память по записке...»

— ...Выйди.

— Зачем?

— А его сын вырос... Здравствуй, Антон... Муж дома?

— На работе... А что?! Антон, зайди в квартиру... Я же просила! Что надо?!

— Сотню.

— На глюкозу?

— Ну.

— Пошел ты.

— Я хочу отдать Антошке записку. Ну, ту. Он уже взрослый.

— Ты... Это... подло.

— У нас разные понятия о подлости... Но могу продать. За сотню. На памятник воинам-интернационалистам.

Вышел из подъезда. Прислушался. Серый молчал. Прислонился к стене. Почему я должен продолжать беречь Серого больше других? В конце концов... В шестьдесят относишься к смерти друзей юности иначе... Чуть раньше, чуть позже... Эта сотня для меня — отметить нынешнюю смерть Серого. Молчишь, Серый? Ну, молчи. По крайней мере я не приучал сопляков из-за тебя. Легко быть белым за чужой счет, Серый.

...Он еле шел. Шел в другом направлении, хотя организм скулил и тянулся к дому с раствором.

Хорькова мать сначала не узнала.

— ...Володечка... Господи...

Засуетилась. Тоже постарела. Чай, сахар. Тянуло блевать.

— Пирожки... Сама пекла...

Один Хорек на стене не изменился. Бравый, краснозвездный, как Спасская башня, Хорек. И часы его продолжают бить в чужом теле... Не прощалось. Отвернулся.

— ...Просто долго болел...

— У одних жизнь отобрали, у других здоровье... Господи...

— ...Хотим памятник ребятам... Деньги...

— Господи! Извини, мало... Это все... Памятник...

— Хорошо. Четыреста — это хорошо...

...Теперь ему казалось, что бежит. Хорек внутри скулил и в такт шагам повторял статью... Заткнись!.. Вот так... Отдышаться. Дверь.

— Что, на все? А ты способный парень... Но хитрый. Когда работал у меня на ставке, казался таким простым... Что нынче давали в универмаге?

Хрен с ним. Пусть. Короче! Короче же ты, падла! Пусть сначала даст, а потом... А потом я приду снова, потому что сейчас молча уйду... И все-таки надо бы его... Но это не для шестидесятилетних стариков. Момент упущен. Котел, ты прав. Это уже полное дерьмо. Но в универмаг-то не пошел!

...Ну вот... Хорошо... Он откинулся в кресле. За окном было темно и смеркалось. Раньше это было бы весенним первым громом. Открыл окно. Вдохнул. Шевельнулась внутри птица, почувствовав свободу, подумала о полете и затихла. Улыбнулся слегка... Смешно все-таки

мать встретила: «Стыдобища! Когда пойдешь на работу?!» Объяснил честно: «Я на пенсии». Решила, что издеваюсь: «Нет у тебя жалости! Совести нет! Недаром ваши грузин лопатами порубили! Убивать научились! Мать убиваешь!» «Отвали!»

Убивать научились быстро. Вопрос убить или быть убитым даже не возникал. Убийство вообще поощрялось. Тем более они наших. А мы ваших. А они так наших, что мы теперь вообще всех ихних... Рулетка войны раскручивалась полоумной судьбой. Она же сгребала жетоны... Может быть, частое наблюдение как легко перешагивает другой грань жизни и смерти по причине твоего свинца, породило чувство обыденности этой грани. Она перестала быть недосягаемой... Не убий? А почему, собственно?.. А он стыдился чувства вины перед убитыми духами. Серый заметил и похвалил за «непонятно как сохраненные следы человечности». «Я просто неполноценный»,— возразил он. «Ты неполноценный убийца»,— уточнил Серый. Подумав, он ответил: «В том числе».

Он подошел к столу и включил приемник. Запел один из брежневских соловьев. Пел против бывшего хозяина, ругал жизнь. Музыка и текст фальшивили.

Взял бумагу. Ручку:

«Дорогие родители Саши Котлова! Мама и папа! Вытащив сегодня ваше письмо из кармана куртки, я не вспомнил, ответил ли. Отвечаю. Спасибо, конечно, вам за доверие, но в сыны я вам не подойду, хотя я и не фарцевал из принципов вашего реального сына Саши. Я, кстати, познакомился лет тридцать назад с невестой Котла, и она была рада, что его убили до, а не после. Не поняла, дура, что и без нее есть кому за него жить... Ну, это ладно. Дело в том, что жить за них всех оказалось плохо. И вообще дело это оказалось дерьмовым. Было бы для чего. А они еще ссорились все время, и Котел, кстати, больше всех — причем со мной, Хорьком и Серым. Самым тихим был Суслик, а я не разрешил его матери отдать письмо в музей. Наверное, пусть отдаст — все равно его никто там читать не будет.

А сегодня я, так уж кстати вышло, благодаря подлости Хорька и ответной моей (и еще тут есть одна), достал раствора для всех, кроме Серого. Серый умер чуть раньше, сам, от стыда за эту дерьмовую жизнь в целом и полноценности моего скотства конкретно.

Значит, я решил поставить памятник всем ребятам.

Кстати, я считаю, что умершим на подлой войне памятник можно ставить в том числе и за подлые деньги. Не в этом суть. А вам я зачем пишу — в общем, когда я загнусь от усугубления, на моей могиле надо всех записать. И Хорька, ладно. Чтоб БМП, Братская могила пехоты.

А зря Серый обещал, что я впишусь, когда вернусь. Никто из нас не вписался. Мы не чуем грани. Своей тоже. Поэтому нам же легче убить и себя. С чем и остаюсь вашим...»

P. S. Если бы я имел право судить, я бы сказал, что их убили не духи, а молчание всех, кто позволил. В том числе и ваше, дорогие папа и мама Котла. Но я право потерял еще, когда молча пошел. Когда вернулся, нам заткнули рты молчанием — табу. А теперь затыкают скорбным молчанием — не лезь во имя светлой памяти павших... Поэтому пошли вы все! Пускай нам общим памятником будет построенный в боях идиотизм! Ваш сын».

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Дочитав последний листок с машинописным текстом, Б. долго вкручивал в пепельницу окурок, как будто горки пепла могли наполнить Гиндукуш.

Б. В некоторых местах «поднялась шкурка».

Я. Насколько герой получился? Ты в жизни таких видел?

Б. Он слишком сконцентрирован. Но так и должно быть, он как символ идет.

Я. Уместно ли о нем говорить, что он сам виноват? Такой извечный вопрос — кто виноват?

Б. А я считаю — сам виноват. Правильно, потому что это всегда составная часть. Но он не может быть виноват только сам. Ну, только в частном каком-то случае, например, шлепнул сына и виноват сам. Хотя и сын виноват наверняка. Или кто-то виноват, кто тебе наступил на ногу в троллейбусе. Но это часть какая-то. Здесь не получается, что он сам виноват, здесь многие виноваты. Потому что одно письмишко его чего стоит. Только это все равно будет неполно, потому что здесь добавлено еще бог весть чьей вины.

Я. А кстати, насчет письма. Нормально получилась концовка? Я очень за нее боялась, она должна была стать таким приговором, что ли, и себе и нам.

Б. Да, нормально.

Я. А вот психофизическое состояние героя — он в абстиненции — достаточно адекватно это показано?

Б. И еще, знаешь, здесь какой прикол... Допустим, его физическая ломка — она показана почти верно, но очень мало и иной раз, если он сидит на сильной дозе, ну, на большой, то иной раз не думаешь ни о чем. Там, о причинах. То есть думаешь уже о следствии.

Я. Но это же еще не очень много времени прошло... Как я понимаю, ломка начинается через 8—12 часов от последней дозы...

Б. Иногда и раньше... У кого какая доза.

Я. То есть это начало ломки, и показано, как он доходит. Но тебе кажется, что это мало показано? Нужно показать еще?

Б. Нет, кстати физическую ломку наоборот не надо. Пусть здесь как раз то состояние, когда он способен мыслить дальше, чем следствие.

Я. А это возможно?

Б. Ну... Да.

Я. А вот действительно ли так плохо физически?

Б. Физически очень плохо. Вот я же тебе говорил — пришел к Скоту, он стоит «раком»— коленно-локтевое положение, выгнув спину — это единственная поза, в которой ему более-менее. Вот он ждет, когда ему принесут. Стоит и ждет. Дверь открыта, то есть, заходи, пожалуйста, чтоб не вставать, тасы не молотить, когда позвонят.

Я. Слушай, ну а можно ли назад?

Б. ...Да, можно, наверное.

Я. Ты знаешь такие случаи, чтобы назад?

Б. ...Ну... Я знаю такие случаи, чтобы, допустим, не до конца назад, но до сверхразумных пределов.

Я. А какие разумные пределы?

Б. Это, что называется, «выпить на праздник...»

Я. По воскресеньям?

Б. Даже реже. Вот у меня хлопец — я с ним до обеда по телефону разговаривал. Он рад этому! Он сидел плотно... У него вообще были периоды — он спрыгивал, потом снова... Плотно сидел. Его кумарило...

Я. Кумарило — это что?

Б. Ну, гнуло. Ломало.

Я. А плотно сидел — это каждый день?

Б. Каждый день обязательно. То есть как часы. А сейчас такой добрый человек.

А. А долго он употребляет?

Б. Долго. у него вообще были такие периоды, что спрыгивал, держался некоторое время, потом опять.

Я. А на сколько времени можно спрыгнуть?

Б. Это зависит от обстоятельств. Например, ты спрыгнул, некоторое время держишься. Потом — раз! — тебе звонят и...

Я. И все?

Б. И все. Воля надломлена, конечно... Ну ни фига себе, у него такой стаж — лет семнадцать.

Я. У тебя тоже такой стаж?

Б. Нет.

Я. То есть он после этого сумел...

Б. Да! Он так рад! Он говорит: вот я себя — тьфу, тьфу, чувствую прекрасно, потому что у меня, говорит, выбор был — или я загинаюсь совсем, потому что мотор барахлит и сам никудышный стал, или...

Я. Но отказаться он полностью не смог? Или не хотел?

Б. Понимаешь, это принципиально другое применение препаратов. В разумных пределах. Это уже как в радость. Как раньше было. Вот раз! — и кайф. А потом же кайф пропадает. И дозы идут только на восстановление здоровья.

Я. А лишаться совсем он не хочет?

Б. Нет. То есть это не то, что он боится или не боится, это решение такое — ну а почему, это приятно. Вот он, допустим, раз в три недели щелкнется и нормально будет жить. И он не врет — это видно по нему. Ему нет смысла врать мне.

Я. А вот ты сам... По мере употребления наркотиков, ты чувствовал, что меняешься, как человек?

Б. Да. Загон. Загонистый стал.

Я. То есть?

Б. То есть, все побоку. Вот загнанный приходишь на работу, начинаешь обзванивать — туда, сюда... Раз — на два часа сваливаешь с работы, делаешь, а потом уже все — работы никакой нет, только мысли об этом.

Я. А вот нельзя это сравнить с тем... Ну, я вот сидела недавно думала — о чем меня заставляют все время думать — о том, как достать колбасы, мыла, и т. д. То есть, фигурально выражаясь, меня заставляют все время думать о колбасе, тем самым вытесняются какие-то более, скажем так, ценные мысли. Вот такую аналогию нельзя провести? Тебе понятно, что я имею в виду?

Б. Я понял. У многих моих знакомых началось употребление наркотиков не из-за пионерского интереса, а потом усугубление... Многие отходили в андеграунд так называемый. Вместе с музыкой. Андеграунд — это подземелье, подполье... Ну, музыка андеграунда — это «Аквариум» был тогда например... То есть это альтернатива. Люди желали жить вне общества. Допустим, вот они ходят здесь, а живут они там. То есть они слушают музыку, которая запрещена... То есть у нас все это началось в конце семидесятых, вот вместе с музыкой, с молодежной культурой, а она обязательно была, в общем-то средства лучше не придумаешь, чтобы уйти в андеграунд, кроме наркотика.

Я. Тебе не кажется, что это в некотором роде близко к движению эскейпистов. Правда, они уходили в чтение книг, общение, не тяготящую формальную работу...

Б. Потому что эта жизнь не удовлетворяла и не удовлетворяет абсолютно! А там у них свои разговоры, в общем, почти все свое.

Я. Но все-таки в процессе употребления наркотиков личность меняется, я хочу, чтобы ты, как человек умный, попытался оценить, что у тебя ушло и приобрел ли ты что-то взамен?

Б. Когда ты уже загоняешь себя до предела, то ты понимаешь, что ты приехал. Многое потерял.

Я. Что конкретно?

Б. Ну вот обычную нормальную жизнь. Общение. Те же книги, друзей. На это просто не хватает времени. А если ты потом уже общаешься с трезвым человеком... не то, чтобы неинтересно, а практически невозможно. Он не понимает тебя! Потому что все-таки препарат действует, и уже мыслишь немножко иначе... Тем более вот этот бодряк эфедриновый... Даже вообще разговаривать с обычным человеком — как на разных языках.

Я. В чем разница?

Б. Ну, он не из этой стаи, если можно так сказать. То есть ты не поймешь. Это как общая кровь вот тусуется в нас. И ее состав уже изменился. Вот мы, допустим, втроем, или вчетвером. А одному бодряк... да вообще неинтересно одному это делать. Это уже когда один... это уже трудный случай. Это уже как алкоголик-одиночка.

Я. Меня все-таки интересует, из чего состоит та пропасть, которая разделяет нас. Даже в общении...

Б. Ну хотя бы из того... Сидят, например, товарищи, которым это неведомо, и предлагают: «Зачем тебе это?

Я тебе лучше куплю бутылку водки, выпей ты ее». Да зачем она мне нужна?! То есть, они считают, что водка — это как воды попить. А это — уже все! Это пропасть, это ад и прочее. И считают тебя по меньшей мере сумасшедшим. Прямо камикадзе. Хотя эта штука влияет на всех по-разному. Кому-то достаточно, может быть, двух уколов. А кому-то нужно два года размеренной жизни, чтобы потом вдруг понять, что... В общем, он спокойно терпит, его даже не ломает... Ну, это молодняк не рассуждает, это уже определенный опыт...

Я. Ну ладно... А вот эмоции, отношение твое к какимто общечеловеческим вещам — это изменилось?

Б. Это опять же зависит от человека.

Я. Вот конкретно ты.

Б. Ну, я бы сказал... не изменилось. Я, в общем, не наблюдал, не анализировал... Хотя... Это, наверное, все-таки как водка. В какой-то момент обостряет, а в итоге притупляет. Все притупляет. Оно притупляет и эмоции, и чувства. То есть они уже не такие естественные. Допустим, если ты расчувствовался под влиянием кайфа, то этому верить нельзя. Вот когда ты выйдешь из этого состояния... То есть, в норме ты бы не умилился.

Я. То есть, это надо все время иметь в виду о себе и бороться и не верить своим чувствам?

Б. Да. Особенно теперешние бодряковые дела... Если честно сказать, он пострашнее чем опий. Потому что появляется такое раскрепощение, что как будто бы это уже и не ты.

Я. То есть, ты себя в какой-то момент не контролируешь?

Б. Не то что в какой-то момент, а контролируешь вообще очень слабо. То есть ты отпускаешь вожжи. То есть, по-трезвому я бы этому человеку, допустим, не позвонил. Честно. А я звоню. А тут еще энергетичность влияет на нервную систему, и появляется такая энергия, что ты начинаешь... молотить тасы это называется. Метла отвязывается, ты начинаешь говорить, говорить беспрерывно, тут уже труднее даже слушать. Ты метешь пургу, лишь бы говорить, ты понимаешь? Тормоза отпускаются. Ты говоришь даже то, что не сказал бы никогда. На допросах могут быть такие препараты. Все шлюзы у тебя открылись, и как хлынуло! Это очень опасное состояние... Допустим, трезвым ты бы не пошел на примирение, но тебе в этот момент необходимо общение, просто спасу нет! Выговориться... И если человек тебе и на фиг

не нужен, но появился в этот момент, ты с ним будешь достаточно откровенен. Это не тот вариант, когда встретил — и больше не встретишь, как в поезде. А этого еще точно встретишь.

Я. Давай вернемся к герою. Был ли у него выход, как ты считаешь?

Б. Понимаешь, он усугубленный, этот герой. Не только пристрастием, но у него тяжесть жизни еще... Ему было сложнее. Потому что то, что говорят — человек превращается в животное, это все не лишено оснований, но в общем-то это частные случаи. А в основной массе... да у нас столько и нету продукта, чтобы все вот так выпирались и ломились. В общем-то личность в целом сохраняется... И не все чем-то отягощены. Кто-то просто так, кто-то в тюрьме приобщился... Мало ли из-за чего. Вот, скажем, пьют — кто из чувства вины, а многие просто пьют и все.

Я. Ну вот, смотри... У нас, у неупотребляющих, скажем, наркотики людей, жизнь течет достаточно равномерно. У вас же утром рай; вечером ад. Резкие контрасты, оттуда туда. Есть ли смысл платить за рай адом?

Б. Это все зависит от момента. Иногда хочется так... Как бы уже решил твердо... А вот стечение обстоятельств... То есть это слабость, естественно. В общем, я не справлюсь иначе со своей заботой, которая на меня сейчас навалилась. Кроме как вот применив что-то. То есть, это как буфер я ставлю между реальностью и собой.

Я. Скажи, а многие пытаются оценить свое состояние, найти причины? Или у многих уход в наркоманию был из-за желания кайфа?

Б. Ты о социальных причинах? Они, безусловно, имеют место.

Я. Всегда?

Б. Нет. Даже простой пример — наркотики в том или ином виде употребляют испокон веков. Ведь это, простите меня, наслаждение... Ну, естественно, сначала. Если начинаешь шустрить, то потом это уже в муку у некоторых... Ну как сказать... Ну, можно уйти от реальности в монастырь. Но мне не хочется таскать вериги и прочее. Я ухожу от этой реальности да еще и с кайфом, с музыкой. Кайф — это все-таки кайф.

Я. Даже зная, что потом его не будет, а будет восстановление обычного самочувствия?

Б. Да нет... Все хотят все-таки кайфа. Завидуют тому, кто еще без дозы. Мол, вот тебе кайф, а мы только

восстановились и пошли. Понимаешь, это интересно, такие дела... Но кайф все-таки на первом месте. Потому что это слаще, чем жизнь.

Я. А чего у тебя было в жизни больше — кайфа или ада?

Б. Кайфа.

Я. Значит, ты не жалеешь?

Б. Конечно, это же кайф. Например, предложи мне сейчас, я не откажусь. Хотя я сейчас соскочил.

Я. И долго у тебя длится этот период соскока?

Б. Ну как... Я, в общем, с плотного соскочил... Себя было жалко, времени было жалко... Да и опасно это все-таки! Понимаешь же это! И думаешь — хватит, на праздники и все.

Я. Ты сейчас до этого состояния дошел?

Б. Да, и прекрасно себя чувствую. Очень этому рад.

Я. Мне сказал один больной наркоманией, что не знает сам и гарантирует, что я не найду ни одного наркомана, желающего добровольно бросить. Это так?

Б. Почему? Это как ты сам оцениваешь. В конце концов, как это оценивают окружающие — пшик. Мало кто знает об этом, потому что они все очень скрытные люди, это прячут. Не потому, что это стыдно, он считает, что пить водку — это гаже. А потому что за водку в тюрьму не сажают. А за это сажают. Поэтому все это «в метро».

Я. Знаешь, я заметила странную вещь — все наркоманы, не желающие бросать, аллергически реагируют на вопрос: «Как бы отнесся к употреблению наркотиков твоей женой или ребенком?» Отвечают даже: «Убил бы!» Почему?

Б. Это совершенно естественно. Потому что ты чувствуешь, что эта жизнь... Это все не по-человечески. То есть мало того, что у нас всех сейчас жизнь неестественная, а это еще более неестественно. Этого для близких не хочешь... У нас вообще жизнь неестественная. И не потому что нет колбасы... Мне хватает и кефира. Просто я хотел бы жить в этой стране, но не так.

Я. А у многих эта же причина?

Б. Да. Кстати, это дает какую-то свободу от общества. Допустим, ты идешь, и ты совершенно другой. Вот ты смотришь — они там идут, тасы молотят, а ты идешь и свободный. Тебе не нужно бежать в магазин, хотя бы потому просто, что я не хочу есть и не буду хотеть еще завтра. Ну это так, чисто внешние такие проявления, поверхностные. А так — едешь в троллейбусе, тебя уже не

волнует, что тебя там кто-то толкает. Забился в уголок — свободный! То есть чувство свободы какой-то обретается.

Я. А вот во времена нашей с тобой юности, по-моему, такого количества токсикоманов еще не было. Почему сейчас их так много?

Б. Потому что у них нету денег на наркотики. И нет точек общеизвестных, где ты пошел, купил и все. Токсикомания — это кофейный напиток вместо кофе. Желудевый. Суррогат, в том числе и невменяемости, беспамятства. Если укол — это кайф, то представь — дышать там парами — это противно. Но это действует.

Я. Почему это все такой масштаб приобрело?

Б. Я считаю, что у подростков особенно ярко социальные причины проявляются.

Я. А если это так дорого, где, как правило, берут деньги?

Б. Ты понимаешь, у меня были знакомые... Эти люди пошли бы на все — на преступление, на кражу, грабежи... Но в основном — перепродажа, занимают друг у друга... Вокруг меня люди, которые, в общем-то не крадут. Или он сам переломается, или кто-то кого-то выручит, или еще как-то. Фарцовка... То есть, все равно получается жизнь за счет других, своего рода обкрадывание, но оно такое, незаметное, добровольное, что ли, со стороны других. Скажем, я знаю человека — он покупает стакан мака, делает раствор, продает его, восстанавливает стоимость этого стакана, да еще и сам с него прется. Так и живет — на одни и те же деньги в обороте... Это, как мы их называем, честные люди.

Я. То есть, там тоже своя градация человека?

Б. Конечно. Причем, идет конфронтация. Дело в том, что с людьми, которые квартиры вострят, бомбаж устраивают — наскакивают, то есть, с кулаками и цепями — там, «давай мак!»— мы их в общем-то за людей не считаем. Это вообще низшая каста. Это не наркоманы. Это уголовники, которые применяют наркотики.

Я. То есть наркоманы — это своего рода движение? Типа хиппи?

Б. Да. А это вот уголовные элементы, которые сидят на игле. И, кстати, это не наркотики их толкнули на преступление, а у них уже этот путь был, просто потом, побочно, они уже прицепили и этот недуг. Такой порочный круг.

Я. То есть, ты считаешь, что если человек честный,

если он попал в это «движение», то он к преступлению не придет?

Б. Ну, если его э... не доведет абстиненция.

Я. То есть в этом состоянии он способен поступиться какими-то принципами?

Б. Черт его знает... Да у него, в общем-то, и сил на это не хватит. Нет, честный человек будет терпеть, он не пойдет на воровство. В конце концов, ломку можно и пережить. Это не смертельно. Ее можно перебить и сонниками, в общем, тем, что доступно. Ну, это я так считаю. Я просто говорю о тех, кого знаю. Кого наблюдаю вот уже бог знает сколько лет.

Я. Но если это социальное движение, оно имеет какую-то платформу взглядов, скажем, как хиппи? Ну, не вмешиваться и не содействовать, например, тому, что происходит вокруг нас, это у хиппи. Есть сформулированные концепции?

Б. Да их обычно не формулируют, они проскакивают. То есть, ну не трогайте меня! Ну, он же живет, в конце концов, в обществе. Он там работает, как все. У него масса обязанностей. Но когда на него наезжают — «ну, не трогайте меня!» То есть дайте быть мне свободным. Не заставляйте меня выходить на, скажем, субботник. Кстати, у меня товарищ — он за всю жизнь ни на одном субботнике не побывал. Ни на одном. Прекрасный парень. Ему тридцать пять лет.

Я. Среди твоих друзей многие умирают от наркотиков?

Б. Ну, умирают, в основном, от передозировки.

Я. Нарочно?

Б. Жадность... Во всяком случае, один умер случайно, видимо. Потому что он купил мотоцикл, умирать не собирался. Другой умер — сердце прихватило.

Я. Тем не менее, это все ускоряет? Вы платите собственными годами?

Б. Ну, естественно. Мы все это прекрасно знаем. У каждого литературы по наркоманиям море...

Я. А вот у героя рассказа конец закономерный? Логичный?

Б. Понимаешь, это художественный рассказ... Закономерен по законам литературы.

Я. В жизни этого не могло быть?

Б. Почему, могло... Но дело в том, что здесь какая-то поэтизация происходит всех этих дел... А в жизни. Это носишь в себе, но это тебя не перехлестывает. Аб-

солютно не перехлестывает... Уж коли тебя поставили в ненормальные, неестественные условия, то ты изменился... В общем, если есть сегодня нормальный человек, а завтра в меня впихнули ненормальные вложения, то такой итог — пожалуйста. Можно дойти бог знает до чего... А когда ты сам изменился, адаптировался в этих условиях, то выжить можно. Таких случаев в жизни я, например, не знаю. Но я полагаю, что такие случаи есть. Но это не закономерность. И еще знаешь, почему не закономерность? Гибель друзей на глазах — это еще не все. Нужно ощутить всю прелесть этой афганской акции. То есть взвалить все Политбюро с их решениями себе на плечи, взвалить всех вдов, матерей, которые остались... вот тогда это тебя задавит и расплющит. Но это не всякий может. И кто взваливает — все на себя все равно не возьмет. А до какого-то предела.

Я. А чем твоя среда вообще живет? Темы общения? Чем вы интересуетесь и интересуетесь ли чем-то? Скажем: нынешние кухонные разговоры нашей интеллигенции — ехать не ехать, политика, перестройка...

Б. Кухонные разговоры?.. Мы тоже сидим на кухне. И разговариваем или газеты — та же политика. Или книги... Мы такие же люди!

ДИАЛОГИ НА ТЕМУ СВЕТЫ АЛЕКСЕЕВОЙ БЕЗ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ

Они сидели за накрытым столом, она — около телефона. Они общались, она ждала их звонка. Все происходило в разных квартирах, но в одном городе.

За столом присутствовали: Аня — хозяйка дома. Борис — ее жених. Тамара Ильина — жена Игоря Ильина, зав. лабораторией НИИ. Ольга — журналистка. Лев — журналист. Сима — врач.

Говорили о Свете Алексеевой. Ольга — упрямо возвращаясь к ней. Остальные, скорее, нехотя. Свету так или иначе знали все. Ольга и Лев по работе, и все вместе по школе, кроме Тамары. Компания была из детства, вполне притертая, завоевавшая социальные плацдармы достаточно равномерно и удачно. Света Алексеева не то чтобы входила в круг своих, но когда-то чуть не вошла, поэтому разговор происходил. Ольга, последовательно демонстрируя основы логики, возвращалась к проблеме, взывала к пониманию:

— Поймите, мы имеем конкретную судьбу. Она не сложилась, но ведь могла состояться, все предпосылки были. Вспомните Свету в школе! И теперь ее нужно поддержать, еще не поздно.

— Поздно! — перебила Сима.— Ты, Оля, идеализируешь, не являясь специалистом. Ты исходишь из абстрактных идеалов. А в наркоманиях нужно исходить из конкретного случая. А случай банальный и, поэтому, скорее всего безнадежный. Ты просто не сталкивалась.

— Но ей совершенно некому помочь... Она одна совсем. Она, конечно, не справится, сорвется, и виноваты будем мы.

— Что ты хочешь, Оля? — спросил Лев.— Конкретно.

— Во всяком случае — устроить ее на работу. Ей жить уже практически не на что... Она забилась в угол, просто как зверь, я не знаю... Боится идти к людям.— Ольга, видимо, продумала диалоги заранее, отчего они выглядели слегка театрально и не убеждали. Она понимала это и нервничала.

— Подожди,— прогудел Борис.— Я давно ее не видел, но помню, что Света была такая бойкая симпатичная девочка. И неглупая... Может быть, она не боится, как ты выражаешься, а просто не хочет идти к людям? Не хочешь ли ты заняться принудительным лечением — принудительно социально адаптировать ее?

Ольга заговорила горячо, но репликам не хватило убежденности:

— Она после лечения больше не колется. Собственно, она сама просила помочь... Но не хотела, чтобы я это говорила. Она хочет общаться с нами. Я не знаю... Как можно оттолкнуть человека, желающего вернуться?!

— А я не верю,— вздохнула Анна.— Она еще в школе была такая... Себе на уме... Красивая. Самомнение у нее было... Всегда хотела выделиться, разве нет? Поэтому, я думаю, наркотики. Горячее подавать?

— Горячее после перекура,— предложил Игорь.— Оля, а почему Света не пробовала искать работу сама?

— Она искала,— сказала Ольга.— Но ее не взяли в двух местах. Нагло не взяли. Понимаете, ее выкинули из больницы в никуда... Общество само толкает ее начать снова, найти старых дружков...

— А чего нас искать? — хохотнул Борис.— Вот они мы, старые.

Она чертыхнулась, отложила маникюрный набор. Руки дрожали. Прижгла ранку йодом. Покосилась на телефон. К окну подошла. Во дворе было все то же. Открыла балкон. Закурила. Показалось — телефон. Проверила. Послышалось. Ушла на кухню. Вернулась. Потерла виски, лоб. Выпила таблетку. Оглянулась на телефон. Тот послушно зазвонил.

— ...Да. Я. Привет. И ему привет... Как насчет росы?.. Вообще порожняк? Ну и к лучшему... Слушай, а ты искать будешь? Тогда и мне. Да, решила. Потом соскочу. Ну найди, Рыжик! Я буду ждать, ладно?..

— Кстати,— некстати спросила Сима,— а какой у нее стаж болезни? Сколько времени употребляет? Лет десять?

— Регулярно около этого,— вздохнула Ольга.— А раньше — эпизодически.

— С таким стажем...— покачала красивой обтекаемой головой Сима.— А почему ты решила, что она не колется?

— Я ей верю! Она хочет вылечиться! — убеждала Ольга.— Я с ней достаточно знакома, чтобы это видеть!

Но Сима снова покачала головой. Качала головой и Аня. Тамара и Борис косились в телевизор. Лев вздыхал. А Игорь Ильин вспоминал. Ему-то было что вспомнить на заданную тему. Ну как же — Света Алексеева, мисс выпускных классов, вполне осознающая этот факт. Социально независимая, умная, гордая. Бунтующая. И он, Игорь, бунтующий, социально-защищенный, любящий. Он-то начал сдуру, так, чтобы не выглядеть маменькиным идиотом. Кажется, поэтому. Ничего более интересного вокруг не обнаружил. Понравилось. Хотелось поделиться открытием души. А может, хотел, чтобы вместе, все-таки страшновато.

Светка согласилась легко, она ему верила. Может быть, подчинялась. Сначала щелкались редко, когда доставали. Так, баловались. Потом разбежались, но продолжали доставать порознь, он знал. Потом испугался. Испугался вовремя, но все-таки чуть поздновато. Продираться назад пришлось трудно, так в горной реке против течения. Идти метра два, а фиг шагнешь. Шагнул! Вылез, выкарабкался. Не без помощи отца. Увез на год на дачу — жили, костры жгли, в лесу гуляли. Болтался, как неблагодарный сыр в психологическом масле...

А дальше счетчик заработал — институт, аспирантура,

дисер, НИИ, Тамара, лаборатория. А в лаборатории, в сейфе — они... И есть ключ. Да нет, не хотелось. Так, разве для интереса можно было бы. Не собирался, конечно. Но сейфик-то вон, и ключ — вот... Боялся иногда, если уж честно. Когда настроение плохое или период черный — иногда боялся. А потом радость — нет уж, выкарабкались, дудки!.. Про Светку слышал пару раз. Что институт все-таки кончает — порадовался. И что в психушке лечится — за себя порадовался. И вот теперь... Наверняка Ольга имеет в виду его лабораторию. Чтобы человек был под присмотром, чтобы спасать. Но ведь сейф-то. И если опять она рядом...

— Вот смотри, Оля,— сказал Игорь небрежно.— Мне Свету жалко. Может быть, больше, чем всем вам. Это ясно, да?.. Но я никогда бы не взял к себе работать человека, которому не смогу доверять. А тут — не смогу. У меня в сейфе наркотики. И она это будет знать. Да и за точность результатов опытов я, кстати, отвечаю и перед нашими с вами детьми, которым потом будут делать эти прививки... Это я фигурально.

Тамара вздохнула:

— Хорошо, что я ее не знаю. А то бы мне сейчас было плохо.

— Плохо?! — резко переспросила Ольга.— А не стыдно?

Тамара пожала плечами:

— Нет, все-таки плохо. От того, что они все-таки правы...

— Человек погибает,— отчаянно сказала Ольга.— Хорошо знакомый нам человек. И вам — все равно.

Лев откашлялся:

— Мне не все равно... Мне Свету очень жалко. Она вообще мне когда-то нравилась. Но теперь она не хорошо знакомый нам человек. Это, кстати, лживое создание. Вчера она ждала тебя в редакции под дозой. Я различаю такие вещи после армии.

— Нет,— покачала головой Ольга,— она просто волновалась очень. Света человек гордый, а пришла ко мне просить. За себя просить. Вы любите просить за себя?.. Она считает, что это ее унижает. Она уверена, что ее презирают.

— Да плевать она хотела на отношение к ней! — взорвалась Сима.— Вы, гуманитарии, обожаете оперировать неконкретными понятиями! «Помочь», «человек», «оттолкнули», «поддержать»... Есть конкретная статисти-

ка! Наркоманы в этой стадии лечиться не хотят! Организм заставляет не хотеть! Доли процента излечиваются, если не ошибаюсь.

— Даже если так! — вскочила Ольга.— Мы не имеем права пренебречь этими долями процента!

— Но послушай! — оборвала Сима.— Берем факты. Сюжет жизни. Явная истеричка — вспомните ее демарши еще в школе. Сомнительные компании, где она была на правах королевы. Институт, да. Но с отчислением. Регулярно колется, значит, круг общения — торговцы и уголовники. Первый муж — посадили. Второй — развод. Ребенок у родителей. Работы меняет, как перчатки. Социально не адаптирована. Друзей постоянных нет. С Ольгой общается от случая к случаю. Ты у нее, Оля, извини, для получения вполне определенной эмоции — сострадания. Когда наркотика нет и совесть вместе с абстиненцией пробуждается — подоит тебя — и снова к своим.

— Ты...— Ольга закусила губу.— Это... слишком жестоко, чтобы быть правдой. Это медицинская схема! Прокрустово ложе, если хочешь! Она же умный человек! А ты говоришь — неизлечима...

— Ум — это из другой оперы! — Сима вещала жестко, словно из глухого врачебного халата.— У нее с юности амбиции. Она хочет иметь основания считать себя выше тех, с кем колется. Поэтому хочет иметь возможность дружить с тобой, Оля. А теперь и с нами. Это не желание спастись, но желание найти выход для обретения психологического комфорта...

— Ты ее расчетливым монстром рисуешь... А она жалкая, худенькая... Да как она плакала сегодня! — Ольга закусила губу, перемогая слезы.— Она у телефона ждет... что я позвоню... позовем...

— Психопатизация! — добивала Сима.— Изменения личности... Пойду покурю.

Ушли на кухню. Ольгу остались утешать некурящие Лев и Борис.

— Да Оленька! — гудел Борис.— Симочка нарочно жестко, потому, что тебя жалеет, за тебя боится. Хочет, чтобы ты поняла...

— Да ладно,— поддержал Лев.— Редактора за нее попросим. Хоть уборщицей.

— Не возьмет! — всхлипнула Ольга.— После истории с милицией...

— Ну будет мыть полы где-нибудь еще,— махнул рукой Борис.— На техничек-то, слава богу, дефицит.

— Не пойдет,— вздохнула Ольга.— Она же гордая. Институт...

— Ну, знаешь,— сказал Лев.— Это тоже... Хочет вернуться к людям, может и с нуля начать. Что она еще может требовать?

— Господи,— тускло проговорила Ольга.— Что ей сказать? Прийти-то ей можно или нет?..

Она сосредоточенно крутила диск телефона. Пальцы с трудом находили отверстия. Куталась в шарф. Пока ждала, вытерла глаза, нос.

— Алло... Рыжий? Это я... Рыжий, не надо. Росы не надо. Я передумала. Сейчас соскакивать буду. Пока не плотно села... Да уже откатывает... Ничего... Что, сейчас найдешь?.. Нет, не звони! Я сказала! Не звони и все. Ему меня жалко! Скотина. Что, потом соскочу?.. Ладно, позвони... Все, пока. Я тут звонка жду.

— Кстати, а сколько раз она бросала? — спросила Сима.— Ведь не только теперь?

Ольга помолчала.

— Не знаю,— наконец, нехотя ответила она.— Она говорит, что могла и раньше, но не хотела. Один раз, якобы, сорвалась после полугода... А теперь хочет бросить... Я вот что хотела... Вы что, абсолютно не хотите ей помочь?.. А ты, Сима, вообще странно, что ты...

Пауза затянулась. Каждый прислушивался к себе.

— Я бы хотел, если бы знал как,— Борис огладил бороду.— Скажите как, чтобы я тоже поверил, и я вполне...

— Я, если честно, не хочу,— вздохнула Аня, рассматривая бокал.— Но буду, если нужно.

Сима грустно улыбнулась:

— Вы думаете, я не хочу? Просто я знаю, что это бесполезно. Поэтому не буду. Она уже сделала свой выбор. Зачем пытаться заштопать пропасть между нами? А странно — зачем мы ей на самом деле? Уж она-то должна знать, что ей не о чем с нами говорить... Тем более, что я верю Льву...

— Ты, Сима, словно доказываешь себе что-то,— прокомментировала Тамара.— Извини за комментарий, мне, как лицу в этой истории постороннему, можно.

— И это тоже,— согласилась Сима.— А кстати, Лева, почему ты решил, что она вчера была под дозой?

Лев усмехнулся и потрепал Симу по плечу:

— Доктор, доктор! Неужели ты считаешь себя единственным специалистом? Да потому что рыбак — рыбака... В смысле, мне в армии пару раз приходилось...

— А,— кивнула Сима,— сейчас у молодежи это вообще... Пробуют. А наркоманами становятся единицы. Порок внутри человека, таким образом.

— Ничего себе, единицы! — воскликнула Тамара.— Вон, вчера по телеку...

— Теперь представь сколько пробует,— кивнула Сима.

— Я не пробовала,— улыбнулась Тамара.— Аня, тебе помочь? Там горит что-то?

— Я предлагаю тему сменить,— предложил Борис, потянувшись,— чушь какая-то. Настроение снижается.

— Давно уже снизилось,— пробормотал Игорь.

— Да,— согласилась Сима.— Кстати, у нас в городе СПИД. В 5-й горбольнице.

— Господи! — воскликнула Аня.— А кто?

— Работал в Африке, имел негритянку,— пожала Сима плечами,— классика.

— Хоть знает, за что расплачивается,— тускло пошутила Ольга, глядя в окно.

— Все равно жалко,— вздохнула Аня.

— Знаешь, Оля,— Сима подсела ближе.— Пойми, просто у меня разное отношение к, скажем, онкологическому больному, который безвинен, и к наркоману, который совершил грех против себя и других.

Ольга отодвинулась:

— Странно, что ты при этом хороший врач.

— При чем тут это,— нахохлилась Сима.— Это не взаимосвязано.

— Ну девочки! — вмешалась Аня.— Тему же решили сменить! Что вы, в самом деле...

Сидели отчужденно, молча. Словно разложились по спектру отношения к Алексеевой. Выручил Борис, умница:

— Слушайте, вот есть такая притча. Муж и жена приходят к мудрецу. Муж поливает жену грязью, мудрец выслушивает и говорит: «Ты прав». Тогда жена начинает поливать мужа в ответ. Мудрец ей: «Ты права». Ну уж тогда они оба предъявляют претензии — мол, какой же ты мудрец, если не знаешь, кто прав! На что тот спокойно отвечает: «И я прав». Ребятушки, в дискуссии о Свете мы все правы.

— Но как от этого гадко,— заметила Ольга.

Опять замолчали...

Она курила на подоконнике, спиной к телефону. Теребила шарф. Звонок. Метнулась. На миг замерла, протянув руку к трубке.

ВТОРОЕ ИНТЕРВЬЮ

Н. Рассказ почему-то не понравился. Знаешь, почему? Не хочу быть оригиналом, но, видишь, такие рассуждения на кухне вокруг да около проблемы модной — это все настолько далекое... Ну, смотри, у меня были такие примеры! Два хороших человека... Я их знал с пятнадцати лет. Они жили от меня неподалеку. А потом уже теснее познакомились — когда с анашой в беседке, в детском садике... Были нормальные ребята — он и она, потом поженились, я на них любовался — вот какая пара! Что потом случилось, через несколько лет... Вот недавно негде было сварить — встретил приятеля, он привез бинты, ну, зашли к ним, я знал, где они живут... И у них началась ссора из-за дозы, у этих мужа и жены...

Я. То есть, кому больше достанется?

Н. Да. Ну, они уже не были мужем и женой. Такая вещь. Это такое гнусное впечатление... Это не один пример, когда... Ну, вот один парняга был. Ох, какой он был! Не пойми это неправильно, я даже был в него немного влюблен. Он был постарше меня, не то, чтобы кумир, а веселый парень, честный, справедливый, умный... И что с ним стало сейчас...

Я. А что с ним стало сейчас?

Н. Этот человек абсолютно уже... ну, можно объяснить ничего не объясняющим словом — деградировал. У него сузился круг интересов, у него сейчас ничего — ни чести, ни совести, ни достоинства.

Я. То есть, это уже не человек в нашем понимании этого слова?

Н. Нет, не в вашем понимании. В моем понимании это не человек. Осталось от него только лишь воспоминание. Ну, и в противовес этому могу привести другой пример — знаю людей, давно употребляющих опий, но они остаются людьми, и никогда он для них не был целью, а только средством.

Я. То есть, они умеют удержаться на какой-то грани?

Н. Да, скажем так.

Я. А много таких людей?

Н. Конечно, тех, которые не могут удержаться, больше.

Я. А чтобы удержаться на той стадии, когда получаешь удовольствие, нужна сила воли?

Н. Конечно, я видел очень многих, которым доставляет труда, нервотрепки, напряжения, чтобы не уколоться. Но есть такие, которые это делают беспроблемно, им просто надоедает быть под кайфом.

Я. То есть, они не «садятся на иглу»?

Н. Ну... В общем-то да. Это, видимо, все-таки дар свыше. То есть, изо дня в день, я знаю, был такой период, на протяжении двух недель. Инъекции по два-три раза... Там дозу нарастили черт его знает какую... И просто надоедало быть под кайфом и безболезненно выходил.

Я. Ты о себе говоришь?

Н. Ну... да.

Я. Давай вернемся к рассказу. То, что случилось со Светой, это все достоверно? Зачем ей надо было прийти к этой компании? В общем-то путем лжи? Зачем?

Н. Здесь я не понимаю Свету.

Я. Ты считаешь, что этого быть не могло?

Н. Нет, могло, потому что по-всякому бывает. Но я не вижу, почему. Я не пойму. Зачем они ей нужны, совершенно не понятно. Если она тянется к какой-то духовности, то не сошелся на них свет клином, и зачем такой назойливой быть... Может быть в своих глазах хотела реабилитироваться?

Я. Я тоже об этом думала. Видишь ли, в основе рассказа — реальный случай. Эта женщина сама решила бросить наркотики, с тяжеленными муками выходила из абстиненции, дома, а через некоторое время снова начала колоться, при этом обратившись за помощью ко мне, солгав при этом. Мне тоже было непонятно — зачем... Кстати, одна из героинь говорит о пропасти между наркоманами и обычными, скажем, людьми — обществом. Насколько она существует?

Н. Видишь ли, опять между кем и кем... Между одними существует, между другими — нет. Мне это непонятно.

Я. Ну, хорошо. А между теми, у кого пропасть существует, в чем она?

Н. Ну, начнем со здоровой стороны, если наркоман — это больная.

Я. А это больная сторона?

Н. Наркоман? Если это человек зависимый, то, разумеется, это человек больной.

Я. То есть, понятие болезни возникает в зависимости от стадии, на которой человек удержался?

Н. Подожди, я не понял. Я сейчас сам запутался... В общем-то, конечно, этих людей здоровыми считать нельзя.

Я. При любом употреблении?

Н. Нет, здесь нужно дифференцировать.

Я. Хорошо, давай конкретизируем. В медицине есть понятие о психической зависимости от наркотиков и о физической. Соответственно, первой и второй стадиях. Ну и далее.

Н. Нет, я бы на первое место поставил физическую зависимость.

Я. То есть, ты считаешь, что психической зависимости нет?

Н. Психическая — она есть. Но она намного, мне кажется, опаснее. Физическая зависимость — это можно перемучиться и не возвратиться к употреблению. А вот такая зависимость...

Я. К сожалению, начинается все-таки с психической зависимости, к которой потом присоединяется и физическая. Это объективный факт. И вот, скажем, человек с психической зависимостью, но без физической — это больной человек?

Н. Нет.

Я. А на этой стадии можно удержаться? Знаешь ты людей, которые много лет удерживаются на этой стадии?

Н. Знаю.

Я. Это опийные наркоманы?

Н. Да.

Я. А все-таки, скольким удается удержаться на этой стадии?

Н. Из того, что я знаю, очень немногие. Очень немногие.

Я. Что для этого нужно?

Н. Я не знаю. В одном случае — увлеченность чем-то другим... В общем — это иные ориентиры, ценности, помимо кайфа.

Я. Ну вот, опять мы приходим к такой теме, социальной. Говорят — молодежь уходит в наркоманию, потому что у нее нет альтернативы. Так ли это?

Н. Да, это влияет очень сильно.

Я. Но ведь на Западе тоже есть проблема наркомании, не меньшая, чем у нас.

Н. Ну, кто считал... Это остатки советской пропаганды.

Я. А все-таки, почему с каждым годом наркомании, а особенно токсикомании приобретают такой размах? Когда я училась в школе, мало кто систематически употреблял, ну, скажем, анашу. Но, во всяком случае, никто ничего не «нюхал», тем более в младших и средних классах. Почему это так распространилось?

Н. Не знаю. Может быть, все-таки, социальная сфера влияет.

Я. Я буду неоригинальна, но я придерживаюсь точки зрения, что в основном — это попытка заполнить духовный и душевный вакуум. Ты с этим согласен?

Н. Да. Но здесь нужно чем-то дополнить... Я сейчас не могу найти чем.

Я. Хорошо, а все-таки, когда человек начинает, почему он это делает? Вот в первый раз — почему? Из своего опыта.

Н. Это у кого как. Я попробовал анашу в 14 лет. Курил человек рядом, дым вылетал густым столбом, он мне понравился. Был приятный запах, было интересно — что это такое. Это любопытство, это нормальная реакция на познание.

Я. А какие были ощущения в первый раз?

Н. Абсолютно никаких. Я только с седьмого раза почувствовал.

Я. Вот смотри... Я разговаривала с одним наркоманом, который сказал, что ему нравится чувство свободы, которое он приобрел от сознания употребления наркотиков. В каком-то смысле, сказал он, я — камикадзе, и мне это нравится. И я подумала, вот человек выворачивает белое на черное, а потом заставляет себя верить, что это может быть благо... В общем, он себя обманывает, оправдывает... Потому что эта смелость ухода, это...

Н. Это недомыслие... Хотя, извини, я не совсем понял, что ты хотела сказать?

Я. Я хотела понять происхождение гордости во фразе «Я — наркоман!»

Н. Да, эта гордость есть... Желание выделиться.

Я. Презрение к окружающим, которые не входят в это братство?

Н. Это не братство.

Я. А что, нет понятия «братство»?

Н. Не-ет, конечно, нет. Среди наркоманов, да какое там братство! Да ты что! Каждый себе.

Я. А как ты считаешь, наркомания — явление для общества нормальное, или это социальная болезнь?

Н. Ну... вот сейчас я считаю — это болезнь. А вообще... для меня сложно это объяснить сейчас... Да, я считаю, что это болезнь! Потому что куча, куча людей не может самореализоваться, не могут жить более полнокровной жизнью. Куча людей! А вообще для общества это болезнь или нет... Вот сейчас болезнь, а вообще-то... вообще-то... Ну... Черт побери, ведь день сменяет ночь, одно пожирает другое... это нормальная, ну, житуха, и все, что здесь есть, отвратное, плохое — мы только со своей позиции рассуждаем. Делим на плохое и хорошее, на здоровье и болезнь... Но, то общество, в котором много наркоманов, вот то общество нездоровое, само общество.

Я. То есть, если брать общество в целом — оно нездоровое, а если конкретный случай, то надо судить в каждом конкретном случае, так я тебя поняла?

Н. Да, конечно.

Я. А если бы у тебя была любимая женщина, которая стала бы употреблять наркотик, или ребенок, как бы ты к этому отнесся? Твоя реакция на это?

Н. Моя реакция? Я бы, конечно, своего дитя сам бы познакомил и объяснил ему, что есть такие вещества, и так далее, и можно было бы вместсе с ним и попробовать, но для этого надо стать для дитя очень дорогим, очень ценным человеком, другом и учителем.

Я. А если ему понравится?

Н. А вот чтобы это не понравилось, нужно... это ведь не делается таким образом, что вот, пацан рос на кухне, а потом папаша его подозвал — давай попробуем... Может быть, я идеализирую, но я считаю, что нормальная семья — это та, где родители действительно имеют большой авторитет, где абсолютно нет никаких секретов, где можно на самом деле общаться на равных. То есть, обсуждать эту житуху полностью, нету никаких табу. И когда дитя привыкнет все получать не где-то на улице, в смысле, знания, а... черт побери!..

Я. Я понимаю, о чем ты говоришь.

Н. Ну скажи ты, я послушаю. Мне почему-то трудно так...

Я. Чтобы ребенок был в курсе твоего отношения к этому, твоего отношения к тому, как если бы он по-

пробовал и что было бы, имел бы информацию о наркотиках на фоне знания твоего отношения к жизни, считал бы родителей друзьями и, в общем-то, даже если бы знал, что ты, например, периодически употребляешь наркотики, видел бы альтернативу этому. То есть, он бы знал, что можно употреблять так, как, скажем, ты, но это дано одному на несколько, к примеру, тысяч. А остальные приходят к этому, этому, этому. Так?

Н. Нет. Не только это. То, что я избранный на несколько тысяч — это, я бы сказал, благодаря небу... Если бы были счастливые, удачные семьи, то не было бы такого количества токсикоманов и наркоманов. А семья нормальная может существовать только в нормальном обществе.

Я. Я недавно общалась на эти темы, и в разговоре возникла такая схема: вот наркоман — человек, которого обычным людям понять очень сложно. Утром у него рай, вечером может быть ад. То есть, резкие перемены психического и физического состояния человеку, не употребляющему наркотики, живущему по менее заданным ритмам, более спокойно, если так можно сказать, понять сложно. И вопрос возник — стоит ли за рай платить адом? Мне многие отвечали: да, стоит.

Н. Понимаешь, значит они не знают, что такое ад. Не в полной мере знают. С моей точки зрения — не стоит... По-моему, это ложь самому себе, что рай стоит ада.

Я. Это из серии гордости, что «я — наркоман»?

Н. Я расположен думать так.

Я. Во всяком случае, на вопрос, что ты потерял, что приобрел от употребления наркотиков, мне отвечали: «Я приобрел свободу!»

Н. Свободу? Но это иллюзия — он не свободен.

Я. Вот и я думаю, что он променял одно рабство на другое, причем далеко не освободившись от первого.

Н. Да. О какой там свободе речь!.. Может быть, они под словом «свобода» что-то другое имеют в виду.

Я. По-моему, имелось в виду состояние души, когда человек чувствует в себе способность не то, чтобы плевать на всех, а чувствует в себе честное пренебрежение ко всем. Абсолютно. Что все ему до «фонаря». Вот это у них называлось свободой.

Н. Нет, это не свобода.

Я. А что это?

Н. Это и есть пренебрежение, презрение. Себялюбие, эгоизм.

Я. Да, и вот они вроде бы получают какое-то эфемерное право презирать других, им кажется, что они его получают...

Н. Нет, они получают это право, потому что это сами люди оплеванные. Заплеванные в свое время, в детстве...

Я. То есть, ты считаешь, они просто компенсируют?

Н. Да. Настала их пора плевать, может быть, они наслаждение испытывают...

Я. То есть, когда дальше, вроде, идти некуда, и они это понимают, они повернулись спиной к стене, лицом к остальным и сказали: «Пошли вы на фиг!»? Это, может быть, проклятие перед расстрелом?

Н. Нет... Потому что если он отвернется от всех к стене, а ты скажешь ему: «Повернись, вот здесь — куча мака», он обернется.

Я. Послушай, ну, а какой выход из этой проблемы? Есть выход?

Н. Надо давать ребенку альтернативу. Чтобы человек раньше чувствовал себя человеком. Чтобы ребенка не начинали унижать с детского сада.

ТРЕТЬЕ ИНТЕРВЬЮ

На этот раз мне не пришлось обещать собеседнику полную анонимность. Зав. кафедрой психиатрии Ставропольского мединститута проф. В. Чудновский любезно согласился прочитать и обсудить черновик этой рукописи.

Я. Как вы восприняли вот такой подход к этой проблеме?

Ч. Сам принцип я воспринял очень положительно. Вы сделали в какой-то степени то, о чем я долго думал — чтобы доходило до сердца читателя, как-то затрагивало его, вызывало сопереживания. То есть, вы сделали это с литературным профессионализмом. Что касается, насколько это получилось или не получилось...

Я. Что вам показалось недостоверным?

Ч. Сторона наркологическая показалась достаточно достоверной. Во всяком случае, это фотографично, видимо, списано с наркоманов реальных, мне очень импонирует то, что здесь не делается акцент в первую

очередь на то, что они являются наркоманами, акцент делается на то, что это люди. Со всеми своими человеческими интересами, отношением к своему пороку, с отношением к другим людям, страдающим этим пороком, вообще к жизни как таковой. И это выступает на первый план. Мне кажется, что это абсолютно правильный подход, потому что набило оскомину, когда вместо человека выписывается порок, он не может служить уже ни познанию, ни убеждению, ни целям пропаганды каких-то идей. А здесь, несомненно, присутствует такое эмоциональное содержание, а вместе с тем — большая точность в описании. Хотя, я бы сказал, что эти вещи — вот тут имеется четыре таких рассказа, диалога — не равнозначны. Я прочитал с огромным удовольствием — «Диалоги на тему Светы Алексеевой» — вещь, которую я без преувеличения назвал бы выдающейся.

Я. Чем она показалась вам выдающейся?

Ч. Человек, о котором идет речь — молодая женщина, больная наркоманией — отсутствует. Но вот в этих разговорах, носящих, я бы сказал, систематический и типичный характер, эти суждения, замечания отдельные, и вот — вырисовывается человек с ее проблемами, а главная ее проблема заключается в ее беде, в том, что она привыкла к употреблению наркотиков и уже не может без них обходиться.

Я. Я хотела сделать в этом рассказе слепок нашего типичного отношения к этой проблеме... И, в частности, вот позиция врача — ваше отношение к этой позиции?

Ч. Думаю, что если такому врачу дать лечить вот эту самую Свету, то я не верю даже в минимальный процент положительного результата.

Я. То есть, для положительного результата что нужно?

Ч. Для положительного результата нужно вложить в больного кусочек своей души.

Я. То есть, нужно сочувствие?

Ч. Сочувствие — я бы даже не сказал. Сочувствие — оно всегда подразумевает чисто бытовое общение. Человека с человеком. Когда можно посочувствовать чему угодно, не будучи даже согласным, не ставя перед собой какую-то цель и задачу. Я бы сказал, не столько сочувствие, сколько понимание. Надо попытаться вжиться в человека, попытаться встать на его позиции, не отбрасывать его проблемы напрочь, как не имеющие к

тебе самому никакого отношения, как будто между тобой и твоим пациентом находится какая-то стена.

Я. Стеклянная.

Ч. Да. То есть, она сама по себе подразумевает, что ты сам стоишь на иной позиции, что с тобой ничего подобного не будет. А между тем это далеко не так. Тебе повезло, ты попал в такие условия, где с тобой не случилась эта беда, но, кто знает — могла бы и случиться и могли бы роли поменяться. А ведь давно известно — не пожелай другому того, чего не пожелал бы себе. То есть Сима — это неприятный персонаж, хотя она выписана достаточно реалистично, и такие отношения бывают...

Я. С психиатрией сталкивалась не так много, но мне, как это ни грустно, такое отношение показалось достаточно типичным. И у меня возникло подозрение о связи малого эффекта от лечения наркоманий и подобного отношения к этому.

Ч. Ну, я бы не был столь категоричен. Но я бы мог сказать, что такое бывает. Несомненно. И несомненно, бывает нередко. А вот насколько такой подход типичен, насколько преобладает, или наоборот, я сказать затрудняюсь.

Я. А если такое бывает, то часть вины за неизлечение ложится на врача?

Ч. Отчасти на врача, а во многом — большая доля вины — ложится на отношения, существующие в обществе. Мы ведь большей частью судим так: если врач кончил мединститут, произнес клятву Гиппократа, то он уже какой-то иной человек. Нет, он не перестает быть членом этого общества. И сколько бы ни старался быть лучше, честнее, все это будет только на поверхности. По сути дела, врач — заложник того общества, в котором он живет. И он поступает так, как требует общество. Общество у нас, в общем, отвергает людей, страдающих алкоголизмом, наркоманией. Но здесь даже не столько сейчас нужно преобразовывать мораль и нравственность общества, а нужны четкие и жесткие инструкции. В западных странах предусматривается, что, скажем, какой-то процент из числа принятых на работу должен быть по направлению психиатрических и наркологических учреждений. И если хозяин фирмы уклоняется от этого, то предусмотрен существенный штраф. Я думаю, что такой штраф должен быть наложен не на предприятие или организацию, как у нас принято, а лич-

но на виновника. Кто нарушает эти инструкции. То есть, нужно предусмотреть, прежде всего, возможность трудоустройства. Без высоких слов дать возможность этим людям на что-то существовать. И честным путем зарабатывать на свою жизнь С этого, по крайней мере, надо начать.

Я. Давайте перейдем от рассказов к людям, употребляющим наркотики, которые комментировали художественные тексты. Насколько, по-вашему, они были откровенны, даже не со мной откровенны, а сами с собой?

Ч. Это сложный вопрос... Насколько человек вообще бывает откровенен с собой? Особенно когда сознается в чем-то дурном? Все-таки, как ни говори, а злоупотребление наркотиками не украшает человека. Конечно, здесь всегда вступают в действие механизмы компенсации и гиперкомпенсации. То есть, чувство своей неполноценности, своей социальной ущербности, оно как-то покрывается другими вещами, ну, например, стремлением порисоваться, показать себя более значимым, чем есть на самом деле. Это довольно типично. По крайней мере, многие наркоманы убежденно твердят о том, что тот, кто не пробовал наркотик и не знает что такое «кайф», тот вообще ничего в жизни не видел. И это, кстати, один из аргументов, который действует на новичков, которых они пытаются пристрастить к употреблению наркотиков. Поэтому здесь какая-то рисовка, несомненно, всегда присутствует.

Я. А вот в первом и во втором комментарии она одинаково присутствует?

Ч. По-моему, она есть и там, и там. Где больше, мне трудно сказать. Но здесь есть еще одна вещь — в конце концов вот эта гиперкомпенсация, она уже настолько смыкается, спаивается с человеком, что это уже нечто наносное, а она уже сама становится личностью человека. То есть, эта игра и рисовка уже не осознается субъектом.

Я. Во всяком случае, особенно в первом комментарии, когда я ставила очередной вопрос и, отвечая на него, выходило, что комментатор сам себе противоречит, в какой-то момент на лице его я улавливала испуг. А потом, когда он находил, как ему казалось, какой-то выход вот из этого логического противоречия, то он явно испытывал какое-то облегчение. Мне показалось, что он тоже боится каких-то неувязок.

Ч. Ну, когда мы говорим «боится», то это уже подразумевается, что он сознает, что его отношение к своему пороку является не точным, а несет в себе наигранность.

Я. Да, я бы сказала, что он очень не хочет это осознавать. Потому что вот эти два комментария — личности очень нестандартные, изначально.

Ч. Да, одна из них.

Я. Которая?

Ч. Вторая. Этот более изощренный, умный, понимающий, более самокритичный.

Я. Кстати, раз уж мы начали о втором комментаторе. Вот он утверждает, что сумел остаться на стадии психической зависимости, что никогда не знал, что такое «ломка». И он сам много раз повторял, что это исключение, и что он благодарен Богу, что не знает, что такое «ломка». Это действительно исключение? И если да, то сколько подобных случаев встречается среди обычного течения наркомании?

Ч. На этот вопрос трудно ответить, потому что мы не располагаем данными сплошных исследований наркоманов. Как всегда, врачи более мрачно смотрят на вещи. Не потому, что они такие скептики, а потому, что им приходится иметь дело с теми больными, которые не выздоравливают, у которых болезнь протекает плохо. Те же, у кого болезнь протекает легко, просто выходят из нашего поля зрения, мы их не видим. Поэтому наше впечатление всегда более пессимистическое, чем это есть на самом деле. Во всяком случае, мне приходилось видеть многократно людей, которых приходилось консультировать по совершенно другим поводам, но которые сообщали, что ранее, несколько лет назад, они длительное время злоупотребляли наркотиками, скажем, курили анашу, а потом бросили и не испытывали никаких особых трудностей после этого. Поэтому я вполне могу допустить, что существует какая-то часть наркоманов, не знаю, большая она или маленькая, у которых если и есть физическая зависимость, то она не так уж резко выражена, и которые поэтому способны самостоятельно бросать.

Я. Даже если они уже употребляют опий?

Ч. Вот на счет опия трудно сказать. Мы ведь сейчас так редко видим «чистые» случаи наркоманий. Принимают все подряд. Там и опий, и анаша, и эфедрин, и все, что угодно.

Я. А может быть, это и способствует возникновению психической зависимости, но отдаленно физической, ведь вещества разные?

Ч. Нет, скорее, я думаю, здесь нечто другое. Скорее всего это то, что наркоманы стали более «профессиональными».

Я. Более социально адаптированными?

Ч. Да. Они лучше знают эффект от приема наркотиков, они контролируют их прием друг у друга, они поддерживают употребление на каком-то более-менее приемлемом уровне, не доводя обычно употребление до такой степени, чтобы это представляло для них большую опасность, хотя судебные медики все-таки говорят, что примерно раз в неделю они производят вскрытие наркомана, погибшего от передозировки наркотиков.

Я. В Ставрополе?

Ч. Да.

Я. А вот насколько реально требовать от наркомана полного прекращения употребления наркотиков? Или реальнее согласиться с эффектом лечения, когда он обходится какими-то минимальными поддерживающими дозами? Вот, по-моему, в Голландии доступ к наркотикам открыт наркоманам, чтобы избежать повышения преступности?

Ч. Мы позже приступили к борьбе с наркотиками и наркоманами... И мы находимся на более ранней стадии, когда считается аксиомой, что нужно добиваться полного прекращения.

Я. А лично ваше отношение к этой проблеме?

Ч. Лично мое отношение... Я реалист и считаю, что если полного прекращения мы добиться не можем, то надо идти на компромиссы. Но мы не можем идти на компромиссы, потому что таким путем мы совершили бы уголовное преступление. Мы бы сами поощряли наркоманию, снабжали наркотическими веществами, совершали действия, предусмотренные в уголовном кодексе. Так что говорить обо всем этом можно чисто теоретически.

Я. У нас часто в литературе встречается утверждение, что наркомания ведет к импотенции у мужчин. А я встречала книгу американского сексолога, в которой в главе «Секс и наркотики» утверждается, что некоторые наркотические вещества обостряют сексуальные ощущения.

Ч. Я думаю, одно другому не противоречит. На ранних стадиях, вероятно, прием наркотиков, но не всех, может обострять все ощущения, в том числе и эротические, но в последующем, а мне приходилось видеть наркоманов на очень отдаленной стадии заболевания, там угасают уже все чувства и влечения, в том числе и сексуальные и все, что с ними связано. Так что здесь все зависит от степени выраженности этого пристрастия и от стадии развития его.

Я. То есть, если наркотики употребляются эпизодически, то это может не привести к расстройству сексуальной сферы?

Ч. Нет, нет, разумеется. Эпизодическое употребление не приведет к этому.

Я. Но ведь мало кто удерживается на стадии эпизодического употребления?

Ч. Опять-таки это наша неполнота знаний. Потому что те, кто удерживается на грани социально относительно приемлемой, те очень редко попадают под наблюдение психиатра.

Я. Мне кажется, что для того, чтобы удержаться на вот этой грани, нужна очень большая сила воли и довольно высокое самосознание, чего от человека не всегда можно ожидать.

Ч. Может быть, здесь разные индивидуальные свойства. Потому что насыщение этого наркотического голода, происходит по-разному. Одним требуется довести себя до состояния очень глубокого наркотического опьянения, другим лишь умеренное введение, и они вполне этим удовлетворяются.

Я. Я расспрашивала наркоманов, кто из их окружения сумел удержаться на грани эпизодического употребления наркотиков, и мне все отвечали, что это единицы. Большинство все-таки уходит за стеклянную стену?

Ч. Да, конечно, на этой грани остается меньшинство. Наверное, меньшинство. Хотя среди таких «эпизодических» преобладают «подпольные», если так можно выразиться, наркоманы, о которых не знает не только милиция и наркологические учреждения, но даже родственники. Сплошь и рядом в течение многих лет не догадываются, что они употребляют наркотические вещества.

Я. В принципе, вот эти комментаторы — они и есть эти «подпольные» наркоманы, я говорила с ними не в больнице, они вполне социально адаптированы.

Ч. Да, я так и понял.

Я. А вот теперь такой вопрос — наркотики и интеллект, наркотики и личность. Насколько наркотики на это влияют?

Ч. Влияют очень сильно. В общем-то, высокоинтеллектуальных людей трудно представить себе наркоманами. Во-первых, духовно богатый человек не стремится к употреблению наркотиков. И если такое случается с человеком, то результат случайности — скажем, те, кому наркотики вводились по медицинским показаниям.

Я. А вот одного из комментаторов я бы все-таки назвала интеллектуальным человеком. Может быть, это шло параллельно, скажем, в подростковом возрасте он попал, как многие, в эту систему — анаша — опий и так далее...

Ч. Тут надо определиться в том, что такое высоко интеллектуальный человек. Судя по беседе, это человек достаточно шлифованный, достаточно грамотный, начитанный. С богатой речью и с умением анализировать себя и, вероятно, других людей. Это так. Но здесь еще не раскрыто другое качество — насколько он духовно полноценный человек. Насколько у него до того, как он начал употреблять наркотики, был духовно богатый внутренний мир?

Я. Он был еще подростком.

Ч. Да, большинство подростков, употребляющих наркотики, на вопрос, почему начал употреблять их, отвечают стандартно: «Скучно». Мы сразу кидаемся в крайность и считаем, что недоделали что-то для нашей молодежи, что недостаточно кафе, кинотеатров, клубов, самодеятельности, при этом имея в виду, что надо как можно больше времени занять свободного, чтобы у них руки не дошли до наркомании. Я думаю, это верно лишь отчасти. Скучно человеку бывает, когда у него нет своего собственного внутреннего мира. Потому что можно быть ничем не занятым, но не испытывать скуки даже наедине с собой. Нет способности заполнять свой внутренний мир не просто интересными делами, а я бы сказал интересными мыслями.

Я. А чья вина в этой неспособности?

Ч. Вина, вина... Трудно сказать. Можно привести примеры. Консультировал мальчика лет 14—15. Я бы не сказал, что семья плохая. Обычная нормальная трудовая семья. Отец инженер, мать тоже технический работник. У них свой дом, они увлечены устройством сво-

ей семьи. Ничего в этом плохого нет. Держат кроликов и еще каких-то животных, получали приличные доходы. Этот мальчик тоже был приобщен к этому семейному труду. Он очень практичный мальчик. Прекрасно знает, что стоят деньги, что можно на них купить, как их можно заработать. У него цель четкая. Он учиться не хочет, поэтому ведет себя отвратительно и заявляет, что и дальше так же будет до тех пор, пока его не выгонят из школы. Чтобы он смог тогда заняться делом — а хочет он пойти работать плиточником. Потому что он прекрасно знает, что плиточник может очень хорошо заработать. Это составляет основу его интересов. Мы, конечно, готовы ополчиться на такого ребенка. Который, еще не начав жить, уже построил свои планы на чисто материальном интересе. С другой стороны, а что здесь плохого? Зачем десятки, сотни, тысячи таких же, как он, протирают штаны на школьных партах, не проявляя при этом никакого интереса к учебе? Лучше они, хотя бы из меркантильного интереса, но занимались делом. И приносили бы пользу, кстати говоря, другим людям. Так что если посмотреть с этой стороны, то ничего плохого в этом нет. Просто не дают мальчику заниматься тем, чем он хочет. А семья трудовая, и он вырос таким же трудолюбивым, но у них ничего, никаких интересов, выходивших за рамки материальных, не было. И они все достойные трудовые люди.

Я. А мальчик употребляет наркотики?

Ч. А мальчик употребляет наркотики. Правда, от случая к случаю, в компании. Пристрастие у него еще отсутствует. Да он и сам говорит, что наркоманом он быть не собирается.

Я. И скорее всего не будет?

Ч. И скорее всего не будет.

Я. А вот наиболее типичные приходы подростков к наркомании?

Ч. Все говорят, что «скучно».

Я. Это стопроцентно?

Ч. Это приближается к ста процентам. Скучно и все. Но я еще раз хочу повторить, что это нельзя отнести только к недостатку развлечений. Но проблема досуга молодежи остается, я вовсе не хочу снижать ее остроту. У этих молодых людей нет выраженных потребностей... Вот у этого мальчика есть — он поставил себе задачу — хочет работать, много зарабатывать, у него четко выработанное в семье понятие о смысле жизни. Мы

можем его уважать или не уважать, но не можем не согласиться с этим.

Я. Я хочу все-таки подчеркнуть — имея в жизни цель, он, хоть и начав употреблять наркотики, наркоманом не будет. А его друзья, которым «скучно», в смысле «пусто», они будут?

Ч. А они будут.

Я. А вот вообще проблема подросток и наркотики. Мне кажется, это принимает в последнее время уже зловещие масштабы. Это реальная ситуация или мое мнение?

Ч. Тут чисто профессиональный опыт может не дать четкого представления. Но мне приходится ездить довольно-таки много по краю, я читаю лекции, и в основном по теме «наркомания» приглашают в школы и ПТУ. И всегда перед лекцией я выясняю обстановку в этой школе — насколько часто бывают у них случаи употребления, насколько проблема реальна. Я бы сказал, что в подавляющем большинстве школ и в части ПТУ такой острой проблемы пока что нет. Тревожит то, что она может возникнуть. Потому что за последнее десятилетие тенденция к нарастанию явно имеется. Поэтому тревога не должна нас оставлять. Но, вместе с тем, говорить, что наступила уже катастрофа, я бы считал явным преувеличением. Хотя, если взять детей и подростков, которые пробовали из любопытства наркотики, их очень и очень много. Если судить по их собственным высказываниям, то в некоторых школах и СПТУ — полкласса, а то и больше пробовали курить анашу или нюхать средства бытовой химии. Но попробовав, не получив удовлетворения, отказывались от дальнейшего употребления. Удовлетворили любопытство.

Я. Попробовать — это естественно?

Ч. Естественно, но крайне нежелательно. Потому что всякая наркомания тоже начинается с пробования.

Я. Вот, катастрофы еще нет, но она начинает ощущаться в воздухе. Что нужно делать, чтобы ее предотвратить? Скажем, конкретно родителям? Если они замечают, что подросток начал пробовать. Что им делать? И как заметить?

Ч. Замечать, наверное, это все знают, как. Сейчас все родители подростков озабочены этим.

Я. Все-таки, первые симптомы?

Ч. Очень многие родители проверяют карманы и иногда находят там какие-то таблетки или головки ма-

ка, и это служит поводом к беспокойству. Часто начинается с того, что дома пропадают деньги. Тогда начинают свое «семейное расследование», и выясняется, что все деньги пошли на приобретение наркотиков. Ну, нередко в школе выявляют — семья получает из школы сигнал.

Я. А в плане поведения? Как ребенок меняется?

Ч. Признаки неспецифичны. Портрет наркомана очень расплывчат. Поэтому многие попытки с помощью массовых исследований обнаружить типичные черты личности, обеспечив, тем самым, раннюю диагностику наркоманий, они пока не дали результатов. Я бы выделил несколько характерных типов. Во-первых, это молодые люди более менее интеллектуальные, и не очень общительные, иногда из интеллигентных, культурных семей. У них обычно скрытое чувство недовольства собой, своей судьбой, иногда безосновательное, связанное с очень завышенным представлением о своих способностях, нередко подогреваемое тем, что слышат, за границей живут их сверстники более полноценной богатой духовной жизнью, более обеспеченной жизнью. Вот это все создает у них ощущение постоянного недовольства собой. Они где-то узнают... или случайно, они обычно в контакте не с большой компанией, а с одним товарищем, употребляющим наркотики, они получают все необходимые сведения и большей частью не заводят больших компаний и продолжают действовать в одиночку или в паре с кем-то. Мне приходилось видеть такую супружескую пару... У них обычно преобладает такой апатический вариант — люди бездеятельные, разочарованные во всем, мало чем интересующиеся. Но трудно сказать, насколько это результат воздействия наркотиков. Скорее всего, это может быть лишь некоторое усиление тех черт, о которых сообщил раньше.

Очень большой процент, преобладающий, это подростки «непутевые». Те, у кого с первого класса отмечалось отсутствие интереса ко всякого рода школьным знаниям, а иногда прямое противодействие. Шалуны, вначале беспечные и симпатичные, которые просто получали удовольствие, убегая из школы, занимаясь мелкими шалостями, безобразиями, а потом, дальше, когда они попадают в компанию, где уже настойчиво, назойливо им рекомендуется употребление наркотиков, они хватаются за это дело. Тут компания полностью отвечает их кругу интересов. При применении наркотиков

у них усиливаются все эти черты. Еще более гаснут все прежние интересы, хотя и раньше они не были выражены, ну, хотя бы формально были,— что-то учил или ходил в какую-то спортивную секцию, кружок, но тут все это забрасывается и только лишь новый мир, новые отношения с подростками в этих группах являются стандартами поведения, единственным, что составляет интерес. Тут возникает еще больший распад семьи, хотя я должен сказать, что у наркоманов вообще и до употребления наркотиков семейные связи были очень слабыми, поэтому и страдания близких, узнающих об употреблении наркотиков, на них не влияют ни в какой степени. У них нет сочувствия к близким. Единственное, чего они желают — чтобы от них «отстали».

Я. Употребление наркотиков, как правило, начинается на фоне ослабленных семейных связей?

Ч. Да, ослабленные связи. Внутрисемейные, конечно. И что обращает на себя внимание — может быть, это типично стало для нынешних таких полукультурных семей — то, что родители бывают иногда очень заботливыми. Но только в отношении питания, физического развития, здоровья. Иногда доходит до смешного — таскают ребенка по врачам по поводу проблематичного холецистита, и не выказывают беспокойства, узнав, что их девочка уже в компании пробует анашу. Помню случай, когда я сказал в подобной ситуации: «Девочку нужно класть в больницу, иначе она сама не бросит ее курить». Мама вся встревожилась и заявила: «Как же так в больницу, а кто же ей обеспечит диету, ведь у нее холецистит!» Я ей долго объяснял, что речь идет не о холецистите, а вся жизнь дочери поставлена на карту. По-моему, она так ничего и не поняла.

Я. Хорошо, вот родители тем или иным способом узнали, что ребенок их периодически употребляет наркотики, что делать? Нужно ли на ранних стадиях обращаться к наркологу, ведь это повлечет за собой позор, постановку на учет, и насколько этот вред и польза от визита к врачу друг друга уравновешивают?

Ч. Надо сказать, на практике получается так, что родители всеми силами защищают своего ребенка до тех пор, пока им самим не потребуется от него защита. Вот когда уже начинают таскать деньги, продавать вещи, когда дерзко, грубо и агрессивно начинают вести себя по отношению к близким, вот тогда они бегут в милицию, в школу, к наркологу, забывая о том, что упу-

стили уже тот момент, когда им предлагали лечить подростка, но, так как у нас нельзя лечить до 16 лет без согласия родителей, то момент был упущен, а теперь они не стесняются обвинять всех окружающих, что ребенка довели до того, что он пристрастился к наркотикам...

Я. То есть, как правило, есть период, когда формируется наркоман, и когда родители об этом знают и не делают ничего...

Ч. Знают и пытаются что-то делать своими средствами — мама плачет, отец ругается, иногда и ремень в руки берет.

Я. И насколько могут быть эффективны такие средства? И какие вообще эффективны?

Ч. Да никаких, собственно, средств, кроме как длительное пребывание в закрытом стационаре при полном отсутствии применения наркотиков и психотерапии воспитательно-координационного плана, ни у нас, ни за рубежом в настоящее время не существует. Другое дело, что делать после того, как такой подросток лечился длительное время...

Я. Длительное — это, как я понимаю, 60 дней по инструкции.

Ч. Да, это так предусмотрено... Это мало. Американцы считают, что эффективно лечение не менее года. Но дело даже не в этом. А в том, как обеспечить последующую реабилитацию.

В идеале нужно, конечно, лечить всю компанию, чтобы обеспечить последующую реабилитацию. Особенно включая лидера. Но удается это далеко не всегда, если говорить правду, то никогда. Мне не приходилось видеть, чтобы такое удавалось. Поэтому, выписываясь, они попадают в ту же самую компанию и идут по той же самой дорожке. Мы ведь чаще просто говорим о реабилитации, а ничего конкретно не делается. Реабилитация за границей это, как правило, работа энтузиастов, каких-либо религиозных организаций, Общества Красного Креста, лиц, сумевших бросить употребление наркотиков, так или иначе, это благотворительные общества. А достаточно все это поставить в рамки обычной нашей бюрократической системы, как от всей этой реабилитации не останется ничего абсолютно. Там будут люди на зарплате, они будут писать планы, отчеты, толку не будет никакого.

Я. Я почему задала этот вопрос... Меня всегда не ус-

травило явное противоречие между тем, что должно быть, и тем, что происходит на самом деле, когда я вижу этих подростков в наблюдательной палате в нашей конкретной психбольнице. Я не верю, что они там лечатся. Что все-таки конкретно могут сделать родители? Могут ли они выступить теми самыми энтузиастами, о которых вы говорили? Что все-таки делать? Может быть, дифференцированно отнестись к врачу? Или проконсультироваться в какой-то момент, исходя из особенностей подростка? Сменить место жительства?

Ч. Сменить место жительства у нас почти невозможно. И это тоже не дает гарантии. У наркоманов есть изумительная способность каким-то седьмым чутьем угадывать среди окружающих своих коллег по пристрастию. А с родителями... Дело в том, что с родителями обычно очень напряженные отношения устанавливаются, а это не лучшая база для того, чтобы выявить... Родителям надо, конечно, как только они увидели вот такую беду, им нужно пересмотреть всю историю своих отношений с ребенком. Пересмотреть начисто. И исключить такую возможность, чтобы умные и тонко чувствующие родители не смогли бы поправить эту беду, я не могу. Хотя большей частью этого не получается. Потому что сами родители слишком склонны себя самооправдывать. У людей мы как-то редко видим чувство собственной вины, зато очень часто видим чувство вины других. Для того, чтобы пересмотреть отношения с ребенком, нужно, чтобы отец и мать смогли испытать это чувство вины.

Я. Обладая, видимо, достаточным интеллектом при этом.

Ч. Иногда заменой интеллекту служит полная развитость чувств. Иной раз чувства действеннее, чем логика и рассудок. И только тогда родители смогут попробовать восстановить нарушенные отношения. Это первое. Второе — они должны найти в ребенке, который начал употреблять наркотики, отражение самих себя. Увидеть в себе самих то, что выразилось у него в форме пристрастия к одурманиванию. Чаще всего духовную обезличку и духовную бедность. Отсутствие его заинтересованности в повседневных, каждодневных делах.

Я. То есть, нет «духовного» цемента с людьми?

Ч. Вот если родители смогут это сделать, то не исключена возможность, что они смогут найти какой-то радикальный подход к своему ребенку и восстановить те

порвавшиеся связи... Но все-таки, реально, если это будет человек посторонний, с которым еще не сложились устойчиво-отрицательные отношения, это будет лучше, я думаю.

Я. Мне кажется, что на этом начальном этапе наркомании действеннее была бы помощь, консультация психолога, а не нарколога. Так ли это?

Ч. Не говорите мне о психологах. Я отношусь с уважением к любым коллегам, но у меня мнение такое — если что-то хотите напрочь запутать, привлеките к этому психолога. В нашей стране психологии, по сути дела, нет. Специалистов таких у нас нет.

Я. А психотерапевты?

Ч. Психотерапевтов у нас мало. А талантливых психотерапевтов еще меньше. Если в Америке психотерапевтов и психиатров больше, чем всех врачей, вместе взятых, то у нас их единицы. И если психотерапевт на Западе обучается в интернатуре 5—8 лет, то у нас считается, если он прошел 2-месячные курсы и получил диплом, то он уже психотерапевт. Я бы сказал, что психотерапевтов у нас тоже нет. У нас есть отдельные талантливые одиночки-самоучки.

Я. А все-таки, если исходить из бытовой точки зрения... Вот — началась такая беда в семье. Кроме того, что заглянуть родителям в себя, может быть, уместно посоветовать найти вот этого талантливого самоучку и попросить у него помощи?

Ч. Они обычно очень дорого берут...

Я. Тут уж не до денег.

Ч. Да... Но главное — где его найти? Где его найти? Не все, кто дорого берет — талантливые самоучки. Большей частью это просто элементарные бездари, у которых есть одна способность — вселять к себе доверие, попросту говоря, умение обмануть большое количество людей. Особенно тех, кто находится в очень тяжелых обстоятельствах. Я бы дал очень хороший совет обратиться к психологам, психотерапевтам, но у нас их нет.

Я. Родителям остается надеяться в этом случае самим на себя?

Ч. Да, самим на себя или на людей... просто душевно богатых. Это может быть тренер, это может быть учитель, друг семьи, наконец, милиционер из детской комнаты милиции, это может быть кто угодно. Определяется не должностью, а такими уникальными, чисто

человеческими качествами. Если такой человек найдется, это благо.

Я. А если родители не смогли сами помочь, и человек не нашелся, надо обращаться к наркологу?

Ч. Да. Я бы сказал вот что, перефразируя слова Уинстона Черчилля, я бы сказал так: «Наркология — это очень плохо. Но лучшего еще никто ничего не придумал». Потому что это — единственный шанс. К великому сожалению, у нас другого шанса нет. У нас в стране до крайности запущен этот раздел.

Я. Где та грань и существует ли она, когда человеку еще можно вернуться назад? Название «За стеклянной стеной» — не случайно. Стекло становится все толще, и вот вещь вроде хрупкая, а уже не разбить.

Ч. Знаете, я считаю, что грани ставить не надо. Надо считать, что в принципе возврат возможен в любом случае. Хотя, чем более запущенный случай, тем меньше шансов. Но все-таки, какой-то шанс всегда должен быть. И если смотреть на человека уже как на потерянного, мне кажется, тогда не стоит им заниматься. Вот это — бесполезно.

Я. Как могут помочь увеличить шансы наркоману обычные окружающие люди? Насколько играет в этом роль холодное презрение окружающих, или сочувствие и поддержка их же?

Ч. Наверное, помощь со стороны нужна. А помощь без сочувствия невозможна. Сплошь и рядом у нас, даже среди врачей, распространена такая «мода» — ругать. Как-то это вошло в привычку, стало традицией, хотя надо было бы подумать о том, что прежде чем человек поступил на лечение, его уже двести раз ругали. И толку от этого нет никакого. Поэтому, даже если исходить из чисто практических соображений, не стоит терять на это время...

А что вы, собственно, хотите из всего этого сделать?

Я. Из интервью с вами я сделаю заключение. Последнее слово всегда должно оставаться за профессионалом, который указывает объективное место различным субъективным мыслям и мнениям, все обобщает и дополняет.

Ч. А в целом?

Я. А в целом мне просто очень хотелось помочь хоть кому-нибудь, хоть в чем-то, стоящим по ту или по эту сторону стеклянной стены.

ИЗ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

За чужое здоровье выпиваешь,
а свое пропиваешь.
Река начинается с ручейка,
а пьянство с рюмочки.
Вечером пьяница — утром лентяй.
Сам пьет, а семья слезы льет.
Вино полюбил — семью разорил.
Пьяный не ко двору.
Вначале человек пьет вино,
а затем вино пьет человека.

НОЧНЫЕ
БАБОЧКИ
ЕФИМ ФЕОДОРИДИ

Еще несколько лет назад, человек, рискнувший высказать свою тревогу по поводу нарастающей в нашей стране проституции, был бы обвинен общественностью в идеологической незрелости или кое в чем похуже. Теперь же вдруг общество прозрело, и многие с интересом читают публикации о «жрицах любви», как развлекательные журналистские поделки. Да и новость ли это для нас на самом деле? Раньше об этом судачили в кругу близких, веселясь или притворно охая. Кое-кто, пожимая плечами, изрекал: «У нас? В нашей-то социалистической стране, где для этого нет социальных условий, где раскрепощена и счастлива женщина? Да нет. Не может быть! Это единичный случай».

Сегодня, однако, проблемы, рожденные проституцией, нарастают, как снежный ком. И пока не видны пути их решений.

А между тем все большее число чьих-то детей, сестер, жен выходят на «панель». Все большее число молодых считают эту профессию престижной, ведь она позволит им обеспечить безбедное настоящее, и мало кто думает о том, что настанет время «темного» будущего, которое, вполне вероятно, будет проходить в вендиспансере, у наркологов, а то и в местах, не столь отдаленных.

Только единицам может пофартить, как героине повести В. Кунина «Интердевочка».

Могут сказать: борьба с проституцией не проблема. Надо издать закон, собрать всех и на пяток лет сослать подальше, заставить работать и жить в таких условиях, чтобы по возвращении ни у одной и в мыслях не появилось желания вернуться к прежнему образу жизни. А наиболее горячие приветствуют опыт освобожденного Сайгона, где наиболее одиозных проституток заживо сожгли в публичном доме. Только, думается, эту проблему силовым методом не решить, как не решили ее тогда в Сайгоне, как не решили у нас, к примеру, проблему алкоголизма.

История не знает решения ни одной серьезной социальной проблемы с помощью карательных мер. Рано или поздно все возвращалось на круги своя.

Разумеется, это не только наша беда. Во многих странах мира прохаживаются около гостиниц и ресторанов, кафе и просто по улице молодые девушки и женщины (а то и подростки 13—14 лет), высматривая тех, кому можно неназойливо предложить «хорошо про-

вести ночь» или «массаж и снятие напряжения». Себя они умеют предлагать на нескольких языках.

В ряде стран Европы, Скандинавии проституция официально легализована. Однако и там, где она запрещена законом, власти смотрят на это сквозь пальцы. Порой не без выгоды для себя. В любом случае каждое из государств имеет закон о проституции. Так, в ФРГ разрешены официально публичные дома, и большинство проституток имеют патенты. В квартале Сан-Паули (Гамбург) имеется 3000 зарегистрированных «ночных охотниц», не считая тех, кто работает нелегально, без патента. В другом районе Гамбурга, Репербане, в семидесятых годах открыли первый в Европе «Эросцентр», своеобразный «универсам» по торговле живым товаром — на любой вкус и возраст. Но сегодня индустрия сексуальных развлечений несет убытки.

В чем же причина упадка бизнеса? Конечно, в распространении СПИДа. Мужчины, боясь неминуемой смерти в случае заражения СПИДом, уже не так охотно попадают в сети амуров.

Идея обязательного медицинского контроля за проститутками находит все больше приверженцев. Медицинские работники трех лондонских клиник после годичного наблюдения за пятьюдесятью проститутками пришли к выводу о том, что официальные власти должны дать разрешение работать представительницам этой «древнейшей профессии», но при строгом медицинском контроле. Ведь, по данным обзора, опубликованного в «Бритиш джорнэл оф хоспиталь медсин», некоторые проститутки обслуживают за неделю до 200 страждущих. В настоящее время в лондонской больнице св. Марии проводится исследование, рассчитанное на три года, где 200 проституток в возрасте от 16 до 55 лет, получающих от 15 до 500 фунтов с клиента, будут проходить регулярный медицинский осмотр.

Удивительно, но даже полиция вполне терпимо отнеслась к идее легализации проституции. Рабочая группа Скотланд-Ярда в 1987 году выступила с предложением об официальном разрешении для желающих открыть бордели. И хотя это предложение было отклонено, но сам факт говорит об определенной направленности общественной мысли, ибо, как считает общество им. Жозефины Батлер, существующее законодательство в области проституции не защитит ни проституток, ни их клиентов от венерических болезней и СПИДа.

Кстати, в американском штате Невада несколько проституток, зараженных СПИДом, осуждены на 20 лет тюремного заключения. Американцы подтвердили проведенные в других странах исследования, из которых следует, что половина обследованных проституток оказались носителями вируса СПИДа, а наркомания в их среде имеет ужасающие размеры. В Амстердаме (Голландия) из 2000 обследованных проституток десятая часть заражена СПИДом.

Но и эта страшная опасность не останавливает вербовщиков проституток. В последнее время они увлечены поисками девочек «под тридцать», то есть тех, вес которых достигает тридцати килограммов, а это, как правило, дети 11—12 лет. Еще более чудовищные вещи сообщила газета «Норте», которая утверждает, что в городе Жоао-Пессоль (Бразилия) «девочки 8—9 лет согласны на все за порцию еды». Несчастные приезжают в город из сельских районов, где живут в условиях нищеты, крайней скученности и грязи. С раннего детства они видят насилие, пьянство, сексуальные сцены из жизни своих матерей, чаще всего проституток. Да и что делать родителям, как прокормить многочисленную семью, если безработицей в стране охвачено 40 процентов трудоспособного населения? Даже видавшая виды полиция не выдерживает такого варварства. В городе Дорадусе, например, закрыто 400 из 1200 «кукольных домиков», где зарабатывали себе на хлеб насущный несовершеннолетние проститутки, часто в возрасте до 16 лет.

Проституция проникла во многие сферы деятельности человека, даже в такие, как спорт, в частности, футбол. Вот что сообщает по этому поводу югославская газета «Мадьярсо». В набор сервиса самой фешенебельной Белградской гостиницы входят 20 «девушек». В отличие от других столичных товарок, рыскающих по городу в поисках заработка, эти работают в строго отведенное время и по контракту. Заказчиками выступают либо Югославская федерация футбола, либо самые богатые клубы высшей лиги, и в то время, как футболисты в поте лица выкладываются на тренировках, их боссы под брызги шампанского обхаживают судей и команды, продавая результаты матчей. «Когда переговоры заходят в тупик, в бой вступает главное оружие — женские прелести. Действуют безотказно»,— пишет газета. Работающие в этой гостинице — самые престижные проститутки — «девушки по вызову» — ввиду силь-

ной конкуренции для сохранения своей фигуры каждое утро по три-четыре часа занимаются в лучшем спортивном зале. Они должны уметь поддержать разговор с солидными клиентами, поэтому обязательно посещают театры, кино, вернисажи, не говоря уже о том, что имеют годовой абонемент на трибуну для почетных гостей главного стадиона Белграда. Для «личной» проститутки команда ничего не жалеет. Лучшие из них за одну ночь получают 400 тысяч динаров, треть из которых в качестве «налога» уходит федерации футбола за организацию встречи. Недавно, признается Роза, ее клиентом был известный голландский футболист — один из героев прошедшего европейского первенства. Причем, по ее словам, тренеры Голландии попросили федерацию Югославии обеспечить игроков команды «подругами», так как их визит действует на игроков как допинг. В последнее время в столице на проституток такого профиля, работающих по высшему классу (красота, эрудиция, умение подать себя, поддержать беседу), дефицит. Поэтому между ночными красавицами никаких склок и недоразумений: каждая занята до предела. Но ведь известно, что никто 400 тысяч динаров за ночь так просто не выбрасывает. Поэтому девушки очень стараются, зная, что от клиентов нередко зависит благополучие и успех клуба. Например, сексуальными услугами Лены, одной из столичных львиц, пользовались 40 арбитров. Соответственно качеству работы растет и популярность околоспортивных «ночных бабочек». Очень часто их «берут в аренду» другие клубы.

— Я спасала команду от перехода в низшую лигу,— нисколько не смущаясь заявила одна из красоток.

Секс используется и в политике. Победительница конкурса красоты, завоевавшая титул «Мисс Индия» в 1982 году Памелла Бордес, в середине 80-х годов перебралась в Лондон, где открыла собственное бюро по приготовлению ужинов для обслуживания званых вечеров. Познакомившись с людьми из «высшего политического света» Великобритании, Памелла, как об этом сообщил репортер воскресной газеты «Ньюс оф уордл», оказывала парламентариям и другие услуги, причем по «твердым расценкам»: 500 фунтов стерлингов за ночь и 2000 фунтов стерлингов за весь уик-энд. И в самом деле, кто не воздаст должное организованному ею сервису, если в столичную квартиру Памеллы был даже проведен звонок, который извещал гостей о том, что им следует отправляться в парламент на голосование!

Таковы масштабы проституции в ряде стран, где уживаются высокие заработки и нищета, надежды и разочарования.

Как же обстоит дело с проституцией в нашей стране?

В нашей прессе такая информация появилась лишь в последние годы. Мы вслух, не делая тайны, заговорили о росте проституции в стране, о том пагубном влиянии, которое она оказывает особенно на молодежь. Указываются их заработки, делаются попытки проанализировать их внутренние, личностные проблемы, оценить престижность профессии и т. д. Однако никто из исследователей не сообщает конкретных цифр, характеризующих масштабы проституции в городе, области, республике, а ведь только они позволяют судить о динамике этого явления у нас в стране.

В первом полугодии 1988 года, по сравнению с тем же периодом 1987 года, количество выявленных и поставленных на учет проституток увеличилось на 25 процентов. Но и эти цифры еще не дают представления о распространении этой профессии. Не соответствует действительности и промелькнувшая в прессе цифра о том, что в Москве выявлено 974 гражданки, овладевших этим ремеслом. Возможно, причина в том, что до сего времени не определено ведомство, которое должно бороться с секс-бизнесом. Возложение этих обязанностей на уголовный розыск МВД вызывает возражения у его работников из-за их большой занятости. Думаю, для успешной борьбы со злом целесообразно создать в системе МВД специальные подразделения милиции, которые бы занимались только профилактикой проституции.

Дело еще и в несовершенстве учета. Ведь для того, чтобы человека поставить на учет, необходимы юридические основания. К сожалению, в нашем законодательстве нет определения, что считать проституцией. Органы внутренних дел берут на учет по этой категории лишь в том случае, если гражданка была привлечена к административной ответственности за занятие проституцией и установлено, что она извлекала из этого материальную выгоду. Вторую часть обвинения, разумеется, нужно доказать. А административную ответственность устанавливают комиссии при исполкомах, где не так мало сердобольных членов. Например, переданным в административные комиссии райисполкомов Москвы за 7 месяцев 1988 года 1133 материалам оштрафовано на 800 рублей всего 12 девиц. И это в столице!

Даже в царской России проститутка была ограничена в своих гражданских правах и, имея вместо паспорта желтый билет, знала свое место. И сейчас на Западе, в странах, где имеется запрет на эту профессию, «дама полусвета» карается тюремным заключением и крупным денежным штрафом. Там же, где проституция считается законной, она облагается крупным налогом. Не очень уж вольготная жизнь!

Наше же общество весьма терпимо к людям, которые торгуют телом.

Приглядимся к тому, что делается в ресторанах, гостиницах (особенно интуристских, где проституция превратилась в часть «сервиса»). Проститутки и алкоголички оккупировали рынки, вокзалы. Они готовы ради спиртного пойти с кем угодно. Их количество увеличивается повсюду.

Итак, у нас нет сведений даже о приблизительном количестве лиц, занимающихся проституцией. Не дает представления об искомой цифре и сомнительное по достоверности сообщение о том, что на более чем восьмимиллионное население Москвы имеется 974 путаны. Правда, ведущий специалист НИИ МИД СССР В. Дюков на вопрос о количестве проституток в стране отвечает следующее: «Возьмите Москву. Официально считается, что здесь 1200 представительниц этого промысла, но это в основном валютные, а в отделении милиции на трех вокзалах картотека примерно на 4500 проституток. При других попытках расчетов получается, что только в Москве их 22—25 тысяч. Но ведь есть проституция скрытая. Так называемые «выставочные», или «домашние», проститутки, которые обслуживают иностранцев, приезжающих к нам в страну на длительные сроки. Сами клиентов они не «снимают», а передаются «по наследству» из рук в руки, от одного отъезжающего бизнесмена к другому».

Конечно, не все проститутки, осознанно взвесив «за» и «против», решают заняться сколачиванием капитала этим способом. Жизнь свидетельствует о многообразии провоцирующих ситуаций. Несомненно, часть жертв вовлекается в занятие этим ремеслом постепенно старшими по возрасту подругами, особенно, если девушка вступила в половую связь в 15—16 лет под влиянием увлечения. В дальнейшем пребывание в «хатах» в обществе проституток-наставниц и мужчин сомнительного сексуального поведения, любителей спиртного, где по-

ощряется свобода любви, становится все более привлекательным для них. И вот, поначалу робко, смущаясь, а затем уже весьма целеустремленно порхает по жизни путана, не останавливаясь ни перед чем в погоне за деньгами, торгуя собой.

В статье «Знакомьтесь: Мэри Смит» в газете «Комсомольская правда» (январь 1988 года) приводятся данные о среднегодовом заработке работающей американки, он составляет 17504 доллара. Причем, три четверти этой суммы она расходует на одежду. И такая оплата труда женщин не только в США. Среднегодовой заработок представительниц прекрасного пола в Швеции — 100 тысяч крон, или по нашему официальному курсу 10 тысяч рублей, а француженки — 60 тысяч франков, что соответствует по тому же курсу 6 тысячам рублей. Эта публикация вызвала шок у многих наших женщин и обусловила поток писем в редакцию. Приведем отрывок из типичного письма: «Вот я — средняя советская женщина. Получаю в год 1600 рублей. Живу без мужа, имею сына—десятиклассника. Как я могу прожить на эту сумму?.. Скорее не живу, а борюсь за выживание... Никогда, видно, не дожить нашей средней советской женщине до средней американки. А жаль, мы стоим того».

Попробуем на основе доступных публикаций сравнить заработки проституток и средние доходы работающих граждан. После вычета за квартиру или номер гостиницы, за продукты и спиртное, за дорогую одежду и украшения, за вход в гостиницу, за пустой столик в валютном баре, за сводническую услугу бармена или официанта, подсаживающих проститутку высокого ранга к иностранцам, за профилактический осмотр у «своего» врача, за экспресс-анализ на СПИД у нее или клиента по западной методике в течение 15 минут (стоимость 120 рублей) у такой проститутки остается достаточно для того, чтобы откладывать на черный день. Только московские проститутки зарабатывают ежегодно около 15—20 миллионов инвалютных рублей. Как утверждает в «Известиях» Э. Гонзальез, если, к тому же, заглянуть в карманы сводников, рэкетиров, охранников, притоносодержателей и прочих, то там обнаружится втрое большая цифра. Такая «интердевочка» не чета инженеру или врачу; она, к примеру, может купить себе шикарный свитер за 130 долларов или ссудить любовнику 700 рублей на недельный запас наркотиков.

Заработок наиболее многочисленной, средней, категории проституток также не идет в сравнение с доходом нашей среднестатистической современницы. У представительниц этой группы путан, разовое обслуживание которых оценивается не дороже 100 рублей, а в среднем по 30—50, находящихся в условиях жестокой конкуренции, после всевозможных вычетов и удержаний за месяц все же накапливается сумма, весьма превышающая месячную зарплату специалиста с высшим образованием. Содержательницы притонов прекрасно знают друг друга и время от времени обмениваются «товаром», обновляя «контингент» и обеспечивая, добавим мы, тем самым заработок и себе, и «девочкам» — это в нашей Средней Азии.

Сегодняшняя реальность порой еще более неожиданна. Например, проститутки под видом жен умудряются проникать в исправительно-трудовые учреждения для «обслуживания» осужденных. Более того, даже некоторые сотрудницы этих учреждений занимаются тем же, разумеется за плату: 25—50 рублей. Когда же администрация одного такого учреждения попыталась устранить сердобольную сотрудницу, то осужденные устроили забастовку. Разумеется, не любовь к ближнему руководит этими женщинами, а вполне материальные стимулы.

Как подсчитали наши социологи, среднестатистический молодой человек в возрасте от 16 до 30 лет зарабатывает 135 рублей в месяц. Зарплата воспитательницы детского сада составляет 90 рублей, стипендия студента — 40. На пороге бедности находятся те, кто получает пенсию до 75 рублей в месяц (а они составляют 1/3 граждан, чьи доходы ниже 100 рублей в месяц).

Очевидно, что даже самая низкопробная проститутка, обитательница «дна», которая в поисках клиентов промышляет по злачным местам, соглашаясь «любить» в подворотне, в туалете, в парке — хоть на мусорной свалке,— даже эта, презираемая теми, кто ею пользуется, выпрашивая у клиента рубль-другой, имеет приличный месячный доход.

Что же можно сказать о многодетных семьях, где доход на одного человека составляет менее 40 рублей (со всеми полагающимися пособиями)! Кому непонятно, что в этих семьях дети недоедают, а о приобретении приличной одежды и разговора быть не может, особенно сегодня, когда в стране растут розничные цены, уси-

ливается процесс «вымывания» дешевого ассортимента изделий (за последние 6—7 лет цена зимнего пальто для детей ясельного возраста увеличилась более чем на 30%, на детские шерстяные костюмчики в 2 раза)! Мы знаем, что в настоящее время семьям с доходом ниже 50 рублей на человека выплачивается пособие на детей. Размер его невелик — всего 12 рублей в месяц на ребенка. Но как только ребенку исполнится 8 лет, выплата пособия прекращается. А между тем именно с этого возраста начинается быстрый рост потребностей ребенка, и не только чисто физических, но и духовных. Естественно, для их удовлетворения семье приходится тратить больше денег.

После рождения четвертого ребенка наше государство выделяет матери четыре рубля! В то же время в ряде «загнивающих» капиталистических стран совсем иной подход к нуждам плохо обеспеченных семей. В Японии, например, семьи, уровень доходов которых в год менее 10 тысяч долларов, не только не платят за посещение ребенком дошкольного детского учреждения, но и вообще освобождаются от уплаты государству всяких налогов. Читатель, возможно, усомнится в корректности сравнения нас с Японией, имея в виду различие в состоянии экономики наших стран. Нет, не стоит сомневаться. Такого положения как у нас, нет ни в одной развитой стране. Возьмем в качестве примера Чехословакию с ее довольно ограниченными материальными возможностями. При рождении второго и последующих детей мать получает в течение двухгодичного оплачиваемого отпуска дополнительно по 800 крон[1] в месяц. При рождении каждого ребенка государство выдает 2000 крон на приобретение коляски. Каждая вновь созданная молодая семья получает долгосрочный кредит в размере 35 тысяч крон на устройство быта. Рождение первого ребенка уменьшает выплату кредита на 2000, а каждого последующего еще на 4000 крон. Кроме этого, при рождении первого ребенка к зарплате одного из родителей прибавляется 180 крон ежемесячно, а после каждого последующего эта сумма резко возрастает.

К примеру, имеющий троих детей получает надбавку к зарплате в сумме 1210 крон. Эта надбавка выплачивается на все время учебы детей, в том числе в инсти-

[1] Одна крона приблизительно равна равна 10 копейкам.

туте, даже если при этом дети получают стипендию. В таких семьях в полтора раза снижается также подоходный налог с зарплаты.

Где же найти деньги терпящей нужду молодой девушке? Увы, для многих молодых это становится идеей фикс. Вот и тянутся они к легко зарабатываемым деньгам (как это поначалу кажется), к веселой и раскованной жизни, когда вокруг мужчины готовы платить за любовь. Каждая из них надеется только на счастье, и кажется, что плохое если и может случиться, то только не с ней. И уж никто не думает, что придет время, и они могут оказаться на «дне».

Но рано или поздно быстротечные годы уносят молодость и привлекательность, появляются одутловатость лица, морщины, изможденный вид — следствие изнурительного труда и бурной жизни, выдающие физическую и душевную усталость, падает «спрос», а вместе с этим исчезают средства к существованию. Большинство этих женщин ожидает жизнь в вендиспансерах и наркологических учреждениях, в притонах и в спецприемниках (с клеймом БОМЖ). Могут быть и «гастроли» в качестве «плечевых» по бесконечным, избитым автодорогам — дешевая любовь за еду и место в кабине, чтобы скрасить шоферское одиночество. Мало таких, кто имеет голову на плечах и волю, чтобы вовремя расстаться с «веселой» жизнью. И не думайте, что путане легко выбраться из омута: ее постараются найти, проучить, силой или другим путем заставить вернуться к прежнему образу жизни. А если она уже сидит на «игле» или «колесах», то вероятность удачи совсем ничтожна: только одна из ста благополучно выбирается из описанной ситуации. Чтобы получить ориентировочное представление о количестве таких обитательниц «дна», достаточно учесть, что, например, через Ленинградский и Ярославский вокзалы Москвы за день проходит более 150 таких «девочек».

...Все это для юной путаны пока не существует, у нее совсем иные планы. Словно оправдывая их, некоторые считают, что этические категории — нравственно и безнравственно — тут неуместны: каждый изловчается, как умеет...

Но ведь есть еще общечеловеческие ценности, игнорировать которые воспитанный человек не может. И дело здесь не только в боязни последствий или наказаний, но и во внутреннем «табу», не позволяющем пре-

небречь усвоенными нормами. Однако это в человеке еще надо воспитать, чтобы эти принципы стали так же необходимы и естественны, как вдыхание воздуха, прием пищи. И здесь первостепенная роль принадлежит семье и прежде всего женщине, матери.

Воспитание своего ребенка она должна начать как можно раньше, с того момента, когда впервые с трепетом приложила свою грудь к губам младенца. «Наука сделала недавно ключевое, революционное открытие в человеческой природе. Она открыла, что раннее детство — это время запуска всех главных сил человека... Каждый такой год дает человеку столько, сколько потом будут давать пять — десять лет». Мозг родившегося ребенка с первых минут своей жизни может воспринимать и усваивать все, чему хотят его научить. И если осведомленная мать пожелает воспользоваться этими особенностями восприятия детского мозга для того, чтобы сделать своего ребенка совестливым и справедливым, нравственно чистым человеком, обладающим высокой культурой, в том числе и сексуальной, то она это должна попытаться сделать возможно раньше. Надо лишь постараться не упустить время. В связи с этим не лишним будет сказать, что в Японии вышла книга Масару Ибуки о воспитании детей «Детский сад — это поздно». Вдумайтесь, молодые мать и отец! Детский сад — это уже поздно! Ко времени прихода ребенка в детский сад он или получил то, что ему нужно получить в системе воспитания, или недополученное безвозвратно потеряно для него. Раннее начало выработки навыков понятий у ребенка — залог успеха.

Итак, в системе воспитания мать — высший авторитет для ребенка, основное и незаменимое звено. И раз так, то давайте посмотрим, какими возможностями для выполнения этой функции обладает женщина в нашей стране, создало ли государство условия, позволяющие ей осуществить свой долг, свое право на воспитание сына или дочери в условиях семьи, дома?

За годы существования советской власти положение женщины в нашей стране решительно изменилось. Ее справедливая борьба за эмансипацию увенчалась успехом и позволила на деле приобрести огромные права, кроме... права выбора: посвятить ли себя работе или остаться дома и заняться воспитанием детей. Вопрос далеко не праздный, ведь 70 % работающих женщин имеют детей.

Есть ли у нашей женщины возможность оставить работу? Может ли муж обеспечить достаточное материальное благосостояние семьи, если из общесемейного бюджета исчезает зарплата жены? К сожалению, в подавляющем большинстве семей женщина именно по этой причине вынуждена работать. Статистика говорит, что средняя заработная плата одного работающего такова, что даже при одном ребенке месячный доход на каждого члена семьи в большинстве случаев ниже 100 рублей (а мы уже ранее говорили, к чему это может привести). Значит, свободно выбирать между работой или домом женщина не может.

С другой стороны, а многие из них захотели бы, если бы имели возможность, оставить работу и посвятить себя мужу и детям? Опросы показывают, что таких желающих лишь одна треть. И здесь сказываются не только сомнительность осуществления такой гипотетической возможности, не только пример их матерей, бабушек, вечно торопящихся, боящихся опоздать на работу, но и падение престижности в обществе занятия домашним хозяйством. Однако, я убежден, что придет время (и оно не за горами), когда женщина реально увидит его выгоду для себя и семьи, и число желающих оставить работу резко возрастет. Мы не избежим того, что произошло на Западе, где утвердился культ семьи, домашнего уюта, воспитания здоровых детей. Тот же дух и те же стремления царят среди подавляющего большинства американских женщин с их непоколебимой верностью семейному укладу.

К сожалению, нельзя не признать, что, отказываясь ради семьи от работы, женщина у нас не только ущемляется в уважении со стороны общества, ухудшает материальное положение своей семьи, но и теряет социальную защищенность: ведь ни о какой приличной пенсии для неработающей женщины и говорить не приходится. Нелегко молодой женщине сориентироваться во всем этом. К тому же в газетах и журналах, на радио и телевидении, на любом собрании и в каждом коллективе превозносят не женщину-мать, не женщину-домохозяйку, а женщину-труженицу, которая может наравне с мужчиной, а то и лучше его, работать врачом или преподавателем, инженером или экономистом, асфальтоукладчицей и штукатуром, трактористом и крановщицей, токарем и маляром, грузчицей, на разделке рыбы на плавающих в море судах, во вредных цехах

химических предприятий, — словом, там, где физическое напряжение таково, что его не всякий мужчина выдержит.

Итак, в СССР 90—92 % женщин работают или учатся. Среди библиотекарей и библиографов женщин 91 %, бухгалтеров — 89, экономистов — 87, учителей — 73, врачей — 67, инженеров — 58, агрономов, зоотехников, ветеринарных работников — 45 %. В 1987 году из каждой тысячи занятых в народном хозяйстве женщин 888 имели высшее и среднее образование, а из каждой тысячи мужчин — 890. Половина тяжелых и малоквалифицированных работ в промышленности в настоящее время ложится на женские плечи. Почти миллион женщин избрали профессией труд строителя, однако уровень механизации здесь в среднем едва достигает 30 %. В течение рабочего дня 230 тысяч женщин поднимают и переносят такие тяжести, к которым они по своей природе и близко подходить не должны. Почти 4 миллиона женщин работают в ночные смены — это гораздо больше, чем мужчин.

Но не только труд на производстве изнуряет женщину. Из ежегодно затрачиваемых в стране на домашний труд 275 миллиардов часов на женщину приходится 200 миллиардов, а остальные — на других членов семьи и службу быта. Статистика свидетельствует, что женщина в среднем работает 80 часов в неделю, в то время как мужчина 50. Работа по дому нашей женщины плохо механизирована. Ни одна советская семья не имеет домашних бытовых машин для сушки белья, посудомоечных машин и другого оборудования, которое облегчает труд женщин за рубежом. Скажем, шведки пользуются находящимися в домах прачечными с автоматическими стиральными машинами (кстати, белье в прачечных стирает лишь около 5 % советских семей), а закупленные на неделю продукты хранят в морозильной камере, имеющейся в каждой квартире. Из 65 миллиардов человеко-часов в год, затрачиваемых нашими людьми на покупки, время на приобретение продуктов составляет 80 %, не считая потерь на поиски нужного товара, очереди. Удивительно, но время, уходящее на ожидание в очередях, равнозначно годовому рабочему времени двадцати миллионов человек.

Американские социологи считают, что если каждый американец потратит в очереди всего лишь полчаса в день, то население страны потеряет 37 миллиардов ча-

сов в год. Но для американца время — деньги. Вот почему, например, нью-йоркский банк «Кемикл» ввел в своих филиалах правило, по которому клиенту, прождавшему более семи минут, банк выплачивает компенсацию в пять долларов. Почему банк это делает (видимо, он не боится разориться. Но для любого нашего учреждения введение такого правила означало бы банкротство!). «Кемикл» пошел на это не только потому, что время — деньги, но еще и потому, что, как показали социологические исследования, у людей хватает терпения лишь на первые десять минут ожидания, а терять клиентов банк не может.

Кто у нас в семье занимается поисками нужных товаров и ожиданием в очередях? Она, прекрасная, женственная и самая терпеливая русская женщина, вечно спешащая и всюду опаздывающая, с выражением усталости на лице, посещает и детский сад, и школу, и поликлинику, и даже... салон красоты. Это она, равноправная, независимо от возраста, наравне с мужчинами отрабатывает в подшефном колхозе на уборке урожая в дождь и слякоть, в холод и жару. Это она, всеми уважаемая, возвращается в общественном транспорте домой с сумками в руках и никто ей не предложит сесть; дежурит в ДНД, занимается общественной работой и посещает многочасовые, многословные, бесполезные собрания, созываемые по поводу и без повода. Это она, наша великая труженица, не знает отдыха не только в будни, но и в субботние и воскресные дни, вызывая недоумение у своих иностранных подруг.

Во время дискуссии на Всемирном конгрессе женщин летом 1987 года представительница Западной Германии в своем выступлении задала несколько вопросов, которые привели в растерянность наших делегаток: «Вы так много говорите о совмещениях женщиной труда и материнства. А что и с чем совмещает у вас мужчина?.. Нет, вы не боретесь за равноправие! На работе, не спорю, вы многого достигли. А в быту? Стремитесь облегчить материнство, когда речь давно идет о равной ответственности родителей. Почему с больным ребенком у вас сидит обычно мать, почему отпуск по уходу за ребенком до полутора лет — только для женщины, а отец его взять не может? Почему у вас женщина готовит обеды в будни и выходные?»

А как же иначе? Мы ведь обязаны обеспечить уют и комфорт в семье. Надо уделить внимание и мужу. Но

до любви ли ей, пришедшей с работы усталой, раздраженной и потому готовой ответить на любое возражение членов семьи окриком, ссорой? Конечно, есть у мужчин основания сетовать: «...мы, мужчины, истосковались по женской нежности... За что боролись, на то и напоролись... Прокуренные, нахрапистые, намазюканные и мужеподобные эмансипатки — кошмар! Желаю успехов в восстановлении природы породы».

Увы... Независимая в материальном отношении от мужа, властная, привыкшая к командному положению в семье, иная женщина не торопится расстаться со своей руководящей ролью (теряя при этом женственность и обаяние), ибо подчас отдавать власть в семье некому. Впрочем, известно, что власть никто не отдает, ее завоевывают. А вот отвоевать утерянную власть мужчина не торопится: не обремененный высокой зарплатой и хозяйственными заботами, имеющий возможность выпить, он уютно располагается на диване с книгой или газетой, чередуя такое времяпрепровождение с созерцанием телеэкрана. Нет, он не хочет власти, ему и без нее хорошо, он ее добровольно, хотя и после некоторого сопротивления, отдал и, кажется, надолго. Лишь иногда ворчит: «Опять эти вечные отговорки: готовить — устала, пеленки менять — устала, женой быть — устала, и только от своей проклятой работы не устала!»

Вечный цейтнот, чрезмерные перегрузки, неустроенность быта, накапливающиеся усталость и раздражение отрицательным образом сказываются на семье в целом и зачастую служат причиной ее развала. Количество разводов у нас неуклонно растет: за 60 лет — в 10 раз. По разводам мы занимаем второе место в мире после США. Например, в 1986 году было зарегистрировано 941,3 тысячи разводов, причем уже после 4 лет совместной жизни расходятся 35,5 % вступивших в брак, а после 9 лет брачные узы разрывают две трети супругов. Основными причинами разводов являются пьянство одного из них, сексуальная дисгармония, отсутствие духовной близости, общих интересов и целей, причем в 80 % случаев разводы происходят по инициативе женщин. Конечно, не вдруг все это происходит, но обе стороны не выдерживают все увеличивающихся запросов и требований брака. Он ставит в вину ей «домашнее тиранство», отсутствие с ее стороны нежности, мягкости в обращении и любви: «Я прожил 7 лет не столько с женой, сколько с ее карьерой». Она возмущается его инфан-

тильностью, невнимательностью к ней и безразличием к нуждам семьи, пьянством. «Такое впечатление, что муж просто боится моего успеха,— говорит одна из них.— Он нередко от негодования лишается дара речи, видя, что не меньше его уставшая жена на минуту-другую присаживается рядом с телевизором, а не торопится приготовить ему чай».

Утрата чувства семейного долга приводит к тому, что ежегодно более 1100000 детей в результате развода теряют одного из родителей и воспитываются в неполной семье.

В нашем обществе есть еще одна проблема. Речь идет о детях, которые воспитываются государством в домах ребенка, причем 71 % таких детей рождены одинокими женщинами-«кукушками», как осуждающе их называют. А не торопится ли общество с осуждением? Возможно, мы забываем или не знаем, что внебрачное рождение детей в основном приходится на женщин в возрасте с 15 до 19 и с 35 до 40 лет. Родившая в 35—40 лет не оставит ребенка на попечение государства. Оставив в стороне вопросы морали, посмотрим на эту проблему с другой стороны. Минздрав РСФСР сообщает, что лишь 11 % одиноких женщин, родивших ребенка в возрасте 15—19 лет, имеют доход 90 рублей, у 70 % из них он менее 75, а почти у 6 % одиноких матерей этого возраста менее 25 рублей. Могут они прокормить и одеть ребенка, если только первичное обзаведение всем необходимым для него обходится семье в 650 рублей? Нам следовало бы поучиться хотя бы у соседней Финляндии, где одной из особенностей социального обеспечения женщины является так называемый «материнский пакет». Каждая будущая мать, прошедшая обследование в женской консультации, незадолго до рождения ребенка получает такой пакет. В нем нижнее белье младенца, махровые ползунки и распашонки, стеганый комбинезон, постельное белье, матрац, одеяльце, кружевной конверт, игрушки, кремы для ухода за кожей и противозачаточные средства для родителей.

В нашей стране матерям-одиночкам государственная помощь составляет всего 20 рублей в месяц при том обстоятельстве, что большинство таких матерей не имеют жилья (вот и подумаем, прежде чем осуждать «кукушек»).

Однако кое-что в этой проблеме все-таки неясно. На содержание одного оставленного матерью малыша госу-

дарство тратит 300 рублей в месяц, а в школе-интернате — 1000 рублей в год. Так неужели не выгоднее повысить в несколько раз пособие таким матерям, чем строить дома ребенка и содержать детей в них? Кроме того, воспитание вне семьи или в неполной семье ненормально, противоестественно и, ложась на плечи женщины, нередко приводит к тяжелым жизненным ситуациям, а порой и к трагедиям, подобным вот этой.

Дверь без стука открылась, и в кабинет главного врача вошла строго одетая, чуть выше среднего роста женщина под сорок с правильными чертами лица и прекрасными темно-карими глазами. Весь облик говорил о ней как о человеке умном, строгих правил и определенного жизненного уклада. Глаза были заплаканы, уголки губ дрожали, выдавая волнение. Женщина явно делала усилия, чтобы успокоиться и начать говорить. Главный сидел в кресле, и лицо его невольно выражало сочувствие, так как он понял, что такая женщина просто так, по мелочам, не могла прийти.

— Садитесь, пожалуйста. Успокойтесь и давайте разберемся с вашей проблемой,— жестом он пригласил ее присесть на стул по другую сторону его большого, полукруглого стола.— Что случилось?

Женщина продолжала беззвучно плакать. Крупные слезы стекали по лицу, осторожно пытаясь вытереть их кончиками дрожащих длинных пальцев, она слегка размазывала косметику вокруг глаз.

— У меня действительно большое горе,— наконец произнесла она,— и я не знаю, что делать! Я не только боюсь огласки. Главное, что я теряю своих девочек!

— А что, они тяжело больны?

— Нет, не то, доктор! Теперь мне кажется, что болезни — не самое страшное. Мое несчастье свалилось, как снег на голову. Подумать только,— повысив голос, произнесла она,— их обеих вызывают в ваше учреждение, и никто толком ничего сказать не хочет, несмотря на мои просьбы. Твердят одно: «Да, это не ошибка, да мы их вызываем, но больше пока ничего сказать не можем. Они должны явиться на обследование. А вообще вы можете поговорить с лечащим врачом или руководством диспансера. Может, они вам и скажут». Но я же взрослый человек,— продолжала она,— и прекрасно понимаю, что означает вызов в ваше учреждение детей шестнадцати лет и четырнадцати! Я хочу у вас узнать — с чем связана повестка?

— Вы успокойтесь и перестаньте плакать, иначе мы не сможем нормально разговаривать и во всем разобраться.

Нежное, привлекательное лицо сидящей перед ним женщины

никак не вязалось со строгой обстановкой кабинета и делом, которое привело ее к нему. «Ну как об этом с ней вести разговор?» — подумал главный и сказал:

— Назовите, пожалуйста, вашу фамилию. И еще: как вы узнали, что мы их вызываем?

— Знаете ли,— слегка всхлипывая ответила она,— несколько дней назад соседка сказала мне, что она слышала на лестничной площадке обрывки разговора старшей дочери и какого-то мужчины. В конце она ясно услышала, как он сказал: «Если вы не явитесь на обследование, то мы сообщим в школу или вызовем через милицию». На мои расспросы Ира объяснила, что это приходил за книгой ее соученик. И я ей поверила, потому что она никогда не обманывала. А вчера я приболела и не пошла на работу и в почте нашла повестку Ире — вызов к вам на обследование.

— Ну что ж, сейчас попробуем разобраться.

Женщина застыла в ожидании, пока главный по селектору попросил принести журнал вызовов. Постучав, в кабинет вошла высокая, худощавая женщина с раскрытым журналом и подала его главному.

— Смотрите, Людмила Андреевна,— начал главный.— Ваша Ира действительно вызывается, так как она была в интимной связи с сорокалетним мужчиной, который называет ее источником своего заражения венерической болезнью. Возьмите, сестра, журнал, вы свободны.

— Господи! Этого не может быть! Я знаю свою девочку! Ира скромного поведения и очень умеренных запросов. Она учится в девятом классе, хорошо учится. По вечерам всегда дома и лишь изредка я ее отпускаю с девочками в кино. Что вы такое говорите?! Кто этот мужчина, который говорит такие мерзости о ней? — гневно выпалила она.

Главный смотрел на преобразившуюся женщину. Глаза ее загорелись злым пламенем, она встала, сжимая руки, готовая защищать честь дочери. Потом вдруг, словно остановленная невидимой преградой; медленно опустилась на краешек стула и неуверенно выдохнула:

— Боже мой, а причем же здесь Наталья? Ведь ей только четырнадцать!

Ошеломленная внезапным подозрением, она со страхом смотрела на главного врача.

Главный, еще раньше взглянув в журнал и прочитав там короткую запись, знал, что она все равно задаст этот вопрос и что ему, хочет он или нет, придется отвечать. И пока она возмущалась по поводу вызова ее старшей дочери, он мучительно думал, что скажет ей, да и скажет ли вообще о том, что узнал. Жизненный и врачебный опыт венеролога подсказывал ему, что сказать матери правду

рано или поздно все равно придется, но он думал теперь, как это сделать. Можно убить мать, сказав, что и младшая дочь ее живет половой жизнью, и с кем? С человеком, который находился в интимной связи со старшей. Ради будущего и девочек, и ее самой он твердо решил дать ей минимально возможную в этой ситуации информацию, которая вроде бы о чем-то и говорила, но в то же время ничего определенного. Ей надо дать время на передышку и размышление. В тяжелых, кризисных ситуациях человек, размышляя, ищет и находит для себя какие-то благоприятные исходы, а затем время, как истинный доктор, снимает остроту переживаний, притупляет боль. Так уж распорядилась человеческая природа: долго помнить малое, хорошее и быстро забывать многое плохое, лишь время от времени напоминающее о себе душевной болью.

— Да успокойтесь же, ради бога! Ну разве можно так близко к сердцу принимать утверждения какого-то мерзавца! Всякая мразь, да еще, вероятно, с пьяну, несет такую чушь, а вы готовы этому поверить!

Она слушала его, в знак согласия кивая головой, как бы подтверждая его слова. Тень надежды появилась в ее глазах, но в то же время она понимала, что это еще не реабилитация ее дочери. Она подняла голову, чтобы задать вопрос, он не дал ей это сделать. «Только без вопросов с ее стороны,— решил он.— Нельзя дать ей возможность спрашивать. Чтобы все не сорвалось, надо ее остановить».

— Да, и потом,— проговорил он,— если бы это было на самом деле, то какой порядочный мужчина стал бы выкладывать подробности своей интимной жизни?

Он нажал на копку селектора, вызывая кабинет оперативного розыска источников заражения и контактов больных венерическими болезнями:

— Анна Григорьевна! Посмотрите, пожалуйста, в запись: мужчина, который назвал двух сестер, в каком состоянии находился во время приема у врача?

— В состоянии алкогольного опьянения,— раздалось в микрофоне.

— А подписку у него взяли?

— Да, взяли! Принести?

— Нет, не надо.

Он удовлетворенно отключил селектор.

— Ну вот, слышали? Я чувствовал, что здесь не все правда. Что можно ожидать от человека, который даже к врачу приходит в нетрезвом состоянии?

— Да,— со вздохом произнесла она,— теперешние мужчины не те, что были в наше время, не говоря, доктор, уже о вашем. Не столько дела, сколько разговоров. Пьют по поводу и без повода.

Приходят к женщине и не помнят, зачем пришли! — как-то неожиданно закончила она.

— Да, да. Вы правы! Тут уже ничего не поделаешь, а вернее, мы мало делаем, чтобы прекратить спаивание людей. Издержки этой работы, как вы понимаете, способствуют тому, что и мы, венерологи, очень далеки от того, чтобы остаться без работы,— не то с удовлетворением, не то с сожалением произнес главный.— Согласны? Вот и в вашем деле. Давайте решим так: мы разберемся досконально во всем происшедшем, и я вас обязательно приглашу на беседу, расскажу все, что узнаю. А пока запишу ваш телефон. Непременно вам позвоню. До свидания.

Несчастная женщина, несколько успокоенная, встала. Она уже верила в сказанное этим человеком и не настаивала на продолжении разговора. Благодарно взглянув на главного, она подала, прощаясь, руку и вышла.

Главный тяжело вздохнул. Нелегкий разговор все равно предстоял. «Придется голову поломать»,— сказал он себе, поднимая трубку зазвонившего телефона.

Ноябрьский день клонился к вечеру. Сильный западный ветер гнал низкие тучи на восток, и они торопились, будто бы их там кто-то ждал. В изредка появлявшихся просветах виднелись желтоватые, более светлые, медленно плывущие облака.

Смеркалось. Рабочий день выдался тяжелым, но Евгений Федорович не уходил, ожидая прихода Людмилы Андреевны, о котором договорился с ней накануне по телефону. Он сидел в кресле, разбирая нескончаемый поток бумаг, в большинстве своем никому не нужных, но требующих регистрации, разбора и ответа. Обилие бумаг на столе всегда его раздражало. Уж сколько говорилось, сколько обещаний и заверений даже на министерском уровне давалось, что прекратится это бумажное половодье, отвлекающее людей от непосредственной работы, но практически ничего не менялось. Вот и сейчас он с неудовольствием накладывал резолюции на рассматриваемые документы. Наконец, устав и почувствовав, что дальнейшая работа непродуктивна, Евгений Федорович встал и подошел к окну. Из видневшейся вдали трубы котельной вырывался белесоватый дым, прибиваемый ветром к земле. Почти стемнело.

— Здравствуйте, Евгений Федорович! Я не смогла раньше. Извините, пожалуйста. Уже хотела не приезжать, а потом подумала, что вы меня ждете и будет нехорошо.

От неожиданно раздавшегося голоса в пустом, неосвещенном кабинете главный вздрогнул и, повернувшись к двери, увидел закрывающую за собой дверь Людмилу Андреевну со смущенной улыбкой.

— Извините еще раз. Вы, наверное, давно ждете?

— Да, я вас ждал. Прошу садиться,— включая освещение, несколько раздраженно произнес главный.— Возьмите себя в руки. Я должен кое-что вам сказать. Ваша Ира уже давно в интимной связи с очень грязной личностью. Мерзавец, каких поискать! Она действительно заболела от него венерической болезнью, и сейчас возникли проблемы, которые надо срочно решать. И я хочу, более того, я требую, чтобы вы оказали помощь врачам в решении возникшей ситуации. Во-первых, если мы сейчас с вами начнем разбираться в истории всего того, что произошло, то упустим время. Ира еще молода, она со временем будет иметь семью, если ее сейчас правильно и возможно быстрее начать лечить. Иначе ей грозит бездетность. Вы же представляете себе, что означает в будущем бездетный брак? Упущено много времени. Так что советую не распекать ее за то, что произошло. Она ведь обманута. В сущности еще ребенок, вообразила себя влюбленной до безумия в этого проходимца. Поймите, лучше будет, если вы сейчас не будете терзать ее душу, охая о случившемся. Да еще не вздумайте, пожалуйста, упрекать ее в предательстве по отношению к младшей сестре. Она и так находится на пределе возможностей своей нервной системы, и поверьте, всю жизнь она будет терзаться своей низостью. Вы же понимаете, как ловко воспользовался человек ее влюбленностью и как, угрожая бросить ее, заставил принести в жертву младшую сестру. Я понимаю ваше горе и всю сложность отношений в семье. И все же самое лучшее, что вы сможете сделать, это взять себя в руки и сперва вылечить детей. Поверьте, у них еще все впереди. Наши врачи и я сделаем все, чтобы добиться полного их излечения. Я не знаю, имеет ли смысл в сложившейся ситуации привлекать этого проходимца к уголовной ответственности. Боюсь, что это будет не на пользу детям. Прошу вас, не губите их. Давайте сделаем все, чтобы их вылечить.

Женщина, опустив голову на руки, плакала. Он чувствовал, что и без его объяснений она все знала.

Было жаль ее. В будущем ее ждет долгое лечение детей, возможная огласка в доме и в школе, не говоря уже о работе. Перед ним сидела отчаявшаяся мать. Одна, без мужа содержащая семью, целыми днями работающая, чтобы прокормить и одеть не только детей, но и себя. И откуда у нее находились силы, чтобы еще следить за учебой девочек, посещать школу, находить время для своей личной жизни.

— Как жить, зачем жить? — бормотала она.— Но они ведь во мне нуждаются, доктор! Господи, что делать? Боже! Помоги мне!

Вдруг она тихо встала, сквозь слезы едва слышно произнесла слова благодарности и вышла.

Главный еще долго стоял у окна, пока не услышал голос шофера в приоткрывшуюся дверь.

— Сколько уже времени, Евгений Федорович? Не ночевать же? Пора домой.

— Да, поздно,— вздохнув, произнес главный и стал медленно одеваться.

Направляясь к гаражу, вспомнил где-то прочитанное, что человек не песчинка, не листок, сдуваемый ветром, а повелитель истории. Вот тебе и повелитель! «Как дальше жить?»— звучал в ушах вопрос женщины. Ответа он не находил.

Советские социологи констатируют: из имеющихся в сутках 24 часов на работу и транспорт женщина затрачивает 9 часов 35 минут, на ведение домашнего хозяйства — еще 3 часа 13 минут. Если вычесть время на сон и принятие пищи, то личного свободного времени у нее остается 2 часа 24 минуты, из которых за вычетом 18 минут на чтение, 7 минут — на посещение кино, театров, 11 минут — на общественную работу и т. д., 17 минут остается на воспитание детей. Не удивительно, что современная женщина находится на пределе психических и физических возможностей. Это вызывает, кстати, справедливое возмущение и сочувствие женщин за рубежом. Португальская газета «Диариу ди нотисиат» считает, что наш «слабый пол» с большим трудом справляется с имеющимися у него заботами, так как «к 40-часовой рабочей неделе прибавляются еще чуть ли не 40 часов работы по дому, куда женщина приносит в своих руках 2—4 тонны продуктов в год, в поисках которых ежедневно покрывает расстояние в 12—13 километров... Восемь миллионов абортов в год (192 аборта на 100 родившихся детей) из 30 миллионов, регистрируемых Всемирной организацией здравоохранения,— таков печальный рекорд, установленный первой в мире страной социализма» («За рубежом», 1989, № 49).

Тем не менее кто-то у нас сетует, что мало женщин — членов ЦК КПСС и ни одной женщины нет в Политбюро. Не споря о правомерности постановки этого вопроса, не сомневаясь, что многие женщины справились бы с работой члена правительства, все же рискну навлечь на себя неудовольствие части женщин-общественниц, сказав, что главное в «женском вопросе» не это. Более важно для наших женщин добиться, чтобы воспитание детей в семье не только было престижным делом на словах, но и подкреплялось зарплатой, равноценной производственной. Чтобы женщина имела реальную возможность пользоваться декларированным правом на сокращенный

рабочий день, получая денежную компенсацию за выполнение обязанностей матери, не боясь при этом конфликтов с сослуживцами и не портя отношений с администрацией. Чтобы многодетная мать, решившая посвятить себя семье и детям, имела право на такую же пенсию, как среднестатистический служащий. Чтобы годами не ожидать места в дошкольное детское учреждение для своего ребенка. Чтобы она имела возможность приобрести предметы бытовой техники, которая облегчила бы ее домашний труд. Чтобы правительственные и иные постановления, касающиеся реального улучшения жизни женщины, не откладывались в долгий ящик. Мы могли бы начать выполнять свои обещания. Ведь решил же трудовой коллектив комбината «Туваасбест» мамам, занятым воспитанием малышей, выдавать ежемесячное пособие от 75 до 100 рублей в течение трех лет! В коллективный договор предприятия внесено дополнение, по которому семья, воспитывающая второго ребенка, будет получать дотацию в 100 рублей. В таком же размере получают отпускные в кассе предприятия матери-одиночки. При рождении первенца им выделяют 75 рублей. И все это помимо государственного пособия. А на «Кренгольмской мануфактуре» (Нарва, Эстонская ССР) к ежемесячному государственному пособию в 35 рублей женщинам доплачивают еще 15 рублей, а на втором году, когда матери, воспитывающей ребенка, выплата государственного пособия прекращается, комбинат будет выделять ежемесячно по 50 рублей. Решено, что мамы могут не работать и третий год, сохраняя свой трудовой стаж и получив разовое пособие в размере двухнедельного среднего заработка. Если же матери хотят выйти на работу, но с сокращенным рабочим днем, то пособие все равно получат. На этом комбинате многодетные матери и матери-одиночки за детские садики не платят. В Литве, на Тельшейском трикотажно-производственном предприятии «Мастис» с рождением третьего ребенка семье выплачивается одноразовое пособие — 200 рублей и до достижения ребенком 1,5-летнего возраста ежемесячно еще по 100 рублей, а с рождением четвертого — 300 рублей и по 200 рублей ежемесячно.

То же самое можно сказать и о возможности сокращения продолжительности рабочего дня женщин. В подавляющем большинстве предприятий и учреждений его уже сейчас можно сократить по крайней мере на треть без уменьшения заработной платы. В уплотненном рабо-

чем дне женщина будет более рационально использовать оставшееся время. Государство при этом ничего бы не потеряло, а проблема с продлёнкой, школьным питанием, местами в детских дошкольных учреждениях решилась бы, сократилось бы пребывание мам на больничных листках, высвободилось бы время для воспитания детей и тем самым значительно бы освободила от этой задачи государственные учреждения.

Однако общество наше состоит не из одних женщин, хотя, честно говоря, вся надежда на них. К сожалению, ныне, не очень обременяя себя работой и отдав жене скромную зарплату (оставив себе «шабашку»), мужчина обрел в феминизированной семье покой, избавив себя от хозяйственных хлопот и забот по воспитанию детей.

Но не все мужчины с одинаковым безразличием переносят тиранию жен, их невнимательность, унижение мужского достоинства и авторитета. В таких условиях многие находят отдушину в измене супружескому долгу, в пьянстве.

Пьянство мужчины еще больше усугубляет его положение в семье, далеко не прибавляя ему авторитета ни в глазах жены, ни в глазах детей, усиливая и без того существующее напряжение в семейных отношениях.

Только ли разводами осложняется пьянство в семье? Психиатрия выделяет несколько типов личности, которые при прочих равных условиях склонны к злоупотреблению спиртными напитками, среди этой категории лиц выделяют психопатов. В то же время психопатия может развиться и как следствие алкоголизма. Такие люди не способны управлять своими побуждениями, влечениями и желаниями. К каким только трагедиям это не приводит!

...В наступившей тишине ночной телефон зазвучал особенно громко.

«Кому,— подумал главный,— не спится в такое время?» И поднял трубку.

Звонила дежурный врач, не знавшая, что делать с доставленным милицией мужчиной, который якобы кого-то изнасиловал, но был здоров и госпитализация его в стационар вендиспансера не имела смысла.

— Так почему же его привели к нам? Работники милиции еще у вас? Дайте старшему трубку.

— Послушайте, для чего вы привезли его, что мы с ним будем делать?

— Доктор, у нас на руках предписание везти его именно к вам

в вендиспансер, а что вы будете делать, не знаю. Сейчас ночь, куда мы его повезем, и кто его без направления примет? Поймите и нас! Не везти же обратно!

— Ладно, пусть остается, утром разберемся.

...Утренняя пятиминутка продолжалась недолго. Главному предстоял обход стационарных отделений. Пока больные завтракали в холле, он попросил сопровождавшую заведующую отделением показать ему ночного возмутителя спокойствия. Войдя в пустую палату, он от неожиданности, что называется, остолбенел: на краю кровати, стоявшей ближе к окну, сидел щуплый, заросший седой щетиной невзрачный мужчина с маленькими, неопределенного цвета глазами и рыжеватыми густыми бровями.

«Господи,— подумал главный,— кого же это он мог изнасиловать? Его толкни — он же в прах рассыплется».

— Как себя чувствуете? — после приветствия спросил главный врач.

Мужичок смотрел в открытое окно, не проронив ни слова. По всему было видно, что он «отключен» настолько, что не слышал вопросов. Стоптанные, в пыли ботинки были без шнурков, а засаленные брюки держались на крючке. Дежурный врач пыталась главному шепотом рассказать в общих чертах о происшедшем, но он жестом попросил прекратить.

— Ну, хоть как вас величать, вы же можете сказать? Что же, в молчанку будем играть? Это же невежливо с вашей стороны. Я как-никак, главный врач диспансера, не говоря уже о том, что намного старше вас. Давайте поговорим, что произошло и как это могло случиться?

Смотревший в окно мужчина продолжал молчать, стекавшие из глаз слезы терялись в отросшей щетине. Дальнейший разговор был бессмыслен и, выйдя из палаты, главный попросил передать лечащему врачу о необходимости вызова врача-психиатра и назначения успокаивающих средств. Дежурная сказала, что он от всего отказывается, вообще все время молчит и лишь изредка, ни к кому не обращаясь, бормочет: «Когда же я сдохну?»

Утренняя информация дежурного врача на следующий день была такой же: гражданин ни с кем в контакт не вступает, лекарств не принимает и не дает делать инъекций, ничего не ест и не пьет даже воду. Психиатра обещали прислать утром, за ним уже ушла машина. В приемной дожидается жена этого человека.

...Это была очень полная женщина лет сорока пяти, одетая в черную юбку и цветастую кофту. Казалось, будто голова ее сидит прямо на туловище — настолько расплылась фигура. Крупные черты лица, мясистые, неумело накрашенные губы, на коже местами видны поверхностно расположенные, синюшного цвета, прожилки сосудов. Глаза в узких щелках настороженно следили за всеми

сидящими в кабинете. Увидев главного, она издала громкий, нечленораздельный возглас и рухнула на колени, запричитав:

— Спасите, доктор, Мишу. Он кормилец наш, у него золотые руки. А на гармошке как играет!

— Кого спасать? Человека, изнасиловавшего пятнадцатилетнюю дочь? Подумайте, что вы говорите?

— Да брешут люди, да не так все было! Она, гадина, сама же, наверное, лезла,— и, махнув рукой, бросила: — Сука не схочет, кобель не вскочит! Ей же штаны были нужны, эти, как их — бананы. Она сначала у меня просила, а я ей сказала, что купить на толкучке у меня нет столько денег. Так она ревела, белуга, до самого моего отъезда.

— А куда и зачем вы уезжали?

— Да заехал кум, чтобы ехать под субботу в райцентр, на базар. А дочь приехала домой на два дня из техникума. Вот она и вцепилась: купи да купи, все равно чего-нибудь да наторгуешь. Да так же наверное, и к Мише лезла, а оно, известно, устоять мужику против бабы тяжело.

— Так это же дочь, что вы говорите?

— Да что дочь — баба, что соседка — баба, когда лезет, тут уж у мужика голова ходырем ходит. Не, мужику не устоять!... Да и что с ней случится? Дело сделано, а если его засадят, так и вся жизнь наша перевернется, на перекос пойдет, доктор!

— Ну, знаете, не мне разбираться в этом деле и я ничем вам не могу помочь. Да если и мог, то не стал бы. Это же каким зверем надо быть, чтобы изнасиловать своего ребенка! Мы вызвали психиатра и постараемся его перевести в психбольницу, так как у нас ему делать нечего,— холодно сказал главный, давая понять, что разговор окончен.

Она вышла из кабинета, явно недовольная.

К концу дня вместе с приехавшим психиатром главный поднимался в стационар. На втором этаже они увидели кричавшую и сбегавшую вниз к телефону медсестру. На вопрос, что произошло, она сказала, что больной из палаты выбросился с верхнего этажа, лежит на газоне, а она бежит звонить в «скорую помощь».

...Миша тихо стонал, из закрытых глаз медленно текли крупные слезы. Тщедушная неподвижная его фигура была в полусогнутом положении, на лице — застывшие сгустки крови. Быстро приехавшая «скорая» отвезла его в хирургическое отделение дежурной больницы.

...Прошло несколько месяцев, но случай не забывался. Поражало то, что невероятно циничный поступок совершил не деградировавший пьяница, а в общем-то сохранивший интеллект, хотя и пьющий человек, каких на земле хватает. Считая, что тщедушное тело Миши не выдержало такой травмы, главный спросил приехав-

шего сдавать отчет районного венеролога, как та девушка и ее взаимоотношения с матерью, так уж убивавшейся по своему Мише, которого, наверное, уже давно нет в живых.

Оказалось, что история на этом не закончилась, Миша выжил. Из хирургии он поступил на обследование в психбольницу, и, поскольку никаких отклонений в психике у него обнаружено не было, его выписали домой, в родной хутор.

Здесь он жил тихо. Нигде не работал, на людях не показывался. Большую часть дня молча сидел в хате у окошка, глядя на степь. Выходил из дому рано утром или с наступлением темноты. Дочь продолжала учиться в техникуме, но ни разу во время ее редких приездов домой он с ней не заговорил, сразу же уходя в другую комнату. Смотреть на нее он не мог, перед глазами сразу же всплывали картины той ночи, которая навсегда останется в его памяти и которая так круто переменила жизнь для него, имевшего прежде все, что ему было нужно: еду, выпивку и безропотную жену, потакавшую во всем. Сексуально нетребовательный, он кое-как, изредка, исполнял свои супружеские обязанности, больше внимания уделяя поделкам по дому. Что любил, так это друзей, особенно когда приход их сопровождался выпивкой. Вытаскивал в этих случаях Миша гармонь, играл и пел до хрипоты, удивляя друзей и соседей выносливостью, неожиданной в таком тщедушном теле. Что его толкнуло на страшный поступок, он до сих пор понять не мог.

...В тот вечер подвыпивший Миша пришел домой, когда стемнело. Встретившая его с заплаканными глазами дочь собрала на стол поужинать, поставила бутылку беленькой. На вопрос, где мать и почему у нее заплаканные глаза, Катя бросилась ему на шею и, с обидой вытирая выступившие слезы, рассказала о том, что произошло.

— Посмотри, папа, подружки как одеваются, а я что, хуже их? Ей жалко денег, а вот на водку она не жалеет,— как-то по-взрослому, неожиданно для Миши, произнесла Катя.

Впервые Миша по-иному посмотрел на свою незаметно повзрослевшую дочь. Обнимая ее, почувствовал тугую грудь, увидел, словно впервые, влажные темно-карие глаза и радостно понял, что в доме у него появилась еще одна женщина, которая требует к себе внимания и заботы. Успокоил ее, пообещав купить просимые ею «бананы», да и вообще приодеть ее.

— Ты у меня уже взрослая, Кать. Вон какие бесенята в глазах играют, а я и не замечал,— сказал он ей, улыбаясь, и присел за стол.

Выпив и слегка закусив, он еще долго играл на гармошке в саду под деревом. Катя, погасив свет, легла спать.

...Наконец и он, устав, вошел в дом. Включив свет, он увидел

стоявшую на столе недопитую бутылку. Выпив пару стопок и посидев еще немного, решил идти спать. Проходя в спальню, увидел освещенную лунным светом кровать и Катю, слегка прикрытую простыней. В вырезе ночной рубашки ослепительной белизны грудь. На цыпочках, боясь разбудить дочь, Миша прошел к себе, разделся и лег. Лежа с закрытыми глазами, он впервые в жизни, как наяву, увидел раздетую женщину, обликом похожую на его Катю, ровно дышавшую грудь, очертания бедер под простыней. Воображение не унималось. Голые женщины, сцены насилия мелькали перед глазами. Наконец он встал и пошел к той, которая безмятежно спала в соседней комнате.

...Она кричала, сопротивляясь изо всех сил. Он взял ее, привязав к кровати, истерзанную и такую жалкую, охрипшую от крика и враз осунувшуюся от несчастья.

Придя в себя, Миша ужаснулся содеянному. Не догадавшись развязать Катю, он оделся, вышел из дома и пошел к участковому. Утром его увезли.

...Теперь в каждый ее приезд, заслышав шаги или голос дочери, он начинал дрожать всем телом, бледнел. Неистово стучало сердце, готовое выскочить из груди. Чувство стыда, позора и вместе с тем жалости к дочери переполняло душу. Он просто физически не мог находиться в одной комнате с Катей, не говоря уже о том, чтобы разговаривать с нею.

С женой Миша лишь изредка перебрасывался редкими словами. Гнетущая, звонкая тишина царила в доме. Иногда он бормотал бессвязные слова о невезении, особенно тогда, когда жена уговаривала его выпить, чтобы, как она говорила, у него отдохнула душа. На лицах иногда встречавшихся ему людей, особенно по утрам, когда он возвращался из степи, видел осуждение и презрение. Тогда он без уговора жены напивался до чертиков, брал в руки гармонь и под мелодию «Постарею, побелею...» заливал свое горе жгучими слезами. И было неясно: жалел ли он себя, свою опозоренную дочь или недалекую супругу, да и вряд ли он полностью отдавал себе в этом отчет.

Так текла его жизнь в богом забытом хуторе. Ласковая весна сменялась жарким, сухим летом, за которым приходила серая, с бесконечной грязью на дорогах глубокая осень. Но ни весенняя пора, обычно обещающая что-то значительное и радостное, ни тем более хмурая осень, дождливая, с низким, тяжелым небом, не приносили ему душевного облегчения. Он все более замыкался в себе, все чаще пил, нечленораздельно выдавливал из себя какие-то фразы или отдельные слова, таившие в себе угрозу, и было трудно понять, кому и за что он угрожал: — Ну, подожди,— слышалось порой,— я с тобой, сука, рассчитаюсь сполна!

...На приехавшую как-то под ноябрьские праздники Катерину

он посмотрел виновато и, не говоря ни слова, ушел в другую комнату. Ложась спать, она нашла под подушками двадцать пять рублей и маленький флакончик духов.

Уходя в полдень следующего дня из дому к подружкам, она так и не решилась ни спросить, от кого этот подарок, ни поблагодарить отца, догадываясь, что это от него. Она и матери ничего не сказала о подарке, когда та заметила, что она уж больно резва с утра.

— Что-то Катерина, Миш, как молодая телка, задрав хвост, носится по двору,— обратилась Евдокия к молча смотревшему на нее супругу.— Не хахаль ли какой у ней завелся, а?

— Закрой рот, дура, если ты... твою мать, ничего путевого про свою дочь сказать не можешь. У тебя на уме если не жратва, то сплетня,— через плечо тихо произнес Миша и, хлопнув дверью, вышел покурить в сени.

...Ноябрьский день клонился к вечеру. Сильный западный ветер гнал торопливые свинцовые тучи на восток и они, с нудной размеренностью проливали дождь на уставшую от сырости землю. Природа отказывалась от этого дара: отсырели и набухли стволы деревьев, земля не желала дальше впитывать в себя влагу, дороги и тропинки стали месивом. Одинокие прохожие, вынужденные идти среди этой хляби по неотложным житейским делам, проклинали непогоду на чем свет стоит. Поистине правы были древние шумеры, считавшие ноябрь месяцем «водного проклятия». Куда ни глянь — везде тоска: и в измученной, до тошноты напившейся природе, и на душе у уставших за год людей...

Подходя к дому, возвращавшаяся с работы Евдокия услышала проплывавшие в тумане тихие, как бы повисшие в воздухе звуки гармони. Она поняла, что муж навеселе, и, войдя в дом, попросила подождать с обедом, так как надо сбегать в магазин. Не получив ответа от безучастно смотревшего в окно Миши, она быстро вышла из дома, на ходу прихватив с собой сумку.

Возвратясь вскоре, она увидела во дворе толпу соседей. Забившееся сердце заставило ее ускорить шаг. Вбежав в комнату, она увидела распростертого, навзничь лежащего на полу Мишу, валявшуюся рядом мокрую гармонь и чуть поодаль ружье, выстрелом из которого он разворотил себе лицо.

— Сучка ты проклятая, погубила отца...— завопила Евдокия.— Да неужто господь бог не покарает тебя, гадину? Куда же я теперь денусь, несчастная? — сотрясаясь всем телом, кричала Евдокия.

Она упала на бездыханное тело и, захлебываясь слезами, заголосила, называя Мишу теми ласковыми словами, которые обычно приходят в горе.

...Да, удивительной все же была эта история. Не тем, конечно, великим, по-человечески трудно прощаемым грехом. Удивляло рав-

нодушие к Мишиной судьбе, проявленное людьми. Ведь эта судьба прошла через руки врачей трех специальностей, да и не только врачей. Никто не проявил к нему интереса, просто участия, человеческой жалости. А люди, презиравшие и отвернувшиеся от него в хуторе!? Никто и никогда не сказал ему сочувственного слова о его несложившейся жизни, слова утешения, будто все были святыми и непорочными. Ах, как легко мы, не задумываясь, возвышаем себя, презирая падших! То ли боимся, то ли разучились быть милосердными к таким несчастным? Да, да, несчастным, ни на минуту не забывающим о совершенном преступлении и всеобщем презрении. Ужасно, но мы становимся безразличными к самому святому, что есть на Земле — к человеческой жизни.

Вспоминая эту трагическую историю, главный думал и о том, что половой инстинкт обладает неимоверной силой, если его зов заставил забыть отцовские чувства, пусть даже у этого вечно пьяного малоразвитого человека.

...Прошло несколько лет. Мишина история, к сожалению, на этом не кончилась. После утренней «пятиминутки» дежурившая в ночь по диспансеру заведующая отделением попросила Евгения Федоровича принять ее для конфиденциального сообщения.

— Я не стала вам докладывать при всех,— смущаясь, произнесла она.— Ночью из района органами милиции были доставлены к нам на обследование три девицы, которые изнасиловали мужчину и при этом кто-то из них якобы заразил его венерической болезнью.

— Мужчину? — не понял главный.— Как это? — он понял, что допускает бестактность, увидев, что вопрос заставил врача покраснеть.

— Каким образом они это сделали, вы спросите у них,— произнесла заведующая,— но все трое, нисколько не стыдясь, подтверждают этот факт. Поражаюсь, до чего цинична молодежь! Одна из них, видимо, заводила, лет 25—27, а остальные совсем девчушки, хотя видно, что немало уже повидали.

— Спасибо, Лидия Евгеньевна, можете быть свободной. А я непременно к вам поднимусь. Заинтересовали вы меня своим сообщением. За сорок лет работы венерологом слышу такое впервые. А впрочем, век живи, век учись,— вздохнул главный.

...Каждый раз, встречая эту ладную кареглазую девушку, Герман Степанович принимался назойливо уговаривать ее встретиться. И каждый раз его просьбы и посулы не оказывали действия. Он неизменно слышал в ответ брезгливый отказ.

Наглый, с бегающими выпуклыми глазами сатир не давал ей, что называется, житья. Это настолько осточертело, что порой она вынуждена была обходить площадь райцентра, где он работал, лишь бы не встретиться с ним. Однако то ли случайно, то ли нет,

он нет-нет, да и останавливал ее и тихим голосом, заискивающе просил: «Кать, а Кать! Ну, давай встретимся. Жалко тебе, что ли?»

Однажды она была настолько взбешена, что, встретившись со своими подружками, заплакала:

— Зин! Ну не знаю, что и делать, хоть убей этого дурака.

— А что?

— Да как ни встретит, все дай да дай. Чуть ли не на ходу готов изнасиловать.

— Ну и что? Так дай, раз просит.

— Да противный он, кощей слюнявый. Хоть бы сдох, проклятый!

— Так давай тогда мы его изнасилуем,— после некоторого раздумья произнесла Зина, бывшая намного старше.

...Надругалась над ним эта троица жестоко. Бесконечно сменяя друг друга, они довели распластанного на тахте Катькиного просителя до тяжелого сердечного приступа. Испугавшись последствий, девицы бросили потерявшего сознание любителя «свежатины», оставив дверь незапертой. Через несколько часов и нашел там его в бессознательном состоянии вызвавший «скорую помощь» его друг. Слухи о необычном пациенте «скорой» пошли по райцентру, у одних вызывая брезгливое осуждение, у других — восхищение находчивостью районных «львиц».

Какова же была реакция много повидавшего на своем веку главного, когда он узнал, что Катя была дочерью того самого Миши!

Окончив техникум, она со временем пополнила ту часть молодежи, которую определяют как «ведущую аморальный образ жизни». Это о таких, как Катя, фильм «Маленькая Вера». Районные «львицы», проводящие жизнь то на «природе», то на «хате», в пьяном веселье сменяя партнеров, пропадающие на дискотеках, они не так уж далеко ушли от проституток. От путан их отличает единственное: они не получают вознаграждение в виде шмоток или денег от любовников. Впрочем, пока не получают или пока не схвачены за руку. И не подлежит сомнению, что они и составляют основной резерв пополнения армии проституток.

Таков был конец Мишиной истории, подводящий один из итогов в рассуждениях о природе проституции в таком «благополучном» обществе, как наше...

Все мы привыкли, честно говоря, возлагать большие надежды на воспитание в наших детских учреждениях и школах. Да и сейчас мы этих надежд полностью не утратили, хотя начинаем понимать, что ничего равного по значимости материнскому и семейному воспитанию не было и нет. Однако и сознавая это, некоторые женщины

предпочитают уходить от семейных забот по воспитанию детей, от необходимости поддерживать теплые и доверительные отношения в доме. Они усердно отсиживают часы на работе, участвуют на ненужных заседаниях, убивают время на мало приносящей пользы общественной работе.

Представим на минуту невероятное: проблема устройства ребенка в дошкольное учреждение исчезла. Все дети — при деле. Значит, теперь будет меньше забот у матери и дети будут хорошие? Однако практика показала, что мы глубоко заблуждаемся, во всем полагаясь на общественное воспитание. И дело здесь не только в том, что из-за низкой зарплаты специальность воспитателя в детском саду остро дефицитная, но еще и в том, что, имея 20 детей в группе раннего возраста или 25 — в дошкольной группе (это норматив, а в действительности больше), воспитатель настолько занят выполнением своих разносторонних функций, что времени для собственно воспитания остается мало. Не случайно в детских учреждениях ФРГ на 8—10 детишек приходится двое взрослых: воспитатель и няня. Все мы ждем, когда государство сможет увеличить зарплату этой категории служащих. И, что не менее важно, снизить их нагрузку. А между тем, не дожидаясь возникновения такой возможности, государство могло бы облегчить весьма тяжелое положение в дошкольных детских учреждениях. Ведь могут же в ФРГ не призванных по каким-либо причинам в армию юношей направлять на срок действительной службы (два года) в детские дошкольные учреждения в качестве воспитателей и нянь! А у нас разве этого нельзя делать? Или организовать для учащихся педагогических вузов и техникумов длительную практику в дошкольных учреждениях в этом качестве. И только после успешной практики выпускникам вручать диплом об окончании учебного заведения, как это делается в ФРГ. Но нет, мы с нашей неповоротливостью и равнодушием продолжаем надеяться на приход лучших времен.

Что же в результате? Известный американский специалист по детской психологии Бертон Уайт с душевной болью пишет о том, что «младенцы, воспитывающиеся в детских учреждениях, к концу первого года жизни плачут все реже, как будто понимают, что плач ничего не даст, кроме усталости». Это сказано о более благополучной службе охраны детства, у нас же, как всем понятно, с этим не лучше.

Но и в условиях идеального детского дошкольного учреждения вряд ли стоит надеяться на такое воспитание, какое ребенок может получить от матери, в семье. И права, по-видимому, И. Преловская, когда, оценивая общественное воспитание ребенка с ясельного возраста, пишет, что это совсем не благо: «...произошло, пожалуй, нечто сходное с планами неуемного покорения природы. Мы пошли наперекор ей и перестарались в своем рвении. Не в младенчестве ли обедняем мы мир добрых чувств, и на неухоженной почве прорастают агрессивность, жестокость, черствость? Но ведь, говоря словами Достоевского, «без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства». Да, нельзя. Пора, наконец, от эйфорических надежд на общественное воспитание перейти к созданию реальных возможностей для того, чтобы ребенок воспитывался в семье.

Теперь о более старшем, школьном возрасте. В настоящее время школа находится на переломе: меняются программы обучения, методики преподавания, вводятся новые формы управления. Будем надеяться, что это не очередная новация, ведь положение с обучением детей настолько серьезное, что требуются самые радикальные меры. Мало того, что по окончании школы ученик недостаточно грамотен (по коэффициенту интеллектуализации молодежи в классификации ЮНЕСКО с третьего места в мире в 1953 году СССР переместился на 42-е), но и полученные знания он не может применить в практической жизни. Ни в семье, ни в школе его не научили трудиться, не привили сознания необходимости труда. Ему легче слоняться из угла в угол, ничего не делая, убивать время в болтовне со сверстниками, а вечера — в дискотеке. Он не испытывает никаких моральных неудобств, когда за деньги родителей угощает себя или друзей спиртным, без проблем целыми днями лежит на диване перед телевизором. Ни одна мышца в организме не сигнализирует мозгу о том, что устала от безделья.

Для каких надобностей растим белоручек? Мы, привыкшие цитировать классиков нашей идеологии по любому поводу, совершенно забыли, что еще К. Маркс писал: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником». Речь не о том, чтобы под испепеляющим солнцем посылать детей на уборку хлопка или под проливным дождем убирать картофель или кукурузу.

Разговор ведется о выработке навыка, рефлекса к труду и разумной бережливости. Чтобы дети понимали, откуда что берется, в том числе и тот рубль, который они так легко тратят. Мы считали, приучать детей «делать деньги»,— это плохо, такая система воспитания развращает молодежь. Но что плохого в том, чтобы подростки с детства приобщались к труду, знали цену каждой копейке, умели зарабатывать на свои карманные расходы, а не «выдавливать» деньги у родителей и тут же с легкостью и игривой дикостью старорусского купца расшвыривать их, будто в кармане чековая книжка. К чему такое расточительство при пустом кармане?

Другое отношение к детскому труду, скажем, в США. «16-летний Крис в летние каникулы подрабатывает в двух местах: помощником у ветеринара и на фасовке продуктов в магазине. 18-летняя его сестра Дженнифер повела нас в магазин товаров для новорожденных, где она на временной работе —12 часов в неделю. Между тем отец их — профессор колледжа»,— рассказывает советский журналист. Разве материальная нужда заставляет этих детей трудиться? И, конечно же, не по этой причине дети миллионеров не гнушаются любой, даже «грязной» работы. А много ли у нас найдется обеспеченных семей, в которых дети трудились бы в столовых, детских садах, уборщиками улиц! Зарабатывать деньги, да еще на непрестижных работах, у нас считается унизительным и недостойным.

В США в 1987 году наличный доход среднего американского подростка составил 4 тысячи долларов в год. Эти детские вклады образуются за счет бережливости при использовании карманных денег или денег, полученных в качестве подарка, или случайно заработанных. Уже с 10—12 лет дети работают, присматривая за младшими, или подстригают лужайки, выполняют другую посильную работу. Поскольку они уже в этом возрасте пытаются заняться бизнесом, то их вовремя знакомят с азбукой бухгалтерского учета, маркетинга и другими премудростями коммерции. Почему это делается? Потому, что деловой мир Америки точно знает наперед, каких в будущем коммерсантов, знатоков информации, генетики, биотехнологии он хочет иметь на своих предприятиях и, чтобы повысить качество обучения, в том числе и приобщая к физическому и умственному труду, берется финансировать школы. «Крайне существенно, чтобы мы дали возможность нашим молодым людям

ощутить себя участниками одной из наиболее волнующих эр в истории»,— говорил еще Нельсон Рокфеллер.

Если на Западе с малых лет дети приучаются к труду и бережливости, то главным для школьника мы считали учебу, учебу и только учебу. Слава богу, теперь, наконец, поняли, что это ошибка, и пусть еще слабо, но все же начинаем вносить коррективы.

«Наши дети нуждаются в защите,— пишет известный педагог Ш. Амонашвили.— От кого?.. Может быть, именно от нас нуждаются они в защите, от нашей педагогики, от наших отношений». Да, это, по-видимому, так. С ним солидарен В. Хилтунен: «Самые правильные слова, попадая на каменистую почву души, пока еще не тренированной никакими благородными поступками, прорастают самым невероятным, непредсказуемым образом. Казалось бы, твердишь о доброте, а мальчишка — будто назло тебе — сжигает в костре лягушек. Упорно рассказываешь — снова и снова, с пеной у рта — о примерах бескорыстного служения людям, о борцах за рабочее дело, а проклятые семиклассники, будто устав от надоедливого твоего жужжания, цепляют металлические амулеты и являют примеры прямо-таки удручающей мелкобуржуазности духа—опасной даже не столько буржуазностью своей, сколько мелкостью... Воспитанники Макаренко были застрахованы от того, чтобы стать паразитами и мелкими буржуйчиками. Они вовремя — именно в том возрасте, когда это и нужно делать, в 13—12—11 лет, начинали по праву именовать себя представителями рабочего класса».

Нет, не грешно иногда оглянуться назад, на пройденное, и на поучительных примерах прошлого исправлять сегодняшние ошибки. Это в первую очередь касается приобщения молодых к труду — вопроса, который в рассматриваемой нами теме о причинах проституции имеет немаловажное значение. К сожалению, в поисках этих причин мы договариваемся порой до того, что занятие проституцией у некоторых девочек является выражением их протеста против демагогии, равнодушия, лжи и несправедливости, с которыми они встретились в юные годы. Вот как? А если к окончанию школы им были уже привиты общечеловеческие нравственные ценности, привычна и любовь к труду, то они вряд ли пренебрегли всем этим и стали бы самоутверждаться разнузданным поведением, употреблением алкоголя и наркотиков, развратом и проституцией.

Теперь поговорим о нравственно-этическом, в том числе половом воспитании, которое дети получают в школе. Еще раз повторим, что у нас в стране это воспитание начинается на десяток лет позже, чем следовало бы. И это не недоразумение, не просчет народного образования, а рекомендация науки, официальной педагогики, до сих пор считающей, что главный для воспитания возраст — школьный. Вот как на этот счет высказываются Л. и Б. Никитины: «Раннее развитие — это на самом деле своевременное, а нынешнее — запаздывающее; и оно вредит всему в детях — и здоровью, и уму, и нравственности». Ю. Б. Рюриков считает, что для правильного развития «...надо круто переменить и всю атмосферу детской жизни, и педагогику, и воспитание в садах, школах». На чем зиждется рекомендация о возможно более раннем начале этой работы? На том, что основная, важнейшая часть в воспитании ребенка — это процесс выработки его поведения. Успех этого процесса зависит не только от искусства и настойчивости воспитателя, но и от самого раннего начала его проведения. Такова наша физиология, таковы законы функционирования мозга. Беда наступает, когда, опоздав, мы вынуждены уже заученные, закрепленные в мозгу ребенка навыки и поведение переделывать. Порой это просто невозможно.

Недавно мы имели возможность из публикации еженедельника «Семья» узнать, что во Франции издана «Энциклопедия сексуальной жизни» (для детей 7—9 лет — первый том и еще три для детей 10—13, 14—16 и 17—18 лет). В нашей стране решили переиздать первый том. И это вызвало протесты граждан, о чем писал бюллетень «Аргументы и факты» (1989, № 8). Корреспонденты А. и Ф. ввиду низкого уровня нашей нравственности и духовной культуры опасаются обратного эффекта, так сказать, «просвещения наоборот». Когда же и благодаря чему произойдет наше «окультурование»? Именно полное издание этой энциклопедии, да еще достаточным тиражом, и есть один из действенных способов поднятия сексуальной культуры молодых. Найдутся те, кто возразит, заметив, что каких-нибудь 50—100 лет назад никто никаким половым воспитанием не занимался, а молодежь была не менее воспитанной и браки неизмеримо прочнее. Да, это правда, но не следует забывать, что воспитание тогда было преимущественно семейным, а значит качественным, и в учебных заведениях оно тоже было весьма строгим и соответствовало высоким крите-

риям, которым следовали и воспитуемые, и воспитатели. Кроме того, отношения между мужчиной и женщиной были не такими, как сегодня, любовь — тоже. В то время большинство браков заключалось с определенной, чаще деловой целью, а любовь играла второстепенную роль.

В старших классах наших школ преподаются новые предметы: «Этика и психология семейной жизни» и «Гигиеническое и половое воспитание». Их программы предусматривают в доступной для учащихся форме пропаганду гармоничных взаимоотношений в семье, воспитание у детей высоких нравственных критериев и духовной чистоты, получение ими элементарных знаний по гигиене, ознакомление с современными методами предупреждения беременности, гигиеной и культурой половых отношений.

Но нередко занятия проводят не врачи, а биологи, словесники и даже обществоведы, которые не имеют фундаментальной подготовки по этим вопросам. «Этику и психологию»,— пишет в «Правде» Ю. Б. Рюриков,— создала Академия педагогических наук, и она оказалась неспособной на педагогику любви, как и на другие виды педагогики. Курс построен неверно от начала до конца. Начинается он не с того, что прежде всего интересует старшеклассников,— не с личных отношений, не с любви, а с вопросов отвлеченных, социологических. Кроме того, этика и психология в этом курсе есть, а сексологии нет: это средневековая, ханжеская позиция. Подготовка к семейной жизни должна вбирать в себя все проблемы: и сексуальные, и психологические, и нравственные. И начинать это надо с детского сада. Есть важное правило: лучше на год раньше, чем на день позже. Еще одно важное правило: все главное, касающееся человеческой сексуальности, дети должны узнавать до начала полового созревания». Не потому ли в Швеции в 7 лет каждому ребенку в обязательном порядке дают уроки репродуктивной биологии, а в 10—12 лет подробно знакомят с противозачаточными средствами? Журнал «Экспресс» информирует о том, что в «австрийских государственных школах создана программа сексуального образования детей от 12 до 15 лет, в которых имеются учебные материалы в виде брошюр, слайдов по мужской и женской анатомии, фильм, где деревянные куколки показывают разные позиции сексуального акта, а также материалы о противозачаточных средствах, венерических болезнях и СПИДе».

И еще об одном, но очень важном моменте следует сказать. Мы все: родители, учителя, воспитатели привыкли разговаривать с молодыми, глядя сверху вниз, не видя в них равноправных, думающих, знающих собеседников. Мы позволяем себе поучать: это можно, это нельзя, это — морально, это нет. Мы забываем, что окрики не доходят до сознания молодых, не воспринимаются ими так, как мы этого хотим. Забываем, что система запретов срабатывает лишь тогда, когда она исходит изнутри, от своего «я», а это достигается только воспитанием. Мы разучились с детьми спорить, аргументированно убеждать, вести диалог на равных. Даже боимся их потому, что не знаем, что их волнует. Мы не видим в них интересных людей, они же не видят в нас старших товарищей.

Каким образом удавалось А. С. Макаренко из молодежи, хлебнувшей жизни «дна», воспитывать нравственно чистых, полезных обществу людей? Не надо забывать, что герои книги Макаренко пользовались в той обстановке другими мерками и критериями. Им не надо было, как это делает теперешняя молодежь, «выворачиваться наизнанку», чтобы прилично, по моде одеваться и непременно в стиле «звезд» или тех, чей карман это позволяет. Им не надо было практически за любой вещью толкаться в бесчисленных очередях. Они были воспитаны обходиться малым — по возможностям своей заработной платы или стипендии. В то же время они не видели, чтобы окружающие люди с таким же достатком, как и они, пользовались благами явно не по зарплате. Они не видели таких, кто призывает вести жизнь нравственно чистую и бескорыстную, а сами проводили бы жизнь в роскоши и безнравственности.

В последние годы растет половая распущенность среди молодежи, в том числе среди школьников 7—10 классов. Называть ли это «сексуальной революцией» по типу той, которая разразилась на Западе в 60-х годах, или квалифицировать как аморальное поведение из-за дефектов воспитания — принципиального значения не имеет. Одно с несомненностью можно сказать, что разница между развратным поведением (половой распущенностью) и проституцией не так уж велика, в них больше общего, чем различий. И конечно же, нас мало утешает то обстоятельство, что наша молодежь не одинока в этом нарастающем потоке сексуальной распущенности, есть это и на Западе. В 1984 году четвертая часть 15-лет-

них американок вступили в интимные связи с мужчинами, а по сравнению с 1970 годом, матерями стали вдвое больше девочек-подростков. Журнал «Тайм» сообщает, что сексуальная революция основательно проникла в среднюю и начальную школы, а подростковая беременность стала серьезнейшей проблемой. Каждый год более миллиона юных американок беременеют, причем четыре из пяти — вне брака, а 30 тысяч из них не достигнув и 15 лет.

Острота этой проблемы в Англии, Франции и Голландии несколько слабее. В то же время, по данным Центрального научно-исследовательского института по проблемам молодежи в Лейпциге, 98 % немецких юношей и девушек начали половую жизнь до вступления в брак, в том числе 60 % — моложе 18 лет».

В нашей стране в 1984 году 2764 женщины в возрасте до 16 лет стали мамами, а в 1987 году таких мам было уже 3000. В одной лишь Москве 1500 несовершеннолетних официально обратились в лечебное учреждение для прерывания беременности (это при том, что число абортов во внебольничных условиях у несовершеннолетних постоянно растет). Если в Ставропольском родильном доме в 1983 году было сделано 20 абортов девушкам в возрасте до 17 лет, то в 1984 году уже 100, а в 1985 эта цифра возросла до 686 (а ведь это тоже только официальные данные). Анкетирование 400 пар молодых москвичей, вступавших в брак, показало, что более половины юношей и почти половина девушек имели добрачные связи, причем каждый девятый вступил в интимную связь до 16 лет. Имеются такие же данные и по другим регионам страны. Проведенные в Ставрополе профилактические осмотры девочек из профтехучилищ показали, что среди 15—16-летних половую жизнь ведут 14 % осмотренных, а среди 17—18-летних —25 %.

«В свои 15 лет я испытала все, что только можно испытать в жизни: алкоголь, наркотики, секс»,— пишет Света из Перми. «Убитая горем» ростовчанка сообщает: «Мне 16 лет, а я уже имею 3 детей... Когда была в 5-м классе, он мне понравился... В 13 лет мальчику было 1,5 месяца... Потом встретила Никиту. В 14 лет родила Никитку, в честь Никиты, а он отвернулся от меня... Потом появился третий сын, но сама не знала от кого». А вот из письма 11-летней корреспондентки: «У меня уже нет терпения ждать, когда ко мне придет мое счастье... А может быть, и вправду самой начать? Я вам пишу по-

тому, что не могу уже без этой ласки, любви, нежных слов и приятных вечеров».

А вот о чем говорят опросы более старшей по возрасту молодежи. 43 % студентов сталкивались в кругу своих сокурсников с пьянством, 27 % — с проституцией, 14 % — с наркоманией; 58 % опрошенных допускают интимные связи вне брака. Не слишком отличаются результаты анкетирования взрослых. Интимные отношения до брака считает допустимыми для женщин 64 % ответивших мужчин и 72 — женщин. Что касается внебрачных связей, то измену мужей готовы оправдать, учитывая сложившиеся ситуации в каждом конкретном случае, 72 % мужчин и 64 женщин. А измену жены при тех же условиях 56 % мужчин и 64 женщин. Опросы показывают, что в наши дни одна треть мужчин нарушают супружескую верность, а женщины тоже не хотят отставать от мужчин: 30 % из них не верны мужьям. Все более терпимым становится отношение к добрачным и внебрачным связям в обществе. «О чувстве стыда не пишут ни в газетах, ни в книгах — «несовременно», — говорит писатель Василий Белов. — Когда-то романтика любви, закрепленная и освященная интимной близостью, была романтикой всей молодежи и даже всей жизни. Нынче она превращается в романтику одной ночи, иными словами — исчезает».

Изменилась не только молодежь, но и мы, взрослые, убеленные сединами. Могли бы мы, скажем, лет десять назад спокойно прочитать такое письмо: «Когда нам было по 16, у нас тоже возникали разные мысли. Но мы не стали останавливать себя, а в скором времни каждая из нас узнала, что такое любовь. Мы не жалеем об этом. Жизнь так коротка, и надо брать от нее все, что можно и нужно. Но вступать в связь с первым встречным мужчиной не советуем, так как сейчас очень много болезней. А вообще не надо отказывать себе ни в чем. И никто тебя за это не осудит, если не будешь распространяться». Да, мы уже слышали о подобных взглядах на секс среди молодежи. И шока не испытываем.

Что же делать? Опять запретить? Наказать? Но как? Кто удержит ученицу 9—10-го класса под замком? Не лучше ли ей объяснить последствия ранней половой жизни? И на всякий случай рассказать, как предохраняться от беременности, чтобы сохранить не только здоровье, но и возможность создать в будущем семью. Полезно знать и юношам о последствиях сексуальных свя-

зей с девушками и о том, что такие связи накладывают на мужчину определенные обязанности и прежде всего требуют преодоления своего эгоизма и проявления заботы о подруге, оберегая не только ее честь, но и здоровье.

Чтобы все это не осталось благими пожеланиями, нужно на деле перестроить систему полового воспитания. Она должна начинаться с раннего детства в семье, затем продолжаться в дошкольных учреждениях и в школах. Программа нравственно-этического и полового воспитания должна осуществляться не силами общественности или учителями-филологами, историками, биологами, а специально подготовленными преподавателями, которые получили необходимые знания еще в вузе, а в последующем совершенствовали их на различных циклах или курсах. Надо, чтобы в школы для проведения занятий по этой тематике не направлялись врачи любых специальностей, перед глазами которых лежит разработанная кем-то лекция или беседа, и которых сидящая аудитория приводит в трепет, так как может задать каверзный вопрос. Это безусловно, должны быть люди, знакомые с сексологией. Ведь опыта и знаний у сексопатологов более чем достаточно.

И, наконец, необходимо организовать на постоянной основе ликбезы для родителей, особенно для имеющих детей —7—10-классников. Обладая в целом достаточными знаниями и сексуальным опытом, родители тем не менее имеют, к сожалению, поверхностные, не систематизированные знания и не умеют их применять в общении с детьми.

И еще об одной очень важной проблеме — издании научно-популярной литературы. Нельзя сказать, что ее совсем нет. Но книги издаются в таких малых тиражах, что мгновенно раскупаются, не снижая дефицита. Нужно сделать так, чтобы библиотечка научно-популярной литературы по различным аспектам сексологии и полового воспитания была в каждой семье и в достаточных количествах в библиотеках школ и вузов.

Ясно, что проблемы проституции, этой нравственной чахотки, никаким принуждением и насилием, ужесточением законодательства не решить (в Нью-Йорке, например, лишь за 6 месяцев 1988 года арестовали 2287 проституток, 8 содержательниц тайных притонов, 91 сутенера, 53 педофила, но их место тут же заняли другие).

Так, может быть, с этим бесполезно бороться и вообще ничего не надо делать? Может быть, общество переболеет проституцией, как дети инфекциями, и все решится само собой, ибо «запретный плод сладок, и только, отведав его досыта, до тошноты, люди вновь вернутся к вечным, забытым ценностям чистоты, целомудрия, верности»?

С другой стороны, Я. Гилинский считает, что «пока существуют товарно-денежные отношения (и сексуальность человека! — Е. Ф.), будет и проституция. И никакие призывы и заклинания не смогут ее ликвидировать». Но, противореча себе, добавляет: «...Очевидно, наиболее приемлема профилактическая, разъяснительно-воспитательная работа». Ну зачем же тратить силы и немалые средства на бесполезную, по Я. Гилинскому, борьбу с проституцией? Ведь еще долго будут существовать товарно-денежные отношения — основная, как он считает, питательная среда этого промысла, потому что другая причина — сексуальность человека — исчезнет, само собой разумеется, вместе с человеком.

В позорный промысел втянуты десятки тысяч наших женщин. И еще больше тех, кто готов заняться этим, но случай еще не представился. Немало и таких, кто находится на перепутье, и вот-вот преодолеет зыбкие препятствия нравственности. 19-летняя комсомолка пишет: «Учтите, я себя проституткой не считаю, но и других не осуждаю. Это личное дело каждого, как ему жить. И вообще, у нас многие стремятся, чтобы было похоже, как на Западе. Раз у них есть, так и у нас будет. Конечно, противно с первым встречным. Но если уж решила заработать, то это чувство надо в себе подавить».

Да, сказано верно: чувство надо подавить. Даже самая «благополучная» и зарабатывающая проститутка страдает от своего унижения. И у нее бывают минуты, когда она проклинает себя и свое ремесло и готова все бросить, но обычно не хватает сил и социальных возможностей. Можем ли мы равнодушно взирать на беду наших с вами детей, сестер и жен; тех, кто уже пал и промышляет на «панели» и тех, кто готов вступить на нее? Нет, нам надо действовать, а не только осуждать, ибо что будет с нами самими, если мы, осуждая, разучимся сострадать и, помогая, прощать. По-видимому, надо добиться, чтобы в отличие от теперешней практики, занятие проституцией стало бы делом невыгодным и весьма опасным. Правы и те, кто требует обратить са-

мое серьезное внимание на воспитание детей и подростков в дошкольных детских учреждениях и в школах. Кто-то скажет, что надо поднять на прежнюю высоту ценность семьи, ее устои и нравственность, а вместе с нею и любовь — и тоже будет прав.

Главным же все-таки является решение женского вопроса, ибо заложенные в женщине особенности позволяют ей даровать жизнь и нести в мир нравственность, добро, любовь и красоту. Таким решением является создание возможности для женщины иметь реальное, экономически подкрепленное право выбора: быть матерью по-настоящему (при этом ее труд по воспитанию детей должен оплачиваться, приближаясь к зарплате среднестатистического служащего) или работать (однако с укороченным хотя бы вдвое рабочим днем и без уменьшения зарплаты, чтобы опять-таки иметь возможность заниматься воспитанием детей). Разумеется, и в том, и в другом случае за женщиной должна быть сохранена возможность достаточного пенсионного обеспечения по достижении соответствующего возраста. И это будет справедливо. Ведь разве воспитание нового поколения не общественно-полезный труд? А в проблеме, которой посвящена эта книга, роль матери бесценна. Никто и ничто заменить материнское воспитание не может. С молоком матери принимает ребенок и ее авторитет. В глазах ребенка нет ничего выше ее оценок и суждений о том, с чем он соприкасается: животными, природой, людьми. То же самое относится и к воспитываемым ею нравственным ценностям: чести и достоинству, сопереживанию и состраданию, культуре и нравственности. Первое «нет» и первое «да» говорит ребенку она, мать. И первая любовь — тоже от нее, от поистине бесценного, доброго материнского сердца.

Разумеется, не сегодня и даже не завтра мы покончим с проблемой торговли женским телом. А пока... пока будем сострадательны, примем близко к сердцу судьбу тех, кто пал, утопает в грязи, в пьяном или наркотическом угаре отдает на поругание свое болезненное, доступное, дешевое тело. Будем помнить, что их падение не только их вина, но и наша. Постараемся сохранить верность нравственной отечественной философии с ее традицией личной ответственности и порядочности, которая всегда была отличительным свойством русского человека. Не позволим себе окончательно очерстветь, забыв о жалости и сострадании, прощении и милосердии.

Ну а тот, кто считает наказание для этой категории падших обязательным, должен помнить, что, наказывая, нельзя унижать. История полна поучительных примеров. Отрубив голову Шарлотте Корде за убийство Марата, одного из вождей французской революции, палач Сансон нанес голове пощечину, за что был отстранен от должности, ибо нарушил закон, гласивший: «Наказывать, не унижая».

И еще. Каждый из нас проявит мудрость, если осуждая проституток, примет во внимание, что у многих из них слишком мал срок профессиональной работы, чтобы можно было успеть извлечь уроки из своей ошибки. Течение времени неумолимо и оставляет кающимся путанам лишь сожаление о безвозвратно ушедшей юности и чистоте.

Давайте не забудем: за человека бороться нужно до конца. И результаты будут. Пусть считанные единицы пока, но тем большее удовлетворение и уважение вызывает мужество тех, кто упал, и тех, кто помог им встать. Недаром Ф. М. Достоевский писал: «...Человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ божий. С этим-то «несчастным» и надо обращаться наиболее по-человечески».

...Она еле передвигалась, цепляясь огрубевшими, измазанными чем-то пальцами за стену и оставляя на ней грязные следы. Поддерживавшая ее пожилая женщина, уставшая от долгого физического напряжения, кричала на весь коридор о бессердечии медиков, которые не хотят помочь слепой женщине добраться до врачебного кабинета. Молодая же особа бормотала безадресные угрозы, сопровождаемые словами не для печати. От нее исходил крепкий сивушный дух, мокрая одежда была в грязи. Находившиеся в коридоре больные, ожидавшие очереди на прием к врачу, улыбались или брезгливо отворачивались. Наконец, на шум вышла медсестра одного из кабинетов, и вдвоем с пожилой подвыпившей женщиной они кое-как довели пьяную до кабинета врача.

Каково же было удивление работников кабинета, узнавших в повалившейся на кушетку женщине свою пациентку. Но еще более они были изумлены, когда она с обескураживающей улыбкой произнесла:

— Что, доктор, не узнали? Так я же Пантера!

— Как Пантера? Ты же Милка? — все еще не веря услышанному, произнесла врач.

— А, Милкой я была давно, когда болела триппером, трихомонадами да всей этой дрянью. А потом надоело: Милка да Милка,

как дойная корова в хлеву. Вот и стала Пантерой. По крайней мере звучит! Да и темперамент соответствует. Имя в моей профессии много значит: одно дело мужику попасть к какой-то деревенской телке, другое — к Пантере,— заплетаясь, бормотала пьяная «хищница».

— Господи, да прекрати ты. Сколько людей заразила, тебе не стыдно? Неужели у тебя и капли жалости к ним нет? Ведь ребята-то молодые. Из-за тебя весь город на ноги поднялся.

Продолжавшая бормотать непристойности, Пантера с трудом встала и, глубоко вздохнув, отчетливо произнесла:

— А этот гаденыш долго будет меня помнить! Вцепился мертвой хваткой, слизняк. Ну, я ему и дала, стерве. Всю душу вымотал. И как я его не убила? Мне ребята сказали, что у него вся голова в крови и что он, наверное, отдаст концы, а мне маячит срок. Вот я сюда и приволоклась. А то бы вы еще долго искали Пантеру. Спасибо скажите этому мудаку.

...Да, это была история. Милка была пациентом вендиспансера с четырнадцати лет. Родители безбожно пили, а она оставалась сама по себе да с друзьями по улице. Несколько раз болела гонореей, трихомониазом, а то и тем и другим вместе; были многочисленные половые контакты с ребятами и мужчинами различного возраста, в том числе с пенсионерами. Главным для нее были спиртное, музыка и сексуальные импровизации. И кто не знал об этой Милке: и школа, которую она бросила, и руководство завода, где работали ее родители, и комната милиции по надзору за несовершеннолетними, дожидавшаяся годами путевки для ее направления в колонию. Жалко было смотреть на эту полную сил и здоровья молодую девчонку, превратившуюся в проститутку самого низкого пошиба.

Но только ли она была виновата в этом? Уже в двенадцать лет дома, в пьяной компании, отец впервые заставил ее попробовать спиртное. На слабый протест одного из гостей отец сказал:

— Ничего страшного! Вон какая дылда растет. Не умрет, пусть привыкает.

И чего только не видела в своем доме эта физически быстро развивавшаяся девочка: многоэтажный мат, пьянки, хмельные объятия и поцелуи женщин, сидящих на коленях у пьяных мужчин, и еще многое такое, чего не должны видеть и слышать дети. Спешащие утром на работу родители заставляли ее прибирать все то, что оставалось на столе, валялось по всей квартире. Нередко она это делала с подругой, также ходившей в школу во вторую смену, и тогда они иногда пробовали остатки из бутылок. Постепенно все более утрачивался интерес к школе, которую вскоре бросила. Не вернулась она туда и после побоев отца, который пришедшей к ним домой учительнице сказал:

— Что же, по-вашему, убить мне ее? Ну, нет в ней интереса к школе. Посмотрите на нее: ей мужика надо, а вы все школа да школа. Ей уже в классе с мелкими и сидеть стыдно. Работать будет, как только возьмут, а в школу больше не пойдет! — отрезал отец.

Прошло время.

...Как-то в магазине к стоящей в очереди Миле подошел живший неподалеку демобилизовавшийся парень со своим другом и попросил купить банку консервов. Провожая ее до дома, он спросил, нет ли у нее подруги, и на утвердительный ответ предложил встретиться вечером.

— Ты, Мил, не соскучишься. Будет музыка, потанцуем, чуть выпьем и проведем время. К возвращению родителей с работы будешь дома. Идет?

Рослый, улыбчивый парень просяще смотрел на смущенную Милу, затем добавил:

— Никогда не думал, Мил, что ты такая нерешительная. Ну что здесь такого? Все так проводят время, и ничего. Да и соседи мы с тобой как-никак!

...Накрытый стол не блистал ни убранством, ни достатком: бутылки с вином, легкая закуска и конфеты. Включенный магнитофон создавал иллюзию новизны обстановки, и несколько смущенная Мила с подружкой неуклюже поздоровались и сели за стол.

От выпитого вина у девочек слегка кружилась голова. Танцуя, ребята крепко прижимали их к себе, говорили на ухо им все то, что обычно говорят в таких случаях мужчины: о красоте, обаятельности подруг. От третьей бутылки девочки отказались и вскоре попросили проводить их домой.

Так закончилась их первая встреча. Вскоре Сережа вновь пригласил Милу «побалдеть», и она согласилась. На этот раз «балдение» для крепко выпившей Милы закончилось тем, что она не ночевала дома и впервые оказалась в постели с мужчиной. Матери она сказала, что ночевала у подруги, родители которой уехали в село.

Встречи с Сережей продолжались и все чаще в компаниях, где застолье заканчивалось постелью, пока однажды пьяная и ничего не понявшая Милка не была передана другому парню. На ее сопротивление он сказал:

— И чего ты, Мил, ломаешься? Твой уже спит, а мы все одним миром мазаны. Да, по-моему, вы уже и надоели друг другу.

И с помутившимся разумом, слабо упиравшаяся Милка под одобрительные взгляды застольниц нехотя уединилась с новым партнером.

Пьянство и сексуальные оргии в Милкиной компании продолжались. Вскоре милицией она была доставлена в вендиспансер на обследование, так как была задержана в притоне. Врачи обнаружили у нее венерическое заболевание.

Увы! Никто не принял близко к сердцу судьбу этой девочки, которая в силу сложившихся условий из романтической стадии сексуального развития так быстро перешла в стадию зрелой сексуальности: ни родители с первоначальными побоями, а потом махнувшие рукой, (вся их жизнь вертелась вокруг вечерних попоек), ни школа, учителям которой всегда не хватало времени на «внеклассную работу» и которые рады были, что, наконец, избавились от ученицы, тянущей своими оценками класс в отстающие. Не очень-то волновались и в детской комнате милиции, где она была взята на учет. Редкие предупреждения, которые они делали Милке о последствиях такого ее поведения, ни к чему не приводили, она не верила в угрозы. Она прекрасно знала, что то же самое говорилось ее новым подружкам, и эти угрозы так и оставались на словах.

Однако для нее возмездие не заставило себя долго ждать. Заболев заразной формой сифилиса, Милка щедро дарила это «богатство» всем тем, кого соблазняла белизна ее красивого тела. Всегда навеселе, она не стеснялась демонстрироавть свои женские прелести посетителям притонов или тем, кто вывозил ее на «природу», в том числе и зарабатывавшим на ней таксистам. Не один десяток «осчастливленных» Милкой приходили в вендиспансер, и надо было видеть, куда девалась их бравада, когда они трезвели от одного лишь поставленного им диагноза. Все они называли источником своего заражения доселе неизвестную в диспансере Пантеру. От вспышки сифилиса город «горел синим пламенем», были подняты на ноги все, чтобы найти Пантеру, но проходили месяцы, и даже подключение милиции не дало результата. И вот, наконец, она собственной персоной сидит в кабинете врача — крупная, со светлыми волосами и темно-синими красивыми глазами, развлекающая себя воспоминаниями об амурных похождениях.

...Прошел год. После положенного ей лечения, Пантера была переведена на пятилетний контроль, по которому обязана была являться к врачу дважды в год, чтобы проходить детальное обследование. Половая жизнь ей была запрещена и соответствующая подписка об этом от нее была взята. Ее предупредили, что не только в случае, если она кого-либо заразит венерической болезнью, но даже если поставит кого-либо в условия возможного заражения, ее могут посадить за тюремную решетку. Таковы ограничения, накладываемые законом.

И вот однажды на третий год контрольного наблюдения ее лечащий врач попросила главного врача принять их с Пантерой, о которой главный уже стал было забывать. Так вдвоем они и зашли в кабинет.

— Я вас слушаю, Дина Николаевна. В чем дело?

— Да вот, Евгений Федорович, Мила просит разрешения выйти

замуж, а ей еще два года нужно проходить контрольное наблюдение. Я этого вопроса решить сама не могу.

— Помилуйте, а разве я это могу решить? Есть инструкция минздрава, которую я не имею права нарушать так же, как и вы. И вы это знаете не хуже меня.

— Да, знаю. Но она с этим вопросом приходит в третий раз. Плачет, устраивает сцены. Да мне, честно говоря, и жаль ее по-человечески.

Этого было достаточно, чтобы глаза Милы быстро-быстро заморгали и покраснели. Упав на стул, она разрыдалась.

— Доктор, вы же прекрасно знаете, кто я была, да и сейчас есть. Вам ли говорить, что я настоящая проститутка. Вы думаете, что я живу на те 90 рэ, которые получаю? Питаюсь, одеваюсь, плачу за квартиру, хожу в кино, на танцы и все на эти девять червонцев? Вы хотите, чтобы я вновь запила и сдохла где-нибудь под забором? Что, кроме этого, меня ожидает, что будет, когда пройдет несколько лет и я как женщина не буду нужна никому, даже последнему забулдыге?

Она громко плакала, умоляя понять ее. Странно было слышать эти просьбы от красивой, молодой, независимого вида женщины. Милка — и крупные детские слезы! Это было несовместно, но это была сама жизнь.

— Поймите, доктор, он меня любит, любит по-настоящему и ничего о моей прежней жизни не знает. Я ведь все равно с ним живу половой жизнью... Но если я забеременею, то вы об этом сразу же узнаете, узнает и он о моем прошлом, так как мне же придется ходить к вам и в консультацию. Поэтому я ничего не хочу скрывать. Вы же понимаете,— продолжала она,— что если бы я не вылечилась, то он бы уже давно заболел. Что практически изменится,— всхлипывая произнесла она,— если я официально выйду за него замуж? Я живу с ним более года. И хотите, хоть сейчас сажайте меня. Я его гнала, зная свою прежнюю жизнь и помня о подписке, но ничего сделать с ним не могу, да и сама уже привыкла. Он и вправду хороший, любит меня. Если бы вы видели, как он обо мне заботится. Я никогда подобного отношения не знала. Так почему же я должна убивать такую любовь, любовь, которая меня сделает человеком, а может быть и счастливым! Разве недостаточно для моих девятнадцати лет того, что я вынесла? Разве я не имею права хотя бы на маленькое человеческое счастье? Ведь не прокаженная же я! Я уже не могу жить той жизнью, доктор, вечно в дыму и пьянке, грязная и немытая, не помнящая, что пила и чьи огрызки доедала, и постоянно, как бесчувственная скотина, обязанная отдаваться такому же грязному и вонючему, как сама. Я стала брезгливой, доктор! Если бы вы знали, что иногда мне хочется убить себя, мне так противно смотреть на свою рожу, вспоминая;

что было. Поймите, что я женщина и хочу иметь ребенка, хочу родить его, кормить своей грудью и быть матерью, как и тысячи других. Я часто вижу во сне себя беременной,— громко рыдая и не стесняясь главного врача, говорила она,— или что у меня много детишек, я их купаю, а они любят меня и ласково прижимаются ко мне. Прошу вас, доктор, умоляю вас, разрешите выйти замуж. Век буду молиться за вас! Господи, ну помогите мне. Разрешите!

Главный смотрел то на Милу, то на Дину Николаевну, готовую тоже просить за нее, и в нем боролись две силы: сострадание и долг. Как врач, он не мог позволить рисковать заразиться от нее здоровому человеку, нельзя и инструкцию нарушить. Ведь если он, главный врач, зто сделает, то как потом сможет требовать исполнения директивных положений от подчиненных? А если беременность обострит дремлющую у нее инфекцию, что не исключено, и дети родятся больными врожденным сифилисом?! Ведь до окончания срока наблюдения еще два года, и эти установленные сроки — не прихоть врачей, а научно обоснованное время контрольного наблюдения. Он призывал в советчики свой опыт врача-венеролога. Но почему-то перед глазами возникла трехлетней давности сцена появления в диспансере грязной, в дым пьяной Пантеры. Вспомнил он и десятки ее кавалеров, месяцы отчаянных ее поисков и подумал, что действительно, ее ожидает далеко не радужная жизнь, а может быть, и смерть под забором, если не дать использовать появившийся шанс вернуться к нормальной жизни. Перед ним был другой человек, личность с новыми желаниями, с явной тягой к жизни. В ней проснулся инстинкт материнства, безудержная и отрезвляющая сила. А главное — его поразило в устах Пантеры святое слово «любовь». Неужели ему придется задушить зто зарождающееся чувство, способное возвеличивать человеческие души, даже забытые богом, отвергнутые и униженные обществом? «Имеешь ли ты на это право?»— спросил он себя.

...В день своей казни Мария Гамильтон надела то же белое платье, в каком она была на балу, когда впервые Петр I пригласил ее на танец. Не выдержав воспоминаний, царь рывком привлек к себе присевшую в реверансе бывшую любовницу, но дрогнул, увидев в ее глазах беспредельную ненависть и поняв, что ее чувства к денщику Ивану Орлову сильнее страха смерти...

Царь поцеловал в губы отрубленную голову Марии и приказал сохранить ее в кунсткамере. «Нельзя любить по приказу — по приказу можно умереть».

«Да,— подумал главный — любовь поистине не знает ни страха, ни преград»,— и тихо, в задумчивости, сам не ожидая того, произнес:

— Ну, ладно, Пантера. Черт с тобой! Беру на свою шею ответственность! Но вот при враче тебя предупреждаю, если ты нару-

шишь хоть одно условие, из всех, о которых я сейчас вам обеим скажу, то я сделаю все, чтобы запрятать тебя в места, откуда еще долго не вернешься! Только ты мне не клянись,— перебил он обрадовавшуюся Пантеру,— если бы я тебе не поверил, то клятвы твои были бы ни к чему. Ты лучше внимательно слушай и запоминай. Имей в виду, если что — достанется не только тебе, но и нам, людям, которые рискуют, желая тебе добра.

Неумело поклонившись и сказав: «Если бы вы знали, как я счастлива», она с врачом вышла из кабинета. А главный еще долго не мог успокоиться.

...В чудесный летний день главный вышел из троллейбуса у драмтеатра и направился через площадь в сторону кинотеатра «Экран». Подходя к приятно шумевшему фонтану, он увидел идущую навстречу пару: крупную светловолосую женщину, которая под руку держала, по-видимому, мужа. Впереди бежали, обгоняя друг друга и хохоча, двое мальчуганов. Воспоминания, как искра, сверкнули в памяти, он невольно приостановил шаг. Мужчина что-то выговаривал разыгравшимся детям, а женщина пристально и благодарно заблестевшими глазами смотрела на главного. Не поздоровавшись, гордо подняв голову, она прошла мимо.

«Ну, прямо Софи Лорен»,— подумал главный. Это была, конечно же, Пантера. Чувство обиды всколыхнулось в душе: «Как же это так,— даже не поздоровалась!» Но, продолжая свой путь, он сказал себе: «А кто из вылеченных больных венерическими заболеваниями когда-либо здоровался при людях со своим врачом? Главное не это, главное то, что она счастлива, что у нее удалась жизнь.

Дорогой читатель! Наш разговор подходит к концу. Давайте попробуем вместе не только задать вопрос, но и поискать на него ответ, пусть и не бесспорный. Итак, каковы перспективы борьбы с проституцией?

В настоящее время на Западе эту проблему пытаются решить двумя способами, каждый из которых имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Декриминализация проституции заключается в том, что она не запрещается, не преследуется и не карается, но в то же время законом не признается. Законодатель или блюститель закона проходят мимо проститутки, если она ведет себя в рамках приличия, если не пристает к прохожим, навязывая себя.

Легализация проституции — это уже юридическое признание ее как вида человеческой деятельности, то есть работы, регулируемой и охраняемой законом, которая лицензируется государством, а следовательно, от этого рода деятельности граждан государство имеет

доходы путем взимания налогов. Легализация устраивает многих, так как при этом обеспечивается действенный медико-санитарный контроль (возможна более надежная профилактика венерических болезней и СПИДа), исключается шантаж, вымогательство. Такой подход не ущемляет прав женщины заниматься любым видом трудовой деятельности. Демократия и свобода во всем?! Впрочем, и то и другое хорошо, если оно в меру. На Вацлавской площади Праги на глазах многочисленных прохожих 23-летняя гражданка ЧСФР и 35-летний эфиоп занялись сексом. Окружающие зеваки оживленно комментировали происходящее, не подпуская полицейский патруль, ссылаясь при этом на ...демократию. Толпа все более возбуждалась, и это привело к актам эксгибиционизма. Кое-кто стал приставать к проходящим мимо женщинам, и только вызванное полицейское подкрепление смогло утихомирить толпу и навести порядок. Разнузданность под фиговым листком демократии — это крайность.

На путь легализации проституции стали многие цивилизованные государства, в том числе Великобритания, ФРГ, Франция, Швеция, Нидерланды и другие. Это означает защищенность проститутки законом. Более того, 80 % (из 20 тысяч) профессиональных проституток Нидерландов в надежде на улучшение условий жизни (сокращение продолжительности рабочего времени, повышение уровня медицинского обслуживания, предоставления отпусков и т. д.) решили прибегнуть к помощи профсоюзов и были приняты в крупнейшую федерацию нидерландских профсоюзов «Сервис».

«Но можем ли мы пойти по этому пути? — спрашивает один из виднейших наших социологов Игорь Кон.— Разве совместимо это с нашим нравственным сознанием?» И продолжает: «Иммунитет и отвращение к ней (проституции — Е. Ф.) формируются только вместе с общей культурой интимной жизни. А это требует не столько рациональных, сколько эмоционально-эстетических средств. Это очень трудно, но другого пути нет».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аникин А. Встречи со средним американцем // За рубежом.— 1988.— № 45.

Аргументы и факты.—1989.— № 9.

Банки для подростков // За рубежом.—1988.— № 51.

Белых В. «Любовь» по прейскуранту // Труд.—1989.— № 196—197. Субботний выпуск.

Богдановский А. Три года на уход за ребенком // Известия.— 1988.— № 347.

Бояркина Н. Девальвация // Комсомольская правда.— 1988.— № 179.

Бояркина Н. На панели // Комсомольская правда.—1989.— № 22.

Бояркина Н. Чио-Чио-Сан в джинсах // Комсомольская правда.—1988.— № 194.

Васильева Л. Еще раз о женской душе // Правда.—1987.— № 290.

Время — деньги? // Комсомольская правда.—1989.— № 267.

Вторушин С. Если детей трое // Правда.—1989.—№ 314.

Гадасина А. Пока мы молчим, Ромео и Джульетта расплачиваются за любовь // Медицинская газета.—1988.— № 89.

Гланц Ю. Ночные гастроли // Труд.—1988.— № 101.

Дамы полусвета // Советский спорт.—1988.— № 201.

Детство под знаком стресса // За рубежом.—1988.— № 22.

Дмитриева О. с соавт. Семья 2000 года // Комсомольская правда.—1988.— № 297.

Женщины в СССР. Цифры и факты // Политическое образование.—1988.— № 3.

Жиляева В. Группа риска // Советская Россия.—1988.— № 3.

Журавская И. Разговор 9 марта // Работница.—1988.— № 3.

Жуховицкий Л. И двадцать семь копеек в кармане // Молодой коммунист.—1988.— № 6.

Жуховицкий Л. У Юли есть время // Крестьянка.—1988.— № 10.

Заикина Г., Федяева Е. Брак, любовь, секс в оценке рабочих и интеллигенции // Московские новости.—1988.— № 35.

Иллеш А., Шальнев А. Признание инспектора полиции нравов // Известия.—1988.— № 359.

Кайтмазова Н. Вертравен — значит доверие // За рубежом.— 1988.— № 47.

Карвонен А. Почему в Финляндии все так дорого? // Аргументы и факты.—1989.— № 42.

Кокберн Р. Древнейшая профессия и СПИД // За рубежом.— 1988.— № 27.

Коркина Т. Невидимые миру слезы // Ставропольская правда.—1988.— № 167.

Крими Б. Кукольные домики // За рубежом.—1988.—№ 10.

Лебедева М. Плюс-минус правда // Известия.—1988.— № 234.

Левин А. Давайте называть бедность бедностью // Семья.— 1988.— № 39.

Левицкий Л. Льготы для себя // Известия.—1989.— № 14.

Любви все возрасты покорны // Наука и жизнь.—1988.— № 5.

Максимова С. П. Назначили младенцам стипендию // Известия.— 1989.— № 32.

Мелвилл Д. Кто же первый в браке равных? // За рубежом.— 1988.— № 31.

Мушкина Е. Любовь и ответственность // Неделя.—1988.— № 34.

Нуйкин А. Идеалы или интересы? // Новый мир.—1988.— № 10.

От «Эврики» до «Эврики» // Комсомольская правда.—1988.— № 169.

Парламент, Памелла и секс // Аргументы и факты.—1989.— № 24.

Плеханов Б., Борисова Е. Девочки из никуда // Медицинская газета.—1988.— № 90.

Положевец П. Повторение пройденного // Комсомольская правда.—1989.— № 262.

Преловская И. Первенец // Известия.—1988.— № 200.

Преловская И. Школа: канун перемен // Известия.—1988.— № 360.

Радов А. Бездельники поневоле // Комсомольская правда.— 1987.— № 58.

Раш К. Всех царств дороже // Правда.—1989.— № 53.

Родкина Г. Легко ли жить кукушкам // Аргументы и факты.— 1989.— № 3.

Савватеева И. А цены от Кардена? // Комсомольская правда.— 1988.— № 224.

Симонов В. Джинсовое поколение // Комсомольская правда.— 1988.— № 99.

Сколько стоит отпуск? // Комсомольская правда.—1989.— № 152.

Сокровище в наших руках // Правда.—1988.— № 8.

Таранов С. 200 факторов риска // Известия.—1988.— № 243.

Тархова Л. Кто он? // Комсомольская правда.—1987.—№ 209.

Ханга Е. В чужом пиру похмелье // Московские новости.— 1988.— № 29.

Хилтунен В. Откройте Макаренко // Комсомольская правда.— 1987.— № 230.

Худякова Т. Хотят ли женщины в лидеры // Известия.—1988.— № 216.

Чикин М. Знакомьтесь: Мария Ивановна // Комсомольская правда.—1989.— № 35.

Ч
УМА
XX
ВЕКА
ЕФИМ ФЕОДОРИДИ

На протяжении своего исторического развития человечество не раз сталкивалось с угрозой своего существования. Достоверно известны эпидемии различных инфекционных заболеваний, унесшие десятки миллионов человеческих жизней. Тиф, оспа, чума, холера, туберкулез, сифилис, проказа и другие инфекции собирали мрачную дань. Да и сейчас они продолжают свое черное дело. Человек — самое совершенное, разумное и могучее, что создала природа, при общении с самыми примитивными живыми организмами — микробами, вирусами и грибами — становится их жертвой. Потому что микроорганизмы сумели выработать уникальную возможность приспосабливаться к новым условиям и преодолевать те преграды, которые человек ставит перед ними.

Последние годы ученый мир обещал человечеству радужные перспективы. Но нет! На горизонте появилось еще одно несчастье, грозящее человечеству пандемией, которая уже уносит десятки, а в ближайшие годы унесет сотни тысяч человеческих жизней. Речь идет о СПИДе, синдроме приобретенного иммунодефицита. Он хозяйничает уже в 152 странах Америки, Африки, Европы, Австралии и Азии. Количество его жертв удваивается каждые 10—12 месяцев.

Итак, что же это за болезнь, которую называют чумой XX века, исход которой почти всегда — смерть? (До сих пор случаев излечения в мировой литературе не описано.)

Само ее название не совсем точно, так как по сути дела человек ничего не приобретает. Наоборот, он утрачивает присущую организму защитную реакцию иммунной системы, утрачивающей способность уничтожать проникшие в организм различного рода микробы, вирусы и грибы. Эта способность осуществляется непосредственно лимфоцитами, маленькими белыми клетками крови или с помощью больших белых клеток крови, макрофагов, путем фагоцитирования (переваривания). Этот вид лимфоцитов называется Т-лимфоцитами в отличие от других В-лимфоцитов, которые уничтожают проникающих в организм микробов другим путем, а именно: вырабатывают особые белковой природы антитела, которые способны прикрепляться к клетке-микробу и разрушать ее. При СПИДе нарушение иммунитета заключается в исчезновении или, по крайней мере, в резком уменьшении количества Т-лимфоцитов. Они не только пере-

стают циркулировать в крови, но исчезают из лимфатических желез, печени, селезенки, миндалин, пищеварительного тракта, легких и других органов и систем организма. И человек становится беззащитным перед инфекцией и онкологическими заболеваниями.

Впервые СПИД (или ВИЧ — вирусный иммунодефицит человека) был зарегистрирован в США весной 1981 года среди молодых гомосексуалистов Калифорнии. У них необычно часто возникали пневмонии и онкологическое заболевание, называемое саркомой Капоши. Болезнь сопровождалась специфическим нарушением клеточного иммунитета, которое ранее не наблюдалось и не было описано. Это нарушение иммунитета вначале пытались объяснить особенностями сексуального поведения мужчин-гомосексуалистов. Было доказано, что сперма, введенная в прямую кишку, вызывала подавление иммунитета. Но ведь и раньше гомосексуальные контакты сопровождались тем же, однако подобного заболевания не наблюдалось. Значит, дело не только в этом. А тут появились больные СПИДом, начисто отрицавшие гомосексуальные связи. Значит гомосексуализм — не единственная причина новой болезни.

Справедливости ради следует сказать, что на прошедшей в Стокгольме IV международной конференции по СПИДу доктор С. С. Фроланд из Национального госпиталя г. Осло сообщил данные, которые уточняют сведения о времени обнаружения первых больных СПИДом. В 1966 году у главы одной семьи, моряка по профессии, постоянно бывавшего с рейсами в Африке, были обнаружены симптомы неизвестного заболевания. Через год его жена, а через два года и двухлетняя дочь заболели той же неизвестной в то время болезнью. Все трое умерли в 1976 году. Сыворотку крови всей семьи решено было сохранить и, как сообщил журнал «Ланцетт», в ней, уже теперь, при исследовании были обнаружены признаки СПИДа. Новые исследования, подтверждающие данные о более раннем появлении СПИДа, опубликованы в 1987 году в США, где в образцах крови и тканях, взятых еще в 1968 году у 15-летнего Роберта Р., теперь обнаружен вирус СПИДа. Вот почему сейчас трудно достоверно говорить о времени появления этого заболевания и о путях проникновения его в человеческий организм.

Недавно в Габоне (Западная Африка) у двух шимпанзе выделили вирус, весьма схожий с вирусом СПИДа

человека по своему строению и ряду других свойств. Это дает основание считать, что обнаруженный в 1986 году у человека менее распространенный второй вирус СПИДа скорее всего исходит из Африки. Происхождение же первого, наиболее распространенного у человека вируса СПИДа до настоящего времени неизвестно.

Профессор Токийского университета М. Хайяма считает, что вирус СПИДа «сидит» в наших клетках уже давно, практически со времен наших общих с обезьянами предков. В таком случае возникает вопрос: почему вспышка СПИДа отмечена только сейчас? Что изменилось в человеке, в окружающей его среде или в самом вирусе, если он стал летален (смертелен) для своего хозяина? Пока ответа нет. Во всяком случае, предположение некоторых ученых о том, что вирус СПИДа выращен в научных лабораториях, а затем, как джинн, вырвался из колб и пробирок и теперь гуляет по белому свету в поисках жертв, не имеет достоверных доказательств.

Впрочем, в какой-то степени нам всем повезло, что вспышка СПИДа началась только сейчас, а не в более ранние времена. «Если бы СПИД пришел в 70-х годах,— сказал американский ученый Р. Галло,— мы все еще бы заглядывали под камни в поисках причины». Теперь же мы знаем о вирусе неизмеримо больше. На недавно прошедшем Всесоюзном съезде иммунологов было отмечено, что при СПИДе патологический процесс начинает один вирус, он размножаясь, передается при заражении другим людям. Однако убивает человека не этот первоначальный вирус, а другой, так называемый вирус — мутант, наследственно изменившийся в организме человека. Он образуется в течение длительного скрытого периода, то есть, периода между моментом попадания вируса в организм и моментом появления признаков болезни. Причем, этот мутант, приводящий к смерти больного, у разных людей разный.

Сведения о количестве больных СПИДом в мире, а тем более в отдельных странах, неточны, потому что количество больных изменяется буквально ежедневно. Если, например, по данным ВОЗ, на конец 1986 года СПИД был зарегистрирован в 50 странах мира (им болели около 50 тысяч человек), то уже в сентябре 1987 года количество больных превышало 60 тысяч, а на сентябрь 1988 года ВОЗ сообщила, что уже в 140 странах мира зарегистрировано 108176 больных СПИДом, и чис-

ло инфицированных этим вирусом составляет от 5 до 10 млн. человек. Прошло чуть более года, и по данным ВОЗ, на 30 июля 1990 года в 152 странах мира количество больных достигло 273425.

Наибольшее количество больных СПИДом проживает в США — свыше 50 тысяч, там же от 1,5 до 5 млн. инфицированных. Еженедельно в США количество больных СПИДом увеличивается на 220 человек, а число инфицированных — на 374. Медики США предупреждают правительство и население об ожидаемой катастрофе. По их прогнозам, к 1991 году в США будет 280 тысяч больных, из них 180 тысяч умрет. Только за лечение и уход за этими больными потребуется 33 млрд. долларов — это больше, чем США тратят на все здравоохранение. Недаром эта болезнь объявлена в стране национальным бедствием.

Так же быстро растет количество больных в других регионах мира. Если во Франции, например, в сентябре 1987 года зарегистрировано 1980 больных СПИДом, то в сентябре 1988 года уже 4211, а к концу 1989 года заболела 21 тысяча французов.

Очень тревожные сведения приходят и из Италии. Как сообщила сенатская комиссия по здравоохранению итальянского парламента, к концу 1988 года количество больных СПИДом было в пределах 3—4 тысяч. В 1989 году эта цифра увеличилась до 8—9 тысяч, в 1990 году — до 18—20 тысяч. В 1991 году ожидается удвоение числа больных (40—50 тысяч). Уже сейчас в Италии от этого заболевания погибло 1025 человек.

Бьют обоснованную тревогу и страны Африки. Как сообщает Ф. Нуши в газете «Монд», уже в 48 государствах этого континента зарегистрированы больные СПИДом. Из общего числа зараженных этой инфекцией в мире (5—10 миллионов человек) 3 миллиона африканцев. На черном континенте уже сейчас зарегистрировано 300 тысяч больных. Прогноз мрачен. Доктор Дж. Чин считает, что к 1992 году в Африке будет миллион больных СПИДом, в том числе 20 тысяч детей.

Заболевание СПИДом вызывается ретровирусом нового типа, передающимся половым путем и через кровь. Впервые он был выделен в институте имени Л. Пастера во Франции и в Национальном институте рака в США. Вирус очень чувствителен к большинству широко известных дезинфицирующих средств, а нагревание его при 56°С в течение 30 минут ослабляет инфекционную

активность в 100 раз. Вирус не передается при поцелуях, через пот человека, при пользовании предметами обихода, поэтому представляются чрезвычайно необоснованными меры, предпринимаемые с целью предохранения от заражения некоторыми гражданами, учреждениями и ведомствами (футбольная федерация Англии издала циркуляр, в котором рекомендует спортсменам изменить образ жизни и поведение на поле, иначе их ожидает опасность заражения СПИДом и смерть. Для этого федерация предложила прекратить совместные тренировки в бассейнах, мытье в общих душах. Футболисты должны перестать целоваться и обниматься после забитого гола, не пить из одного стакана и т. д.).

В то же время следует знать, что ряд действий может приводить к усилению активности вируса. Так ультрафиолетовое облучение, применение антибиотика митацина «С» приводят к увеличению его экспрессии в 150 раз. Даже естественный солнечный свет провоцирует вирус СПИДа. Это должно быть предостережением для тех, у кого выявлена инфицированность вирусом. Им ни в коем случае нельзя увлекаться загаром.

Подавляющее большинство больных СПИДом — мужчины. Но если поначалу соотношение мужчин и женщин составляло 10 : 1, то в последнее время отмечается более равномерное распределение болезни между мужчинами и женщинами.

Особенно распространен СПИД среди групп населения, ведущих беспорядочную половую жизнь с различного рода половыми извращениями. Среди них гомосексуалисты и особенно бисексуалисты, а также проститутки (на долю этой группы приходится 77% больных СПИДом). Наркоманы, пользующиеся одним шприцем при введении наркотиков, составляют 15% заболевших. На людей, получающих донорскую кровь, и на новорожденных детей приходится 1% больных. К группам повышенного риска относятся больные с венерическими заболеваниями.

Приводимое соотношение больных СПИДом по группам населения не во всех регионах одинаковое. В США, например, 92% больных приходится на гомосексуалистов и наркоманов. По официальным данным, в США на каждые 40 тысяч переливаний крови происходит одно заражение СПИДом (а по данным У. Мастерс и В. Джонсон, одно заражение на 5,5 тысяч переливаний!). Даже внутри различных групп населения возможность

получить болезнь или инфицироваться различна. В США среди имеющихся 10 миллионов гомо- и бисексуалистов выявлено 900 тысяч инфицированных зловещим вирусом, а среди гетеросексуалистов число инфицированных не превышает 30 тысяч.

Тревога за распространение СПИДа в нашей стране обусловлена тем, что мы живем не на изолированном острове, не в замкнутом обществе. Широко развиты связи с зарубежными странами экономического, политического и общественного характера, по туризму — от этого никуда не денешься. Наконец, в нашей стране есть группы населения, особенно среди молодежи, вступающие в многочисленные интимные связи с малознакомыми и совсем не знакомыми лицами. Растет количество наркоманов, проституток с венерическими заболеваниями (по данным, опубликованным в иностранной печати, от 30 до 40% проституток больны ВИЧ-инфекцией), среди них нередки случаи половых извращений. В нашем крае показатель заболеваемости сифилисом среди женщин в возрасте 18—19 лет в 1987 году, по сравнению с 1986 годом, увеличился на 42%, а среди мужчин этого же возраста — в 2,5 раза.

Какому богу мы должны молиться за то, что в момент нашей эпидемиологической неподготовленности СПИД пока лишь «лизнул» нас, тогда как в странах Америки, Африки и Европы он разгулялся вовсю! В ином случае мы бы утонули в инфекции из-за слабости эпидемиологической службы и уверенности на первых порах, в том, что СПИД не имеет социальной почвы для распространения в нашей стране. Ведь совсем недавно ни одно наше медицинское учреждение не располагало достаточными возможностями для его диагностики. Да и сейчас, когда мы вроде бы стали осознавать опасность и приняли ряд основополагающих документов в виде приказов Министерства здравоохранения СССР, внесли соответствующие изменения в законодательство страны, работа по борьбе со СПИДом, отношение к делу медицинских работников, качество их подготовки, возможности научно-исследовательских учреждений по оперативной диагностике СПИДа, не говоря уже о массовых обследованиях на СПИД, во многих рядовых медучреждениях на очень низком уровне.

Об этом свидетельствует статья С. Разина и В. Умнова «Возможно, это смерть от СПИДа», опубликованная в «Комсомольской правде» еще в октябре 1988 года.

Описанный в статье случай СПИДа не был длительное время распознан в рядовом медицинском учреждении, в ведущих клиниках Ленинграда, где кровь больной исследователи смешали с пробами еще четырех человек, и это сделало диагностику недостоверной. Даже в лаборатории СПИДа Центрального научно-исследовательского института эпидемиологии для установления точного диагноза потребовалось около месяца. И это в то время, когда во Франции диагноз заболевания методом энзимной амплификации генов (о методах диагностики у нас еще будет разговор) может быть установлен через 1 час после взятия крови, даже если вирусом заражена лишь одна из каждых 5000 клеток, а после 12-часового периода инкубации в лаборатории чувствительность теста возрастает настолько, что вирус обнаруживается, даже если им поражена одна из 500 000 клеток! Тест-система, выпускаемая американской фирмой «Дюпон», размером не более спичечного коробка, дает достоверный ответ в течение 5—8 минут. Похожая тест-система уже широко апробирована и в африканских странах. При этом нет никакой необходимости в громоздких аппаратах, холодильниках, где хранится кровь, как это имеет место у нас. Такую компактную тест-систему можно, естественно, иметь и у себя в доме. На их приобретение не стоит жалеть и валюты, коль скоро мы не можем создать ничего подобного.

На июнь 1990 года в СССР зарегистрировано 512 зараженных СПИДом, 39 больных. Умерло 22 больных, из них 14 детей. Эти данные не отражают истинной картины поражения СПИДом в СССР, так как объем проведенных исследований еще мал для окончательного суждения об инфицированности населения, а время наблюдения над лицами, дающими положительный результат при проведении им серологических исследований на СПИД, еще слишком коротко, чтобы судить, являются они здоровыми носителями болезни или находятся на первой стадии развития заболевания. Нельзя исключить и того, что в некоторых рядовых медицинских учреждениях из-за недостаточной квалификации и отсутствия должной настороженности медперсонала, а также нехватки соответствующего оборудования, случаи СПИДа не диагносцируются. В настоящее время требуется взвешенный подход к этой проблеме: благодушие и самоуспокоенность в медицинской среде, равно как и паника, одинаково опасны и могут отрицательно

сказаться на проведении всего комплекса необходимых мероприятий.

С момента попадания вируса в организм инкубационный (скрытый) период продолжается от нескольких месяцев до 5—6 лет. Хотя на сегодня уже многое известно об этой болезни и о самом вирусе, но вопросов все же остается немало. Почему, например, вирус СПИДа мутирует (изменяет свои наследственные свойства) вдвое чаще, чем гриппозный. Почему этот вирус может «спать» в клетках организма и в это время ни Т-лимфоциты-убийцы, ни вырабатываемые В-лимфоцитами антитела не способны его нейтрализовать? Да и вообще, как долго они могут оставаться «спящими»? Может быть, навсегда? Заразны или не заразны люди с определяемой сверхчувствительным методом положительной реакцией, так как выявленные этим методом вирусы СПИДа в одних случаях могут подавать признаки жизни, в других — нет? А может быть, мы имеем дело с вирусами, не способными размножаться и вызывать заболевание? И не сталкиваемся ли мы в этом случае с тем, что в иммунной системе некоторых людей есть какие-то особенности, позволяющие сопротивляться вирусу СПИДа? Ведь подобные случаи медицине известны на примере рака. В организме многих людей образуются раковые клетки, но при этом они не причиняют вреда одним и вызывают болезнь у других. Нет ли здесь аналогии? А чем объяснить выявленный недавно факт, заключающийся в том, что некоторые серопозитивные люди снова становятся серонегативными, то есть, находившиеся ранее в их крови антитела к вирусу СПИДа, указывавшие на наличие ВИЧ-инфекции, исчезают и более не вырабатываются организмом, хотя методом энзимной амплификации генов вирус в организме у этих больных обнаруживается? Почему он снова стал «спящим» и насколько безобиден для организма в таком состоянии? И пусть случаев еще мало (4 — в США и 3 — во Франции), но они есть. Наверное, с улучшением возможностей диагностики и наблюдения выявление таких случаев будет чаще.

Не ясен пока секрет коварства и неуязвимости вируса, ведь он молниеносно и смертельно нападает на Т-клетки-помощники, тем самым обезоруживая иммунную систему организма задолго до того, как она оказывается способной к контратаке. Остается загадкой и то, что одни заболевают мгновенно, а у других инкубаци-

онный период продолжается годами. Трудно объяснить и тот факт, что некоторые люди в условиях, когда просто невозможно избежать заражения, остаются совершенно здоровыми.

На эти и ряд других вопросов ученые ищут ответы, и на некоторые уже сейчас пытаются ответить.

Исследователями Лондонского госпиталя Св. Марии выявлен ген, определяющий поолжительную предрасположенность организма к СПИДу. Более того, оказалось, что его носители в более тяжелой форме страдают СПИДом и у них это заболевание развивается быстрее. Как сообщила японская газета «Иомиури», группа ученых Японии и ФРГ также обнаружили ген, который, видимо, играет определяющую роль в распространении или сдерживании вируса СПИДа. Кроме того, они же нашли вещество, которое гасит активизацию найденного гена и тем самым ограничивает распространение вируса. Это вещество, выделенное из морских губок, названо «Авазолом». Значительный интерес представляет сообщение академика Р. В. Петрова о результатах совместного изучения советских ученых пептида антигена СД-4. Оказалось, что он находится на поверхности Т-лимфоцитов-помощников и служит как бы маяком для вируса СПИДа. Именно его узнает вирус и проникает в Т-лимфоцит. В дальнейшем, разрушая его, вирус лишает человека иммунной защиты. Ученые оптимистически настроены на то, что им удастся найти пептидное или антипептидное вещество, которое сможет блокировать или значительно затормозить возможность перехода вируса из одной лимфоцитарной клетки в другую.

Не менее интересен вывод, к которому пришел выдающийся французский ученый, впервые выделивший вирус СПИДа,— профессор Луи Монтанье, о взаимодействии вируса с клетками человека. Оказывается, в результате этого контакта иммунная система человека как бы замирает в борьбе с проникшим в организм вирусом, позволяя ему делать все, что угодно в своем хозяйстве. «Мы приходим к выводу,— говорит Монтанье,— что при взаимодействии определенных белков вируса и оболочки клетки рождаются сигналы, дающие лимфоциту команду «смерть». Таким образом, уже сегодня выявляются сложные взаимодействия вируса с человеческим организмом, на генном уровне.

В настоящее время выделяют ряд стадий ВИЧ-инфекции. У одной трети — половины зараженных разви-

вается острое заболевание, сопровождающееся повышенной температурой до 38°—40°С, выраженной интоксикацией, ангиной, поносами. Почти у всех больных увеличиваются лимфатические железы, которые болезненны при прощупывании, подвижны и не спаяны ни между собой, ни с подлежащими тканями. Такое состояние может продолжаться от нескольких дней до 1—2 месяцев, а затем лимфатические железы уменьшаются вместе с болезненностью и лихорадкой, то есть болезнь переходит в бессимптомную фазу. В это время количество Т-лимфоцитов нормальное, хотя серологические реакции на ВИЧ-инфекцию положительные. И хотя у большинства больных периоды увеличения лимфатических желез сменяются периодами их исчезновения, общее состояние здоровья у больных хорошее, во всяком случае оно не сказывается на их трудовой деятельности и половой активности. Эта стадия может продолжаться в течение нескольких лет.

Однако болезнь продолжает развиваться, и со временем особо значительные изменения наступают в иммунной системе. Они выражаются в уменьшении количества Т-лимфоцитов-помощников, а также в снижении активности оставшихся. В этой стадии на фоне ослабленного иммунитета развиваются различного рода гнойничковые заболевания кожи и слизистых оболочек, себорейные дерматиты, стоматиты, ограниченные пневмонии, опоясывающий и простой герпес, туберкулез. От 55 до 80% больных СПИДом страдает слабоумием, а в некоторых случаях оно предшествует диагнозу СПИДа. Длительность этого периода во многом зависит от эффективности лечения этих осложнений, иммунотерапии и специфического лечения СПИДа. У некоторых больных развивается саркома Капоши, которая, помимо своей типичной локализации на ногах, у больных СПИДом поражает голову, туловище, половые и внутренние органы, а также слизистую оболочку рта.

В последней, терминальной стадии другие вирусы, бактерии и грибы, бесконтрольно размножаясь и соревнуясь друг с другом, способствуют генерализации процесса и развитию тяжелых, трудно поддающихся форм пневмонии, туберкулеза, онкологических заболеваний. В этой последней стадии и появляются симптомы собственно СПИДа, приводящего к смерти больного: слабость, адинамия, резкое похудание, поносы, немотивированные повышения температуры. В крови резко

снижается количество Т-лимфоцитов. Применяемые терапевтические средства не оказывают положительного эффекта, и наступает смерть.

В заключение следует еще раз повторить, что клиническая картина СПИДа не имеет специфических особенностей, и это должно вызывать максимальную настороженность врачей всех специальностей.

В диагностике заболевания важное значение имеет эпидемиология. Наибольшему риску заболеть, как уже говорилось, подвергаются мужчины-гомосексуалисты и в особенности бисексуалисты; наркоманы, вводящие наркотики путем инъекции шприцем; больные гемофилией, которым вводят лекарства, повышающие свертываемость крови; больные, которым проводятся переливания крови; дети, родившиеся от больных матерей; медицинский персонал (оперирующие хирурги, медицинские сестры). К группе риска относятся и больные с венерическими заболеваниями, а также половые партнеры людей из перечисленных выше групп. Риск возникновения СПИДа прямо зависит от количества внебрачных половых связей. Следует учитывать, что СПИД чаще всего возникает у лиц молодого и среднего возраста. Основным же методом диагностики является лабораторный.

Ученые многих стран усиленно работают над усовершенствованием диагностики этого грозного заболевания, ища возможность получения достоверных результатов на возможно более раннем этапе, ибо это позволяет срочно провести мероприятия по ограничению дальнейшего распространения болезни. Вопросы приоритета в этом деле носят порой чрезвычайно острый характер. В начале декабря 1983 года профессор Монтанье обратился в патентный офис США с просьбой о выдаче свидетельства об открытии метода проведения анализа крови больных на вирус СПИДа. Через 4 месяца подобная просьба поступила от Роберта Галло из США. В мае патент был выдан американскому ученому, что вконец испортило его прежде хорошие отношения с французским исследователем (оба ранее работали по проблеме рака и имели тесные научные контакты). Дело грозило затормозить дальнейшие исследования ученых настолько, что потребовалось вмешательство в возникший конфликт президента США Р. Рейгана и президента Франции Ф. Миттерана. Конфликт был урегулирован путем выдачи патента сразу

двум ученым, а доходы от его продажи они делят пополам. Как говорится, нет худа без добра. Одновременно был создан франко-американский фонд борьбы со СПИДом, первоначальный взнос в который составил 20 млрд. франков.

Для установления диагноза СПИДа требуется обязательное лабораторное подтверждение диагноза. В нашей стране чаще всего используются различные варианты иммуноферментного анализа (ИФА), при помощи которого выявляются антитела к вирусу СПИДа. Однако это несовершенные способы диагностики, потому что они могут давать ошибочные результаты. Кроме того, должно пройти определенное время контакта организма с вирусом СПИДа, чтобы в крови больного появились антитела. Поэтому сыворотки больных, положительные на СПИД, проверяются в реакции иммуноблетинга, при этом определяются антитела к отдельным белкам, входящим в вирусную клетку. В последнее время пытаются найти в сыворотке крови или в лимфоцитах больных СПИДом специфический антиген, для чего используют метод иммунофлуоресценции (добавляют в диагностикумы светящиеся краски, они связываются в реакции таким образом, что своим свечением под люминесцентным микроскопом «выдают» искомый антиген). Все перечисленные способы диагностики имеют существенные недостатки: они очень трудоемки, дорогостоящи и длительны по времени. К тому же в связи с нашей низкой технологической культурой, как пишет президент АМН СССР В. Покровский, «...производство одной технологической системы снято из-за грубых нарушений технологии производства. Другая вызывает нарекания из-за нестабильности качества. Все используемые в СССР химии производства культур вируса уступают по продуктивности зарубежным».

Во Франции разработан уже упоминавшийся нами метод диагностики, называемый энзимной амплификацией генов. Преимущество его в том, что он надежен, его можно применять сразу же в подозрительных случаях, а не ждать, когда в организме больного вырабатаются антитела к вирусу СПИДа. При этом методе выявляется сам вирус или же, по крайней мере, особый белок, который вырабатывается только вирусом СПИДа и указывает, следовательно, на его присутствие в организме. Уже на второй-третий день после полового контакта с больным можно обнаружить вирусы СПИДа, ес-

ли заражение произошло. Напомним, что американской фирме «Дюпон» удалось создать тест-систему, которая позволяет дать достоверный ответ за 5—8 минут.

До сих пор надежных способов лечения болезни не существует. Все предложенные методы, в том числе направленные на восстановление иммунологической сопротивляемости организма вирусу, а также непосредственно на его уничтожение, вызывают глубокое разочарование. Еще не описано ни одного достоверного случая излечения больного СПИДом, хотя предложена масса лечебных средств, в том числе различного рода вакцины. И еще: среди ученых нет единодушного мнения, кого надо лечить. Как быть с людьми, инфицированными вирусом, у которых нет проявлений болезни? Подавляющее большинство врачей отрицают необходимость лечения таких носителей вируса. Но никто из них не может гарантировать, что через какой-то период времени (10—20 лет) у инфицированных не возникнет заболевания, и что они не передадут эту инфекцию другим лицам.

Много надежд возлагалось в последнее время на получение эффективных вакцин против вируса СПИДа. В Заире французский ученый Д. Загюри на 12 добровольцах получил доказательство того, что изготовленная им вакцина индуцирует в организме антитела, которые якобы нейтрализуют вирус. Австралийцу Р. И. Рэмшоу удалось создать принципиально новую вакцину против СПИДа. Он добился того, что вирус коровьей оспы продуцирует не только антитела против вируса СПИДа, но и интерлейкин-2, который стимулирует размножение лимфоцитов, защищающих наш организм от различного рода микробов, в том числе и от вируса СПИДа, то есть стимулирует иммунную систему, угнетаемую при этой болезни. Успех испытания этой вакцины на мышах обещает более широкое использование в борьбе со СПИДом так называемых «живых вакцин».

Датский журнал «Ланцет» сообщил, что если культуру Т-лимфоцитов предварительно обработать противотуберкулезным средством — фузидиевой кислотой, то вирус СПИДа уже не оказывает на них своего разрушающего воздействия. На основании сообщения в Англии, США и Канаде проводятся клинические испытания этого препарата для лечения больных СПИДом. В Национальном онкологическом институте США начались первые эксперименты с новым препаратом для лечения

СПИДа. Он представляет собой протеин, полученный при помощи генной инженерии, и называется СД-4, аналогичный тому протеину, который присутствует на поверхности Т-лимфоцитов в здоровом организме. Механизм его действия заключается в том, что этот протеин, подобно химической губке, будет впитывать в себя вирус СПИДа прежде, чем он успеет добраться и разрушить иммунные клетки. Эксперименты на животных показали, что препарат полностью адсорбирует вирус до того, как он заражает клетки. В настоящее время эксперимент по применению этого препарата проводится на 50 больных СПИДом. По поводу препарата доктор С. Броудер заявил: «Что бы ни произошло, можно сказать, что нынешний шаг — один из самых важных в направлении получения лекарства от СПИДа. Он приведет к выявлению все более совершенных путей блокирования вируса».

И все же, давая оценку предложенным ныне вакцинам, следует сказать, что победить СПИД размножением нейтрализующих антител пока маловероятно. «Надежды на создание в скором времени профилактических вакцин и чудо-препаратов, излечивающих от СПИДа,— пишет в «Известиях» академик В. Покровский,— к сожалению, пока беспочвенны. Ведущие ученые во всем мире считают, что в этом столетии вакцину не получить».

Сообщалось, что для лечения СПИДа применялись семена австралийского каштанового дерева, набор трав, собранных в Уганде, препарат Ал-721, приготовленный из яичных желтков, ретровир, синтезированный в Англии. Из Киншасы (Конго) пришло сообщение о якобы успешном лечении больных СПИДом препаратом М-М-1. Японские ученые сообщили о синтезированном ими из морских губок препарате «Аварол», который, как они утверждают, воздействует на вирус СПИДа и не вызывает никаких побочных осложнений в организме больного. Единственным недостатком этого препарата, по мнению ученых, является то, что в организме больного он задерживается на непродолжительное время.

И еще несколько слов об одном интересном сообщении медиков США. Они провели успешное лечение 42 больных СПИДом новым препаратом Кью. Он представляет собой белок, полученный из китайского огурца, используемого еще с III века нашей эры как народное средство для лечения некоторых онкологических

заболеваний и для прерывания беременности. Препарат Кью уничтожает только те клетки иммунной системы человека, которые поражены вирусом СПИДа, и эта его избирательность отличает этот препарат от любых, предложенных ранее. Кроме того, это единственно известное сейчас лечебное средство, которое уничтожает макрофаги иммунной системы, которые в случае поражения организма ВИЧ-инфекцией становятся своеобразным резервуаром вируса.

Лучшее на сегодняшний день средство для лечения больных СПИДом — препарат АЗТ (азидотимидин) — замедляет размножение вируса, улучшает состояние больного и продлевает его жизнь, но... не излечивает. О его относительной эффективности можно судить по следующему эксперименту, проведенному в США. Из 145 больных, получавших АЗТ, за 6 месяцев умер только один больной, а из группы 136 больных, получавших плацебо (индиферентное вещество), умерло за этот же период времени 19 человек. Но и этот, такой дорогой, препарат (курс лечения АЗТ стоит от 30 до 56 тысяч долларов) дает поразительные результаты лишь на первом этапе лечения. Впоследствии же отмечается ухудшение клинической картины болезни.

С. Туторская в «Известиях» сообщила, что азидотимидин, полученный советскими учеными по более простой методике из сырья, которое в изобилии выпускается Минхимнефтепромом, более эффективен и дешев. Но у нас, как всегда, больше препятствий и бюрократической волокиты. Оказывается, сырье, из которого вырабатывается лекарство, лимитировано, а фондов для производства препарата от СПИДа не выделено. К тому же до сих пор нет разрешения фармокомитета на использование нашего средства. Ведь куда проще не брать на себя ответственность, а использовать инвалюту на приобретение заморского препарата. А поскольку валюты с гулькин нос, то «... больных нечем лечить. И врачи тайком дают им новые таблетки на свой страх и риск». Более того, такое же отношение и к новому, более эффективному, чем азодотимидин, препарату, который создали на чистом энтузиазме профессор Бибелашвили и группа ученых. Только ли безответственностью и медлительностью властей, а также тех, кто по своей должности обязан подобные открытия выискивать, проверять и оперативно внедрять в производство, объясняется это безобразие? Страна шокирована прог-

нозом, что к 2000 году в СССР ожидается 30 тысяч больных СПИДом, у которых будут тяжелые клинические проявления болезни, и от 1 до 1,5 миллионов зараженных! А руководители нескольких министерств не могут решить вопрос о выпуске единственного относительно эффективного средства лечения СПИДа. А ведь если указанный прогноз оправдается, то наше неэффективное и нищенское здравоохранение просто не справится с бедой!

Осознание последствий такой страшной угрозы уже сегодня заставляет правительство США вкладывать в науку по борьбе со СПИДом 1,6 млрд. долларов ежегодно только из государственного бюджета, не считая частных вложений. У нас же на научную программу «СПИД» правительство выделило всего 10 миллионов рублей. А ведь и организация, и материальная база медицины в США и у нас несравнимы. Нет, не доходит до сознания правительства, что счастливая случайность, предоставленная нашей стране более поздним, по сравнению с другими странами, развитием эпидемии СПИДа, могла бы дать нам возможность избежать ее катастрофических последствий не только в виде ежегодных миллиардных расходов, но и потери жизней десятков тысяч людей. Так чего же ждать, на что надеяться? Разве что на себя самого.

От каждого из нас тоже кое-что зависит и прежде всего — предупреждение заболевания. Говоря о профилактике, следует вспоминать о путях распространения инфекции. До сих пор известны три пути ее передачи: личные интимные взаимоотношения; передача болезни с донорской кровью, инфицированной вирусом; различного рода инъекции через загрязненный шприц. Все остальные разговоры о передаче вируса через поцелуи, слюну, пот, объятия — плод страха и неосведомленности.

Следовательно, достаточно государству в достатке обеспечить медицинские учреждения одноразовыми шприцами и системами для переливания крови — и один из путей передачи вируса исчезнет. У нас же сейчас потребность в шприцах обеспечивается лишь на одну треть. Мы призываем медицинских сестер тщательно обрабатывать шприцы, чтобы не только предупредить заражение пациентов, но и обезопасить самих себя. Хотя в силу ряда условий, существующих в медицинских учреждениях (большая перегрузка процедурных

кабинетов, отсутствие необходимой технической оснащенности), качественная обработка шприцев не всегда возможна. Но есть выход, и он заключается в организации центральных стерилизационных отделений при больницах и поликлиниках. Здесь свои трудности со штатами, с недостаточностью обычных шприцев (что ограничивает количество инъекционных процедур больным), резиновых перчаток для персонала, которые не выдерживают автоклавирования или сухожаровой обработки. И площади под стерилизационные помещения требуются большие, и не все медицинские учреждения, многие из которых размещаются в приспособленных помещениях, имеют возможность такие площади выделять.

К примеру, в нашем крае. «...До сих пор не открыты центральные стерилизационные отделения в краевых клинических больницах № 1 и детской в Ставрополе, в центральных больницах Андроповского, Грачевского, Степновского, Шпаковского районов... более половины существующих стерилизационных отделений не соответствует санитарно-гигиеническим требованиям. В Ставрополе из 17 отделений не соответствующих 12»,— констатировано при рассмотрении в исполкоме краевого Совета вопроса «Об утверждении комплексного плана мероприятий по предупреждению распространения СПИДа в крае на 1989—1990 годы», который состоялся в декабре 1989 года. Таким образом, этот канал передачи вируса остается пока неперекрытым.

Теперь о переливании донорской крови, она везде и всюду должна тщательно проверяться на вирус СПИДа прежде, чем будет перелита реципиенту. Но для этого необходимо достаточное количество хорошо оснащенных лабораторий по диагностике СПИДа, а это зависит не столько от местных органов здравоохранения, сколько от ряда министерств, однако они не спешат ни создавать эти лаборатории, ни тем более оснащать их. И хотя за последние годы в стране открыто более 600 лабораторий и в них обследовано более 40 миллионов проб крови доноров и лиц, относящихся к группам риска, этого еще явно недостаточно.

Впрочем, возвращаясь к началу нашего разговора о профилактике СПИДа, зададим себе вопрос: была бы обеспечена она у нас в медицинских учреждениях, если бы имелись и центральные стерилизационные, и качественные резиновые перчатки, и системы для перели-

вания крови, и лаборатории, и одноразовые шприцы (Кстати, совершенно непонятно, почему у нас в стране с ними проблема. В маленькой Танзании с целью профилактики СПИДа пользуются одноразовыми ножами при совершении обряда обрезания). Будь все перечисленное в достатке, не возникало бы трагедий, подобных элистинской? Думаю, что нет. Проблема медико-санитарной инфекции может быть решена только при условии воспитания у медицинского персонала нравственных устоев, которые не позволят, скажем, медсестре нарушить дисциплину асептики. А асептику, кстати, можно обеспечить и многоразовыми, обычными, иглами и шприцами, если добросовестно их обрабатывать. Внутренние «тормоза» должны запретить ей сделать укол без строжайшего соблюдения правил асептики. Ведь можно и одноразовым шприцем, меняя иглы, делать по несколько инъекций, заражая людей! Итак, главное в этом деле — нравственная и профессиональная культура, совесть персонала медицинских учреждений.

Профилактические меры должны носить и носят комплексный характер. Так, во всех краях и областях страны созданы штабы по борьбе со СПИДом, которые с учетом местных условий разработали соответствующие планы борьбы с этим грозным заболеванием. Определен порядок направления подозрительных на СПИД больных в центральные медицинские учреждения и институты для их госпитализации и диспансерного наблюдения. Органам здравоохранения и внутренних дел разрешено принудительное обследование граждан в случае, если есть основания для такого обследования. Иностранцы, отказывающиеся от обследования, высылаются за пределы страны. Изменено и законодательство, в котором предусмотрено, что за заведомую постановку лица в условия, опасные заражением СПИДом, может последовать наказание в виде лишения свободы до 5 лет, а заразившее лицо, знавшее о своей болезни, лишается свободы на срок до 8 лет.

Уже прошло достаточно времени для предварительных выводов об эффективности разработанных мероприятий. С сожалением приходится констатировать, что органы и учреждения, призванные на практике осуществлять эти мероприятия, все еще находятся в летаргическом сне. Надеются, что эта беда обойдет нас стороной?

К тому же в предпринятых на общегосударственном

уровне мероприятиях не все учтено. Положение со СПИДом в мире слишком серьезно, чтобы ограничиваться полумерами. Практически все больные, попавшие на стационарное лечение, должны быть обследованы на СПИД так, как это делается для выявления скрытых форм сифилиса. Ленинградский случай, описанный в «Комсомольской правде», подтверждает это, ибо он со всей наглядностью обнажил нашу безответственность, неоперативность и благодушие. Характеризуя выполнение решений по борьбе со СПИДом, академик В. Покровский утверждает, что люди «все еще не проснулись от спячки. Многие из уже принятых решений до сих пор не реализуются».

До сих пор в стране не созданы крупные, хорошо оснащенные центры по борьбе со СПИДом на базе, скажем, инфекционных больниц, в поликлинических отделениях, где имелись бы высококвалифицированные врачи узкого профиля: дерматовенерологи, гинекологи, невропатологи, психиатры, стоматологи, сексопатологи и другие, а также юрист — для обеспечения социальной защиты заболевших и инфицированных. Эти врачи занимались бы не только клинико-диагностической, но и диспансерной работой среди контингента посетителей, одновременно обслуживая и тех больных, которые госпитализированы в инфекционную больницу. Разумеется, весь спектр лабораторной помощи в этом поликлиническом отделении инфекционной больницы (по сути это инфекционный диспансер со стационаром — по принципу кожно-венерологического или противотуберкулезного диспансеров) должен находиться на самом высоком уровне.

В настоящее время лаборатории и анонимные кабинеты при станциях переливания крови, санитарно-эпидемиологических станциях, в некоторых дермато-венерологических учреждениях и других местах недостаточно хорошо оснащены и имеют целью лишь предварительную диагностику инфицированности СПИДом.

Необходимо организовать изучение клинических проявлений болезни не только среди практических врачей, руководителей отделений, но и среди научных работников лечебных кафедр, выработать у медиков чувство особой настороженности к симптомам СПИДа.

До сих пор нет четкого контакта МВД и здравоохранения. Последним не передаются списки «группы риска» для организации их обследования. В связи с запу-

щенностью проблемы юридического определения проституции в нашем обществе создалась парадоксальная ситуация: нельзя, не нарушив закона, вторгнуться в интимную жизнь граждан для сбора сведений об их образе жизни, хотя все знают, что это крайне необходимо, так как проституция особо опасна в распространении болезни (по данным иностранной печати, как уже писали, от 40 до 50 % из них больны СПИДом). А четкой грани между аморальным поведением и проституцией не определено. Значит, органы милиции и здравоохранения не имеют права и возможности исполнять свой долг.

К сожалению, СПИД не ждет, пока наше нерасторопное законодательство определит свои позиции. Общество подвергается страшной опасности. Иллюстрацией к сказанному может служить смерть от СПИДа 4,5-месячного ребенка в Одессе, заразившегося от матери, которая состояла на официальном учете как проститутка. Должных выводов своевременно из этого сделано не было. А не преступна ли халатность в случае заражения 27 детей вирусом СПИДа в детской республиканской больнице Элисты? Поистине, пока гром не грянет... А он грянул и в палатах Ставропольской краевой клинической детской больницы. В протоколе по расследованию этого случая перечислины районные исполкомы, не оказавшие необходимой помощи органам и учреждениям здравоохранения, а также отмечено, что управление здравоохранения крайисполкома, краевая санитарно-эпидемиологическая станция не проявили должной требовательности к руководителям лечебно-профилактических учреждений по соблюдению санитарно-противоэпидемиологического режима, специальной подготовки медицинских работников, не добились полного обследования на ВИЧ-инфекции беременных, доноров, реципиентов крови». Это еще один пример расхождения слов и дела, планов и их реализации.

Что же касается личной профилактики СПИДа, особенно среди молодежи, то есть последнего пути заражения, то на Западе развернулась кампания борьбы за изоляцию больных СПИДом и инфицированных его вирусом в отдаленные лагеря и госпитали, наподобие лепрозориев. Ученый Коннор предложил, например, переселить на один из Гавайских островов 1,5 млн. вирусоносителей. Однако эта идея не получила поддержки широких слоев населения. И правильно, так как зараже-

ние СПИДом происходит только сексуальным путем или через кровь и такие неоправданные строгие эпидемиологические меры ни к чему. Никакие карательные методы борьбы также не принесут пользы (поэтому и эффект ужесточения нашего законодательства напоминает выстрел хлопушки). Можно ли испугать карой человека, знающего наверняка, что за порогом стоит смерть, готовая принять его в свои объятья? Другое дело — ввести в наше законодательство меры уголовной ответственности за заражение вследствие переливания крови, за разглашение врачебной тайны, за отказ в оказании лечебной помощи, за дискриминацию, травлю больных СПИДом, угрозу физической расправы над ними.

Важной остается и пропаганда. Слово медиков, преподавателей, родителей — всех, кто им владеет, должно нести больше информации, больше подробностей об этой болезни и о путях ее распространения и, конечно же, о методах профилактики. Начиная со школьного возраста, каждый должен знать, как происходит заражение, и здесь не обязательны часовые лекции и назидательные беседы. Разговор может быть очень кратким и конкретным.

Почему мы считаем неудобным сказать детям, молодежи, что при разовом гомосексуальном контакте с инфицированным вирусом СПИДа риск снижается в 10 миллионов раз, если используется презерватив? Юноши и девушки должны знать также, что использование презерватива значительно снижает возможность заражения не только СПИДом, но и венерическими заболеваниями, которые пусть не приводят к смерти, но существенно влияют на здоровье, являясь нередко причиной бесплодия. А ведь угроза эта реальна. Например, в том же документе о комплексном плане мероприятий по борьбе со СПИДом Ставропольского крайисполкома сказано, что количество венерических заболеваний в крае в 1989 году увеличилось в 2,7 раза, особенно среди молодежи. Мы должны не только донести это до сведения молодых, но и потребовать от промышленности сделать так, чтобы презерватив не был в дефиците и отличался бы высоким качеством. Он должен быть в продаже в любом торгующем предприятии.

Умению проводить пропагандистские мероприятия можно было бы поучиться у Запада. Там давно поняли, что, поскольку в настоящее время медицина не имеет

надежных средств борьбы со СПИДом, необходимо упор сделать на психологических аспектах профилактики. Во многих государствах Западной Европы презервативы рекламируют по телевидению, в театрах, кино, выпускают много специальной литературы, снимают кинофильмы, проводят различного рода кампании «за безопасный секс», благотворительные концерты.

Проявляется много выдумки и фантазии. Например, в центре Парижа, рядом с Эйфелевой башней знаменитые французские актеры, писатели, общественные деятели, художники собирают пожертвования на борьбу со СПИДом.

Популярная эстрадная «звезда» США Мадонна во время своих благотворительных концертов не только раздает буклеты о СПИДе, но и исполняет новую песню в стиле рок, припев которой 15-тысячная ревущая аудитория скандирует, сотрясая все вокруг: «СПИД — опасная и могущественная болезнь, но мы, американцы, сильнее ее». Почему это делается? Вероятно, не только в память о своем друге художнике Мартине Бургонье, погибшем от СПИДа, но и для того, чтобы сберечь тысячи молодых жизней (кстати, только от одного концерта она передала в Американский фонд по изучению СПИДа 400 тысяч долларов). Не случайно и то, что, закрывая в Ватикане международную конференцию по СПИДу, папа римский Иоанн Павел II заявил: быстрое распространение СПИДа бросает вызов всему человечеству, в том числе и церкви, и эффективная борьба с ним возможна только совместными усилиями: и людей, и организаций, и общественности, и государств.

К сожалению, нам трудно представить, чтобы Алла Пугачева, София Ротару, Иосиф Кобзон да и любая другая наша эстрадная «звезда» могла согласиться заняться сбором пожертвований или, если не самим сбором, то хотя бы дать благотворительный концерт для борьбы со СПИДом.

Конечно, проще, если нравственность находится на должном уровне и нет необходимости проводить дорогостоящие пропагандистские кампании. Но отсутствие у молодых жизненного опыта, неисчислимые соблазны, низкий уровень нравственно-этического и полового воспитания молодежи и, как следствие, более ранние интимные связи, рост наркомании, алкоголизма, венерических заболеваний — все это оправдывает тревогу за распространение СПИДа в стране.

Никакими запретами дела не поправишь. Разумнее научить молодежь безопасному сексу. Специальные опросы свидетельствуют, что и раньше, и теперь большая часть молодых людей заинтересована в браке и семье, в постоянстве и в супружеской верности. Их сексуальность также ориентирована на эти человеческие ценности, вот только реализуют они, как правило, ее до брака. От этой действительности никуда не деться.

Когда-то Христофор Колумб писал королеве Изабелле: «Мир маленький; я говорю, что мир не так велик, как думает толпа». Мы должны это помнить в грозный час опасности и представлять себе реальную угрозу инфицирования СПИДом населения нашей страны. Он, к сожалению, уже в нашем доме, и речь идет о жизни и смерти наших детей. Мы должны убедить их в том, что главная защита в борьбе с этим грозным заболеванием — это здоровый образ жизни, исключающий внебрачные связи, разврат, проституцию. Моральная и физическая чистоплотность — вот гарантия от СПИДа.

ОТ РЕДАКЦИИ

Тема книги, которую ты,
дорогой читатель, держишь в руках,
стара как мир.
Уж кажется, и добавить нечего к тому,
что уже написано и сказано.
И все же... ты не нашел в ней
официоза, пустых фраз, затертых до бессмыслицы.
Ибо каждая строка книги —
это исповедь людей,
в чью жизнь вторглась беда —
социальное зло нашего общества,
явившееся итогом образа жизни —
экономической убогости,
нравственной безграмотности, нищеты...
Десятилетиями нас пророчески убеждали,
что история движется «к лучшему».
А жизнь снова и снова возвращает нас
на круги своя.
Наш научно-технический век имеет столько
издержек!
Да, совершенствуются средства передвижения,
средства коммуникации,
способы добычи энергии,
мы потеряли счет кораблям, которые
отправляем в космос.
Но ведь все это часто обращается
против человека.
Декларируются идеи свободы,
права, гуманности,
а человечность попирается в невиданных
масштабах.
С одной стороны — прогресс медицины,
с другой — рост новых
страшных заболеваний.

Алкоголизм, наркомания, проституция.

Они видятся на фоне
огромного числа разводов,
материальной

необеспеченности семей,
переполненных домов ребенка,
одиноких немощных стариков,
перебивающихся
с хлеба на воду...
Все больше желающих уйти
от действительности,
забыться до умопомрачения.
среди них — дети,
женщины, старики...
Жалкие, потерянные, больные...
Пьют, кажется, с горя и радости,
от нечего делать и по привычке,
в будни и праздники.
А мы боремся против...
Задумайтесь!
Может пора сменить тактику!
И начать бороться «за»!
ЗА ЧЕЛОВЕКА!
ЗА СМЫСЛ ЕГО ЖИЗНИ!
ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗДОРОВЫХ НАЧАЛ!
Пора понять,
что меры агитации хороши
лишь на фоне
конкретных дел.

Пять с лишним лет прошло
с момента принятия
известного постановления
по преодолению пьянства
и алкоголизма.
Но до сих пор отношение
к нему людей неоднозначно.
Не так уж много.
осталось сторонников
запретительных мер.
Запрещать нечего: опустели
полки магазинов. Взамен
крепких напитков
не поступают в продажу
даже легкие вина,
пиво. Нет обещанных соков,
которые должны были вытеснить
горячительные напитки.

Нет чая, и нет кофе.
А что есть?
Мы организуем выставки
антиалкогольных
плакатов, читаем лекции,
проводим рейды,
поднимаем цену на водку. А они,
«сбрасываются» и тащатся чуть
свет к магазину.
Мы строим зоны трезвости,
а они начинают пить денатурат,
дышать дихлофосом, гнать самогон.
В прошлом году количество
клиентов в вытрезвителях Москвы
дошло до цифры, отмеченной
в 1985 году, до указа.
Из карманов задержанных извлечены
коллекция шампуней,
флаконы от средства для снятия
лака для ногтей, средства
от пота, лосьоны,
одеколон,
тормозная жидкость,
«Антимоль».

Только в столице Туркменской
республики за последние
полтора года сняты с учета в связи
со смертью,
связанной с алкоголизмом
и наркоманией,
254 мужчины и 89 женщин...
Вот он — результат
антиалкогольной
пропаганды.
Пожалуй, впервые мы
всерьез заговорили о необходимости
укрепления здоровья народа
и сознательного отказа
от спиртного и наркотиков.
Потому что ситуация,
которая сложилась к концу
XX столетия, поистине
драматична. Исправлять ее придется
многие годы.

Общая смертность
советских людей за последние
10—15 лет выросла с 8,2 до 10,0
на 1000 жителей.
А за истекшее полугодие еще более
возросла.
Младенческая смертность составила
в прошлом году 22,7 на 1000
родившихся живыми
(в Японии и Швеции соответственно 5 и 6).
А мы терпелио и привычно молчим...
Мы привыкли, голодные и уставшие
после работы,
обегать магазины и с тоской
в глазах и желудке
вглядываться в пустые, независимо
от времени года, прилавки.
Мы привыкли покорно
выстаивать очереди за тем,
что «выбрасывает» торговля.
Мы привыкли радоваться
овощам и фруктам, в которых
превышена норма содержания нитратов.
Мы привыкли, что в больницах
не хватает простыней и кроватей,
и люди лежат на раскладушках,
в коридорах.
А к послеоперационному больному
не дозовешься няни.
Мы терпеливо варим мясо
в течение двух часов, как
это рекомендуют делать врачи,
ибо знаем — там притаилась
сальмонелла...
Наверно, это тоже безнравственно
— терпение и покорность.

По ожидаемой продолжительности
жизни, как свидетельствует ВОЗ,
среди 60 стран мира СССР занимает
54-е место у мужчин (64,8 года)
и 47-е у женщин (73,6 года).
В то время как в Японии,

занимающей первое место по этому
показателю, продолжительность
жизни для мужчин 75,8,
а для женщин —81,9 года.

Онкологические,
легочные, эндокринные
заболевания на фоне
пьянства и алкоголизма,
дают сегодня огромную смертность.
И все же
реальной угрозой
для всего человечества,
а для нашей экономически
отсталой страны — тем более —
представляет другая болезнь —
коварная, опасная, неизлечимая:
СПИД, ВИЧ-инфекция, как последствие
пьянства, наркомании, проституции,
беспорядочного образа жизни,
от которых мы не могли избавиться
за 70 лет советской власти.
Не помогли ни лозунги,
ни моральный Кодекс строителя
коммунизма, ни марксистско-ленинская
философия.
И сегодня мы стоим перед фактом:
ежегодно число
заболевших и инфицированных
удваивается. Если это
будет продолжаться и дальше, то
в ближайшем будущем
под угрозой может оказаться
сама жизнь на Земле.
Ведь ВИЧ приобретает характер эпидемии,
не признающей никаких географических
рамок. Она уже шагает
по Земле, губя не десятки — тысячи
человеческих жизней.
И надеяться на чудо-исцеление
пока не приходится.
Несмотря на многочисленные
исследования, многие вопросы,
касающиеся СПИДа:

как, где и почему возникло и стало
так быстро распространяться
это заболевание,
остаются без ответа.
Нашей стране, по редкой
случайности, представился
шанс одной из последних
подвергнуться этому заболеванию,
и возможность использовать
мировой опыт борьбы с
«чумой XX века».
В СССР — первой стране мира
стали регистрировать
не только больных синдромом
приобретенного иммунодефицита (СПИДом),
а всех лиц, зараженных
этим вирусом.
Сведения о выявленных поступают
в специальную лабораторию
профилактики
и лечения СПИДа,
где вносятся в компьютер и
проводится анализ
возможных связей между
инфицированными лицами и динамики
распространения инфекции.
Таким путем был выявлен
внутрибольничный очаг
ВИЧ-инфекции в Элисте.
Этот факт говорит о его
действенности.
Страшно подумать о том,
что могло произойти
с населением Калмыкии,
не будь прерван путь
передачи вируса медперсоналом.
В больницах Элисты ВИЧ-инфекция
«гуляла» по городу в течение
8 месяцев.
Она передавалась от ребенка
к ребенку, из стационара
в стационар. Так формировались новые
очаги заболевания СПИДом,
взрослых и детей.
Всего в период с 1988—1989 гг.

передача инфекции на
территории СССР наиболее
часто осуществлялась
в медицинских стационарах:
с помощью инструментов,
не подвергшихся стерилизации —
56,9 процента
случаев, при повторном
использовании шприца.
По предварительным и
очень осторожным подсчетам специалистов,
в 1995 году у нас будет
600 тысяч вирусоносителей и
6 тысяч больных и умерших от СПИДа,
в 2000 году — 15 миллионов зараженных,
200 тысяч больных
и умерших.
Предположить, сколько из этих
людей будет заражено именно
из-за отсутствия медицинского
оборудования, не представляется
возможным,
но ученые знают: очень много.
Что же мы?
Ахаем и ужасаемся.
Но продолжаем жить спокойно.
Чего ждем?
Неужели так тихо и покорно
мы привыкнем и к неизбежности смерти?
Смиримся с перспективой,
что не десятки — тысячи наших
сограждан,
наши дети, знакомые и близкие
заражены вирусом СПИДа.
И не из-за собственного «аморального
поведения» или
трагической случайности.
А потому лишь,
что у нас не хватает одноразовых
шприцев, одноразовых
капельниц,
одноразовых контейнеров для
хранения крови.
Нет хороших или хотя бы плохих
презервативов.

Факты для размышления

В 1991 году
одноразовых шприцев обещают
выпустить столько, сколько надо —
свыше трех миллиардов.
Верится с трудом.
Ибо в 1990 году их было произведено
только 150 миллионов.
С капельницами, внутривенными катетерами
и другим одноразовым оборудованием
также не обнадеживают.
Производство советских презервативов
в нужном количестве
тоже не ожидается завтра.
Три резиновых изделия
до сего дня выделяются на
одного мужчину в год —
словно ветеранские продуктовые
наборы к праздникам.
«Нет еще отечественных
производственных
линий», «нет валюты
на закупку импортных»,— разводят
руками ответственные работники.
А потому советские люди
пока обречены на заражение
СПИДом в больницах
и поликлиниках.
Другим источником распространения
ВИЧ-инфекции в СССР
стали иностранные граждане.

Факты для размышления

Согласно Указу Президиума
Верховного Совета СССР
«О мерах профилактики
заражения вирусом СПИД»
только в 1987 году
при обследовании абитуриентов-
иностранцев, приехавших на учебу в СССР,
выявлено около 100
инфицированных, являющихся

высоко активными источниками инфекции.
В 1990 г.—12.
Всего было обследовано в 1985—1989 гг.
19 441 иностранец, прибывший
из Африки. Среди них обнаружено
292 зараженных (1,5 процента) и 54 888—
из других регионов, среди которых
выявлено 9 инфицированных (0,016 процента).

Анкетирование показало, что
во время пребывания в СССР они
имеют значительное количество
половых партнеров
и могут стать
основным источником ВИЧ-инфекции
в нашей стране.
Завоз ВИЧ из-за рубежа осуществляется
и заразившимися там
советскими гражданами.
Кстати, так было с первым
выявленным зараженным советским
гражданином.

Факты для размышления

Среди взрослых советских граждан,
выявленных на заболевание ВИЧ-инфекции,
62,5 процента мужчины.
Возраст больных — от 16 до 64 лет.
Но в основном это молодые люди.
Так, 90 процентов мужчин
и 95 процентов женщин
моложе 40 лет.
Молодой возраст больных определил
отсутствие у подавляющего большинства
серьезных сопутствующих заболеваний.
Наиболее часто ВИЧ-инфекция сочетается
с сифилисом (у 27 человек).

Никогда еще пропаганда не была
так напориста, как
в борьбе со СПИДом.
Понятно почему:
болезнь смертельна.

Одна из возможностей
уберечься от нее —
здоровый образ жизни.
Причем, женщина становится
объектом особого внимания.
Ведь сегодня она выступает
в двоякой роли:
как человек, который
подвергается огромной
опасности заразиться СПИДом,
и как сила, способная
защитить себя и других
от грозящей беды.
**Кто, как не женщина,
может глубже понять
и осознать всю глубину опасности
заболевания, если речь
идет не только о ее здоровье,
но и о здоровье и судьбе
ее поколения,
всего будущего.**
«Женщина и СПИД»
— такова тема Всемирного дня
борьбы со СПИДом,
который 1 декабря
ежегодно проводится
на всех континентах земного шара.
По традиции он стал
международным днем
согласованных действий
по профилактике
и борьбе
с «чумой XX века»,
пандемия которой нависла над всем
человечеством,
как дамоклов меч.
Многие с тревогой отмечают,
что среди инфицированных
и больных смертельным СПИДом,
а их, по оценке экспертов ВОЗ,
на Земле уже не менее 6 миллионов
человек, примерно треть — женщины.
Только в 32 государствах Европы
диагноз СПИДа поставлен 4500
представительницам слабого пола.

Доля женщин среди зараженных
зловещим вирусом возрастает.
Вот почему так важно, чтобы
в соответствии с Парижской декларацией
«Женщины, дети и СПИД»
и резолюцией,
одобренной состоявшейся в мае
1990 года Всемирной ассамблеей
здравоохранения,
проблема предупреждения
зараженных ВИЧ
среди женщин стала одной
из главных составных
частей глобальной программы борьбы
со СПИДом во всех странах.
Стержнем в ней, конечно же,
должна стать крепкая материальная
база научно-исследовательских
институтов, лабораторий.
До тех пор, пока наша
государственная программа борьбы
со СПИДом будет построена
традиционным способом,
она не обеспечит
концентрации необходимых
ресурсов и прав руководства на
решение этой проблемы.
В научно-исследовательских
центрах по-прежнему не хватает
рабочих площадей.
В системе Минздрава
и АМН СССР нет
ни одной лаборатории, которая
отвечала бы технике
безопасности.
Ни одно из постановлений
об их строительстве
не выполнено.
Чем обернется через несколько лет
нищенское финансирование
такой программы?
До боли обидно
за беспомощность нашего
советского
здравоохранения

и жутко от его бессилия.
И снова, и снова
с надеждой мы смотрим на Запад,
где идет жестокая борьба
не на жизнь, а на смерть
с этим великим заболеванием —
«чумой XX века».
Оттуда ждем помощи,
и спасения от гибели.
И если не удастся в ближайшие
годы найти
эффективный выход из создавшейся
ситуации, то сначала
отдельные страны, а затем
и все человечество
окажется на грани
вымирания...
На днях телетайпы принесли
весть: всемирно
известная австрийская фармацевтическая
фирма «Имуно»
получила разрешение на испытание
на людях нового препарата
ГП-160 для прививки
против СПИДа.
Есть полные основания
для оптимизма:
шимпанзе, которому три года
назад в лаборатории этой
фирмы сделали
прививку после
многократных попыток
заразить его СПИДом,
остался здоровым.
Опыты с другими животными тоже
оказались благонадежными.
Доказано, что препарат ГП-160
для человеческого организма
безвреден.
Не вызывает никаких опасных
последствий.
Сегодня австрийский препарат
испытывается
в нескольких клиниках
американских городов.

60 добровольцев — половина из них женщины —
здоровые люди,
выразили желание участвовать
в эксперименте.
По утверждению одного из видных ученых —
профессора Ф. Дорнера,
по меньшей мере лет через пять,
возможно промышленное производство ГП-160.
Поживем — увидим.
**Зараженность населения страны СПИДом
растет.
Вирус уже циркулирует среди
нас. Изъять его или уничтожить
пока невозможно...**

* * *

После длительной, напряженной
работы Комитет Верховного
Совета СССР по охране
здоровья народа
принял Государственную программу
профилактики заболеваний и
формирования здорового
образа жизни населения СССР
на период до 2000 года.
Одна из главных целей ее —
увеличить на два года
продолжительность жизни
советских людей в трудоспособном
возрасте. Даже если
эта программа будет выполнена наполовину,
то и тогда экономический
эффект от реализации
ее составит примерно годовой объем
национального дохода, т. е. более 500
миллиардов рублей.
Наконец-то всем стало ясно:
богатство и достаток в стране появятся
тогда, когда
в ней будет жить
физически и нравственно
здоровый народ.

ПОМНИТЕ:

СПИД вызывается вирусом, который называется ВИЧ

Вич — это вирус иммунодефицита человека. Этот вирус передается через сперму, с выделением из влагалища или через кровь людей, зараженных ВИЧем. Если вы заразились, то ВИЧ поражает клетки, обеспечивающие иммунитет организма. Без этих клеток, составляющих иммунную систему организма, человеческий организм не сможет защитить себя от заболевания. Поэтому болезнь и инфекция беспрепятственно проникают в организм, ВИЧ становится частью клеток вашего организма. Вирус может находиться в этих клетках в скрытой форме и действовать как бомба замедленного действия.

СПИД — результат заражения ВИЧем

Может пройти более десяти лет, пока СПИД разовьется. Когда люди заболевают СПИДом, их защитная (имунная) система значительно ослабевает. В результате, они становятся подвержены всевозможным инфекционным заболеваниям и раку. К смертельному исходу приводят именно эти болезни.

Симптомы ВИЧа у разных людей — разные

У некоторых людей появляется жар и лихорадочное состояние или диарея (понос). Большинство страдает затяжным воспалением желез и лимфатических узлов. Многие, без всяких видимых причин, теряют в весе. Вирус поражает иммунную систему тела. Только врач или специальные анализы крови могут определить, относятся ли указанные симптомы к ВИЧу.

Как правило, люди, зараженные ВИЧем, выглядят и чувствуют себя здоровыми

Вирус действует как бомба замедленного действия, не проявляясь многие годы, пока не обнаружатся какие-либо симптомы заболевания. Люди могут даже не знать, что они уже заражены.

Большинство людей, пораженных ВИЧем и СПИДом, заразились этим вирусом в результате половых сношений или пользования одним шприцем с теми, кто уже был заражен ВИЧем

Любой, кто поражен этим вирусом, может заразить им других. Мужчины, носители ВИЧа, могут заразить как женщин, так и других мужчин. Женщины могут заразить как мужчин, так и других женщин. Зараженные женщины могут даже передать болезнь своим детям как до рождения, так и в ходе родов, а в некоторых случаях и во время кормления ребенка грудью. Больше чем треть детей, родившихся от зараженных матерей, станут носителями этого вируса и заболеют СПИДом. Число женщин и детей, зараженных ВИЧем, продолжает расти.

ВИЧ не распространяется таким путем, как простуда или грипп

В отличие от многих других вирусов, ВИЧ не распространяется по воздуху. Хотя ВИЧ иногда находят в слюне, он не передается через слюну. ВИЧ неустойчив и быстро разрушается за пределами человеческого организма. Здоровая кожа, без царапин, порезов и болячек, препятствует проникновению микробов в организм и предохраняет от заражения ВИЧем. По указанным причинам ВИЧ не может передаваться через:

рукопожатие;
объятия;
кашель;
чихание;
поцелуй,

а также:

в плавательных бассейнах;
в результате пользования туалетным сиденьем;
при пользовании теми же ложками,
чашками, соломинками;
через пищу;
через комаров и других насекомых;
через животных.

Зараженность ВИЧем определяется с помощью специального анализа крови

Если вы подозреваете, что заражены ВИЧем, проконсультируйтесь с врачом, медицинским работником

или позвоните по телефону в медицинскую организацию, занимающуюся проблемой СПИДа. Если вы делаете анализ крови, посоветуйтесь со специалистом до и после анализа. Опытные специалисты помогут вам понять, что означают результаты анализа и что вам надлежит делать дальше.

Пока еще не существует вакицны против ВИЧа или эффективного средства против СПИДа

Некоторые медикаменты помогают продлить жизнь людей, зараженных СПИДом. Но радикальное средство от этого заболевания пока еще не найдено.

Сведена до минимума возможность заражения доноров, дающих кровь или плазму

В тех случаях, когда применяются иглы одноразового использования, которые сразу же уничтожаются, возможность заражения донора исключается. При применении игл многократного пользования они проходят тщательную стерилизацию, которая уничтожает ВИЧ.

Резиновые презервативы могут защитить вас от заражения ВИЧем

Резиновые презервативы способствуют защите от заражения ВИЧем. Противозачаточные средства и диафрагмы от этого заражения не защищают. И вы должны пользоваться ими каждый раз, когда вступаете в половой контакт (через влагалище, анальное отверстие или оральным способом)— от начала сношения и до его окончания. Но надо помнить, что презервативы не обеспечивают абсолютной защиты.

Зараженные ВИЧем и больные СПИДом нуждаются в вашем добром отношении

Дружеские отношения не могут вызвать заболевание СПИДом. Большинство больных СПИДом испытывают сильный психологический стресс. Они нуждаются в вашей поддержке и заботе. Узнавайте у них, чем вы можете им помочь.

АФОРИЗМЫ И ИЗРЕЧЕНИЯ

«Подобно тому, как бывает болезнь тела, бывает также болезнь образа жизни».

Демокрит

«Алкоголь гораздо больше причиняет горя, чем радости, хотя его употребляют ради радости. Сколько талантливых и сильных людей погибло и погибает».

Павлов

«Мы пьем за здоровье друг друга и портим собственное здоровье».

Джером

«От вина гибнет красота, вином сокращается молодость».

Гораций

«Вино сообщает каждому, кто пьет его, четыре качества. Вначале человек становится похожим на павлина — он пыжится, его движения плавны и величавы. Затем приобретает характер обезьяны и начинает со всеми заигрывать и шутить. Потом уподобляется льву, становится самонадеянным, гордым, уверенным в своих силах. Но в заключение он превращается в свинью».

Абдуль-Фарадис

«Водка белая, но красит нос и чернит репутацию».

Чехов

«Пьют и едят все люди, но пьянствуют и обжираются только дикари».

Белинский

«Каждая капля принятого родителями алкоголя предвещает каплю тупости у рождаемого потомства».

Бенуаль

«Нет такой причины, которая обуславливала бы столько страданий и болезней, сколько вызывает их злоупотребление спиртными напитками».

Дарвин

«Алкоголь не может играть роль посредника, он не поможет общению, так как тормозит все высшие проявления психики, мышления».

Углов

«Пивное пьянство, подобно водочному, ведет к глубокому расстройству духовной и телесной сфер человека с тем различием, что расстройство наступает медленнее».

Данилевский

«Человек хуже животного, когда он становится животным».

Р. Тагор

«...Избавится от пьянства человек не тогда, когда будет лишен возможности пить, а тогда, когда он не станет пить, хотя бы перед ним стояло вино, и он слышал его запах...

Говорят, не нами началось, не нами и кончится. Нет, нами кончится, если только мы поймем, что каждой рюмкой выпитого вина мы служим тому дьявольскому злу, от которого гибли лучшие сыны человеческие... Только бы мы поняли это, то нами и кончится».

Л. Толстой

СОДЕРЖАНИЕ

Ерофеев В., Михайличенко Е., Феодориди Е.

Е78 Исповедь порока.— Ставрополь: Кн. изд-во, 1990.—237 с.

ISBN 5—7644—0361—8

Главные действующие лица в сборнике «Исповедь порока» — алкоголик, наркоман, проститутка... По разному складываются их судьбы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, но прежде всего — на молодых.

Е $\frac{4108110000-15}{М159(03)-91}$ 15—91

ББК 56.14(2Р37)

Научно-публицистическое издание

Ерофеев Венедикт Васильевич
Михайличенко Елизавета Юрьевна
Феодориди Ефим Федорович

ИСПОВЕДЬ ПОРОКА

Редактор Г. Н. Воробьева
Художник Г. Е. Саврасов
Художественный редактор С. Ф. Бобылев
Технический редактор Н. М. Серкова
Корректор В. М. Воронкина

ИБ № 2507.
Сдано в набор 20.08.90. Подписано в печать 07.12.90.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура Журнальная рубленая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,64. Уч.-изд. л. 15,5.
Тираж 100000 экз. Заказ № 1384. Цена 7 руб.
Ставропольское укрупненное книжное издательство,
355017, г. Ставрополь, пл. Ленина, 3.
Ставропольское полиграфическое объединение
Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Ставропольского крайисполкома,
355106, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Во всех случаях полиграфического брака
в экземплярах книги обращаться
в Ставропольское полиграфическое объединение
по адресу: 355106, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

7 руб.
Ефим Феодориди
«НОЧНЫЕ БАБОЧКИ»
Ставропольское книжное
издательство 1991 г.